

ТАЙНЫ загробного мира

Составитель архимандрит Пантелеимон

Текст книги издательства «Имени святителя Льва», Москва 2010 год

Свидетельство умерших о бессмертии души и о загробной жизни (РАССКАЗ ПРИХОДСКОГО СВЯЩЕННИКА)

Летом 1864 года прибыл к нам в село молодой человек, лет двадцати пяти и поселился в чистеньком домике. Этот господин сначала никуда не выходил, а недели через две я увидел его в церкви. Несмотря на молодые лета лицо его было помято, морщины кое-где легли целыми складками и невольно говорили, что не без бурь и потрясений . прошло его юношество. Он стал часто посещать нашу церковь, и не только в праздники, но и в будни можно было его видеть молящимся где-нибудь в углу, при слабом мерцании лампадки. Он всегда приходил рано, уходил позднее всех, и каждый раз с каким-то особенным благоговением целовал крест. Вот что передал о себе этот молодой человек:

— Отец мой был мелкопоместный помещик в Я-ской губернии Д. уезда; принадлежала ему одна деревенька. Тихо, плавно текла моя жизнь и я был примерным ребенком. Но вот мне исполнилось десять лет, и я поступил в одно из среднеучебных светских заведений. Тяжело мне было привыкать к новой жизни; в заведении я уже не слышал более того теплого, истинно религиозного наставления, какое мне давали дома на каждом шагу. Сначала я был религиозен и часто молился, но эта молитва была нередко причиной насмешек моих товарищей. Все воспитанники этого заведения, без надзора родителей, были страшными кощунами, и их язвительные насмешки сыпались градом на мою голову за мою религиозность. Поддержки у меня не было и моя охота к молитве слабела с каждым днем, сначала потому, что я стыдился товарищей, а потом опущение молитвы обратилось уже мне в привычку; я пристал к моим товарищам, и молитва уже более никогда не приходила мне на ум. Беседы и разговоры наши были самые грязные, богопротивные. Насмешки над Священным Писанием, над богослужением, над усердием и религиозностью некоторых священников и простого народа, — вот что было постоянным предметом наших разговоров. Сначала меня коробило от всего этого; потом время и общество притупили во мне и это последнее проявление доброго, остаток домашнего воспитания. Но все-таки, как я ни опошлился в этой среде, во мне было сознание того, что я грешу перед Богом; а между тем я продолжал делать то же, что и товарищи. Время шло; я перешел в последний класс и тут-то окончательно совершилось мое падение, и прежние насмешки над священными обрядами и религиозностью людей перешли в полное осмеяние всей Божественной религии. Я сделался отъявленным материалистом. Бытие Бога, бессмертие души, будущая загробная жизнь — все это я считал порождением фантазии и зло смеялся над всем. Крест, это орудие нашего спасения, я сбросил с себя и с каким-то презрением посмотрел на него... Когда я стоял в церкви по приказанию начальства, как я издевался, как смеялся над отправлением Божественной службы. Когда наступали постные дни, я нарочно старался поесть скоромного, чтобы показать полное презрение к церковным постановлениям. Святые иконы, жития святых были главными предметами моих насмешек. Всегда перед принятием Св. Тайн я старался хоть чего-нибудь поесть и потом уже шел к причастию. Одним словом, в эту пору я был каким-то извергом, а не человеком.

Но вот наступило время выхода моего из заведения, и тут-то я ринулся со всей силой в бездну погибели, и много, много я увлек за собой чистых, невинных душ!..

В один год умерли от холеры мои добрые родители, и их теплая молитва перед престолом Всевышнего, должно быть, повела к исправлению заблудшего их сына. По получении известия о их смерти я отправился в село к ним на могилу. Странно: как я ни опошлел, как ни смеялся над всеми святыми чувствами человека, все-таки привязанность к родителям осталась, и холодный развратный ум уступил голосу сердца — желанию побывать на могиле — и не осмеял его. Это я приписываю особенному действию Промысла Божия, потому что эта поездка на родину была началом моего исправления. Приехав в родное село, я спросил церковного сторожа, где могила таких-то, и, не думая перекреститься на церковь, отправился к указанному месту...

Вот уже могила от меня шагах в десяти, вот уж я вижу и свежую насыпь, но..i вдруг потемнело у меня в глазах, дыхание захватило, голова закружилась, и я упал без памяти на землю. Не знаю, что со мной тут было, только я пришел в сознание уже в квартире, нанятой моим слугой у одного крестьянина. Из рассказов его я узнал, что все окружавшие меня думали, что со мною удар, потому что я был без памяти, с багровым лицом и пеной у рта.

На другой день я встал, однако, совершенно здоровый и, как ни ломал голову, не мог объяснить себе, отчего со мной сделался такой припадок. Потом я опять в те же часы дня отправился на могилу: но каково было мое удивление, когда и в этот раз случилось со мной то же, что вчера. Думая, что меня постигла падучая болезнь, периодически возвращающаяся в известные часы дня, я на третий день остался дома, и припадков не было. Но когда я пошел на четвертый день и стал только приближаться к могиле, прежний припадок снова повторился. Встав утром на другой день, я встретил своего слугу каким-то испуганным, боящимся меня. После я узнал, что он тут же порешил, что в этих припадках что-нибудь недоброе и что я, должно быть, слишком грешен, коли Господь не допустит меня до могилы родителей. Счастливее меня он был тогда: у него была вера в Промысл, вера в Бога, а я был жалкий человек и не хотел признавать во всем этом перста Божия. Впрочем, меня довольно озадачили эти странные припадки, и я послал на ближайшую станцию за доктором. Доктор обещал прибыть на другой день и в ожидании его я уснул часов в двенадцать ночи. Утром я проснулся рано, и — Боже мой! — страшно вспомнить: я не мог пошевелиться, язык не повиновался; я лежал весь расслабленный, тело мое было все в огне, губы высохли, я чувствовал страшную жажду и окончательно упал духом.

Явился доктор, осмотрел меня и дал лекарство. Началось лечение... Сначала Доктор прописывал мне лекарства без затруднения, но потом долго-долго иногда просиживал около меня, кусая губы, и однажды, после шестинедельного лечения, написал мне на бумаге: «Имея дело с мужчиной, я всегда открыто говорю о его болезни, как бы она ни была опасна; ваша болезнь необъяснима, несмотря на мои усилия понять ее; поэтому, не предвидя успеха от трудов моих, я оставляю вас ждать, когда она сама собой откроется». Каков же был мой ужас, когда меня оставляла человеческая помощь, на которую я только и надеялся! У другого есть надежда на высшую помощь, но ее отверг мой развращенный ум. С каждым днем болезнь моя усиливалась и осложнялась: на теле появились прыщи, которые перешли в гнойные раны, от них несся смрадный запах, я не знал, что и делать. Целые ночи я не спал и не находил себе покоя.

Но вот однажды, только что я стал засыпать, вдруг чувствую в своей руке чужую руку. Я вздрогнул, раскрыл глаза и — Боже мой! — передо мной стояла моя мать. Я не мог вообразить, каким образом она очутилась передо мной... «Да ведь она умерла, — подумал я, — как же она явилась мне?». А между тем сердце билось во мне. Мать моя была вся в белом, и только в одном месте виднелось черное пятно; лицо ее было сумрачно, и она была вся в каком-то полумраке. «Я твоя мать, — начала она. — Твои беззакония и твоя распутная жизнь, полная неверия и безбожия, дошли до Господа, и Он хотел истребить тебя, стереть с лица земли. Ты не только погубил себя, но даже запятнал и нас, и это черное пятно на моей душе — твои тяжкие грехи. Господь, говорю, хотел поразить тебя, но отец твой и я молились перед престолом Всевышнего о тебе, и Он захотел обратить тебя к Себе не милостью, потому что ты

этого не мог понять, а строгостью. Он знал, что одна могила наша для тебя дорога здесь, и потому не допустил тебя к ней, поразив сверхъестественной болезнью, дабы ты признал над собой высшую силу, тобой отвергнутую, но ты не обратился. Потом Господь послал меня к тебе — это последнее средство для твоего исправления. Ты не признавал Бога, будущей жизни, бессмертия души, — вот же тебе доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю с тобой. Уверуй же в отрицаемого тобой Бога. Вспомни твою мать, которая жизни не жалея старалась сделать из тебя истинного христианина!».

С этими словами лицо ее более помрачилось, раздались в комнате рыдания ее и потрясли всю мою душу... «Еще раз заклинаю тебя, — продолжала мать, — обратись к Богу. Ты не веришь и, может быть, думаешь объяснить мое явление тебе расстройством твоего воображения, но знай, что твои объяснения ложны, и я своим духовным существом теперь предстою пред тобой: И в доказательство этого, вот тебе крест, отвергнутый тобою, — прими его, иначе погибнешь. Уверуй, и твоя болезнь исцелится чудесным образом. Погибель и вечный ад тебе, если ты отвергнешь меня!»: Так сказала мать и скрылась. Я опомнился и увидел в руке своей маленький крестик.

Все это до самой сокровенной глубины потрясло мою душу; совесть поднялась со всей силой, недавние убеждения рушились, и я в минуту, кажется, весь переродился, какое-то сладостное, непонятное чувство явилось в груди... В эту минуту вошел мой слуга, держа в руках икону с изображением Животворящего Креста. По его предложению я приложился к ней... Не могу без волнения вспоминать этой чудной минуты: я тут же почувствовал себя здоровым: члены стали повиноваться, язык стал свободно говорить, на месте струпов остались одни только, пятна... Я встал и первым моим делом было помолиться перед образом, который принес слуга. После этого я пошел в церковь и там молился, и сколько было искренности в этой непритворной молитве! Тут же я отправился на дорожную могилу, целовал ее и плакал, и эти горячие слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаянием блудного сына (Нижегородские Епархиальные Ведомости, 1865, № 24).

Приведем здесь прекрасный рассказ, взятый нами в сокращении из книги известного русско-галицкого прот. Иоанна Наумовича.

«Дед Онуфрий однажды рассказал своему внуку Николаю следующую историю про ясновидящую, дочь помещика того имения, где он жил.

— Богаты были наши помещики, — так начал он свой рассказ, — ужасно богаты, и деток им Бог послал тоже, но те у них как-то все не росли. Бывало, родится ребенок дюжий, здоровый, но как только вступит в пятый годок — вдруг скоропостижно умирает, точно косою его скосит. Так умерло у них десять детей, и все по пятому году. Сколько покойница барыня ни убивалась, сколько ни раздавала денег нищим, на церкви — ничто не помогало.

Умер десятый ребенок, и пять лет после того детей у них уже не было. Едет она, бывало, на кладбище, велит разобрать каменные могилки, открыть гробики, — плачет над ними, убивается — до обморока. Опротивели им уже всякие имения, да и подлинно: на что ж человеку все это, когда нет у него ни одного ребенка? Но вот раз приходит к ним в усадьбу старик нищий, седой совсем, старый-престарый. Барыня вышла к нему, подала серебряную монету, да и говорит: «Молись, дедушка, чтобы Господь нас помиловал». А дед-то ей в ответ: «Помилует вас Господь милосердый, помилует, только вы покайтесь, не обижайте народ, будьте к нему милостивы. Поезжайте-ка вы в Почаев, в лавру, говейте там три дня, потом исповедайтесь и причаститесь, да пусть монахи отслужат вам обедню заказную с акафистом Богородице, а вы всю ту службу чтоб оба стояли на коленях, а когда будут читать Евангелие, можете с колен подняться». Барыня послушалась, подала дедке еще такую же монету, и сама побежала к барину, — а нищий тем часом куда-то исчез.

О чем там они говорили, — неизвестно, но назавтра барин велел запрягать лошадей, и поехали они оба в По

чаев Молитвы ли чернецов, милость ли Божия, только после того года — великая радость у наших господ: послал им Бог снова дочку, и окрестили они ее Анной. В тот день, когда ее крестили, созвал барин своих управителей, писарей и всех присмотрщиков и сказал им так: «Смотрите, чтобы во всех моих имениях нигде следа не было ни палки, ни плети. Кто из вас

посмеет ударить кого-нибудь из людей моих — лишится места! Кому сделано какое притеснение, обида — за все наградить; ничьей обиды и притеснения я не желаю».

И растет их девочка, растет,— не ребенок, а настоящий ангел: так хороша собой да прекрасна, что, кажется, весь свет исходи, другой такой нигде не сыщешь. Проходит уже пятый год, в котором все старшие их детки умерли, — господа от забот не знают покоя ни днем, ни ночью: все холят, да нежат ее, да берегут. На пятом же этом году везут они ее в Почаев, к тому старенькому монаху, что предсказал им Божие помилование. И читает монах над ней молитву и Евангелие, двенадцать других чернецов правят соборную обедню, — и обмывают ее родители Почаевской водой, и что кто ни укажет — молитву ли какую читать, жертву ли куда принести, все то охотно делают.

Господь, точно, их помиловал: девочке пошел шестой годок, а она растет себе, красуется на радость родителям, что твой маков цвет, — такой красавицы, говорю тебе, ни до того, ни после у нас не видали. Но еще краше была ее душенька. Бывало, всякий день идет к обедне в церковь, стоит там степенно и со страхом, — как сейчас вижу ее перед собой, сердечную! — и молится горячо и с умилением; а по окончании божественной службы раздает нищим деньги и всем вдовам, больным, убогим, всем, кто не в силах сам работать и кормиться, велит приходиться и присылать в усадьбу за мукой, за крупой, солониной и всяким добром. Зато у нас на посаде все про нее, про барышню Анну, только и говорили, как про настоящего ангела, хранителя и утешителя.

И выросла девица прекрасная, и со всех сторон стали наезжать к ней женихи: тот богат, этот еще богаче, один красавец, другой еще лучше; но никто не пришелся ей по сердцу. Она все лишь читает святые книги, все только молится, да творит добрые, милосердые дела.

Анне минуло восемнадцать лет, и была она всегда здорова и весела, точно молоденькая серночка в лесной чаще. Никто и не думал, чтоб ей на долю выпала не такая свадьба, о какой мечтали ее батюшка с матушкой. В самую Великую Пятницу, когда мы собирались к плащанице, стали в народе говорить, что барышня Анна разболелась. На другой день, коляска за коляской, скачут уж к нам в усадьбу доктора из Львова; пробыли у нас несколько дней, думали, гадали и разъехались, сказав, что такой болезни никто никогда и не видывал. Плакал народ на всем посаде из конца в конец, даже жидовство, и то молилось в своей «школе», и не было человека, кто бы горячо о ней не молился. А болезнь ее, точно, была особенная, невиданная. С утра говорит со всеми, ни на какую боль не жалуется, только лицом стала бледнее, да с тела спала, и так была слаба, что руки не могла поднять. А как двенадцать часов пробьет, с полудня значит, закроет глаза и лежит как мертвая, губами только шевелит, и все говорит, говорит, говорит!

И так чудно, милый мой, говорила такие все слова, что я сам никогда бы не поверил, ежели бы своими ушами не слышал. Говорила про души человеческие, куда они по смерти отходят, и рассказывала, что она их видит и с ними беседует. Всякого узнавала, и при том всякого такими словами наставляла, учила, что никто из бывших там не мог удержаться от слез. Хотя глаза у нее постоянно были закрыты, — перстами книгу читала, сказывала, сколько времени на часах, минута в минуту, когда часы прикладывали ей к сердцу, и про каждого из знакомых все знала, и где что на свете делается — угадывала. Старые господа оба заболели; при ней находилась только ее верная старшая горничная девушка, да другие слуги, а народ валил к ней смотреть, будто на какое диво. Но когда приходил человек, тяжело перед Богом грешный, например, жил обманом, кривдой людской, или безбожник какой, в Бога не верующий, или такой, что любил непотребные, гнилые слова говорить, или клясть, или такой, что худо в супружестве жил, дурной пример подавал детям, — то человек этот был еще на дворе, а она уже видела его духом и говорила: «Не пускайте ко мне этого человека (или эту женщину): это безбожный человек, как он войдет, со мной будут корчи».

Николай. И ты тоже был у нее, и видел ее, и слышал ее разговор?

Онуфрий. Разнеслась по всему околотку кругом молва, что с барышней Анной приключилась болезнь, да не простая: в сонном видении она все знает и дивные речи говорит. Повалил к ней народ валом, — идут и идут в усадьбу, точно на базар или в церковь к явленной иконе. Я сначала не поверил, — знаю ведь, народ наш зачастую сглула болтает, да еще, как

говорится, к былям всякие небылицы привирать любит; но потом и меня взяла охота побывать в усадьбе. Иду, но тут как раз повстречался мне ныне покойный батюшка, отец Андрей Левицкий, да и спрашивает: был ли, мол, в усадьбе, видел ли барышню Анну?

— Сейчас вот собрался, — отвечаю. — Но не возьму я все хорошенько в толк, батюшка, что это народ к ней так повалил? Идут и едут без конца!

— Стоит идти и ехать, мой милый! Есть на что посмотреть, есть что и послушать. Такие дела незауряд дается видеть и слышать человеку.

— Что же это такое? — говорю. — Подлинно ли, батюшка, духовный отец, она святая?

— Поистине святая, потому что душа чистая и богобоязненная, — отвечает батюшка. — Ежели и был на ней

грех какой, то лишь самый обыкновенный, и она очистила его своими добрыми делами. Она, понимаешь ли ты, ясновидящая.

— А что такое ясновидящая? Я этого слова не понимаю.

— Издавна, сын мой, бывали люди добродетельные и чистые, перед Богом, которые получали от Бога такую благодать, что не только яснее видели здешнее, земное, но еще при жизни, в этом мире, возносились душой своею превыше земли и зрели дела загробного мира. Такая ясновидящая и есть Анна. Она, видишь ли, жила вся в Боге, в молитве, в добрых делах милосердия и сострадания, и она поистине была «не от мира сего». Потому что мир наш — мир злой, лукавый, нечистый, грешный. Она явилась здесь лишь на короткое время, чтобы показать другим, как жить праведно, богоугодно. Потому-то теперь наступает конец земной ее жизни, и отходит она в свое истинное, небесное отечество, к чистым и светлым духам, но пока еще отойдет, говорит нам о небесном, чтобы мы покаяться и начали совсем другую жизнь, коли хотим получить спасение.

— Вы были уж у ней, батюшка?

— Был, она велела позвать меня к себе, как только занемогла, с первого дня, и просила, чтоб я от нее не отходил. Я пробыл там четыре дня, но больше не мог выдержать ее разговора: кто ее ни слушал, все были не в силах удержаться от плача.

— Что ж она говорила?

— В первый день, как только впала она в этот сон свой, велела позвать барина с барыней и всех слуг, всю дворню, и сказала при мне, что умрет непременно, но чтобы никто о ней не плакал, потому что отходит она в такое место, где нет ни горя, ни скорбей; а жили бы все по-христиански, в молитвах, в любви, да в добрых и святых делах.

— Это ты, отец Андрей, — промолвила она. — Спасибо, что пришел проведать!

А потом к Тимофею служителю:

— Подойди поближе, Тимофеюшка, ты верный слуга мой, и друг, и брат мой милый! Не плачь, зачем плакать! Зачем все вы плачете? И ты, отец Андрей, плачешь?

Я не мог вымолвить слова, меня душили слезы, безмерная печаль сжала всю душу мою! Выплакавшись вволю, я оправился и сказал:

— Как же об вас не плакать, когда вы так больны! Все мы вас так любим, барышня, госпожа наша милая! Душа невольно ноет и болит!

— Не называй меня ни госпожей, ни барышней, — говорит, — это земные слова. Там, куда я иду теперь, нет таких слов. Один Бог — Господин всего мира, а мы все — братья и сестры, и я, видишь, говорю тебе «ты».

— И она все так, — спрашиваю, — с закрытыми глазами говорила?

— Пока бывала в том сне, постоянно имела глаза закрытые, но видела всякого, кто к ней приходил, всех узнавала, всякому что-нибудь особенное говорила. Мы даже давали ей книги и запечатанные письма, и она перстами их читала, не глазами, а именно перстами, лучше сказать — духом своим, каким-то особым чутьем. Оттого-то люди в таком сне и зовутся ясновидящими, что они видят и сквозь переплет, что написано в книге, и сквозь каменные стены, что делается на дворе, и за тысячи верст, что где происходит на свете.

Николай. Как так? Стало быть, она знала будущее, что должно случиться?

Онуфрий. Нет, этого она не знала, будущего не предсказывала и ни о чем таком, что еще только должно случиться, кроме смерти своей, не говорила. Когда мы ее спрашивали насчет

будущего, — кто сколько лет проживет, например, или что другое, она или молчала, или отвечала коротко: «Бог весть».

Николай. Я не понимаю, как могло быть, чтоб она видела на такую даль, за тысячи верст, где что на свете деется!

Онуфрий. Душа без тела, или, как говорится правильнее, вне тела, совсем иначе видит все и знает, чем как душа в теле, потому что земное тело грубое, тяжеловесное и держит душу как бы в темнице, в плену, в неволе.

Николай. Ну, а ее ж душа была разве не в теле?

Онуфрий. Такова была Божья воля, что, и не совсем еще отделившись от тела, могла она уже вознестись в другой мир.

Николай. Мне просто не верится почему-то, чтобы так могло быть на самом деле!

Онуфрий. Если мне не веришь, поверь святому апостолу Павлу. Он тоже рассказывает, что знал двух подобных людей, одного — «восхищена бывша даже до третьяго небесе», другого — «восхищена бывша в рай и слышавша неизреченные глаголы». Значит, уже во времена апостола Павла в числе обратившихся ко Христу людей было двое таких, что еще при жизни вознеслись духом, один до третьего неба, а другой — гораздо выше, в самый рай, и этот другой слышал там какие-то слова, которых человек и сказать не может, и не в силах.

Николай. Чудеса ты мне говоришь, дедушка! Но продолжай, что еще рассказывал тебе покойный отец Андрей?

Онуфрий. Передам тебе лишь вкратце, потому что рассказывать все отняло бы слишком много времени. Говорил он мне еще, что Анна три дня рассказывала про ад. Явился ей в первый же день болезни, дух, Ангел-путеводитель, который водил ее по тем бедственным местам, что мы называем адом. Рассказывала про тьму и страшные муки, в которых пребывают великие грешники, те, что при жизни здесь, на земле, противились Богу и Его заповедям, но подолгу смотреть на это она не могла, только все повторяла: «Люди, люди, братья! Почитайте образ Божий — душу свою, любите Бога и ближнего, хвалите Бога и крепко держите Его заповеди, чтобы не прийти в это несчастное место! Всякий, кто попадет сюда — будет безмерно и безконечно жалеть о своем неразумии, потому что здесь грешник проклинает час, когда родился; но паче всех мучаются те, что других доводили до греха, наставляли на зло». Когда говорила про те муки, слезы текли у нее из глаз, а люди, слушая ее, плакали, и много было таких, что искренно каялись.

Николай. Однако же, все это она говорила во сне?

Онуфрий. Да, во сне. Когда сильно уставала и не могла более выносить того, что видела, сейчас приказывала себя будить.

Николай. Как же будить-то?

Онуфрий. Ты верно думаешь — так будить, как будят спящего? Вовсе не так, потому что можно было шевелить ее, даже сильно уколоть чем-нибудь острым, — она ничего не чувствовала. Чтобы пробудиться, она приказывала приложить стекло себе к сердцу, и после того только открывала глаза и была такая измученная, уставая, что не могла промолвить слова. Когда спрашивали ее про то, о чем она во сне говорила, она ничего не помнила.

Николай. А про жизнь на небесах тоже говорила?

Онуфрий. Про это я и хочу теперь рассказать тебе как очевидец, потому что я был у нее уже на четвертый день, вместе с отцом Андреем Левицким. Когда мы вошли, она уже лежала во сне с закрытыми глазами, но она сейчас обоих нас узнала и проговорила шепотом наши имена. Мы подошли к ней; она лежала на спине со скрещенными руками — как есть покойница, только чуть-чуть заметно дышала! Потом вдруг заговорила:

- Ах вижу свет, прекрасный свет! О, как тут сладко, как любо! Слышу вдали тихие звуки, — ах, какое дивное пение! Но это не земное пение, не земных голосов, — это такое пение, что и сказать вам не могу, потому что в языке человеческого для этого нет слов!

Вид ее совсем изменился: грудь тихо воздымалась, на лице было написано великое счастье, блаженство. Отец Андрей стал ее спрашивать:

— А есть теперь при тебе твой путеводитель, Анна.

— Есть, но он уже не такой грустный, как в те дни, когда мы носились по местам темным,

среди темных и несчастных духов. Ах, какой он нынче прекрасный, какой ясный! Не могу наглядеться на красоту его, не могу надышаться и насытиться той любовью, что разлита по всему этому небесному воздуху и наполняет собой все!

— А зришь ли, Анна, каких-нибудь блаженных духов?

— Вижу, и сама уже нахожусь между ними.

— Видишь ли кого из знакомых? Вижу много знакомых.

— А кого видишь ближе всех?

— Старую бабушку Семеновну из нашего посада, которую мы недавно хоронили, которую никто не хотел проводить по-христиански до могилы, потому что бедна была, не на что было угощение справить, водки купить, — о, какая мерзость! — она говорит со мной. Она здесь не старая, а прекрасная, дивно прекрасная, преображенная.

— А как ты ее узнала?

— Души здесь все между собой знакомы, потому что видят всё ясно.

— Что ж она тебе говорит?

— Благодарит за то, что я ей рубашку сшила и тело ее проводила до могилы.

— Разве такое доброе дело — проводить покойника до могилы?

— Да, это означает любовь, а любовь выше всего. Примолкла немного, как будто от усталости, потом

опять сильнее начала дышать, и снова заговорила.

— Люди, братья мои! Сколько между вами таких грешников, что не думают никогда о загробной жизни, не ходят в церковь из лени, не молятся, предаются недобрым мыслям, творят злые дела, ни о чем не заботятся кроме тела! А что такое тело наше? Ничтожная оболочка, подобная той, что сбрасывает с себя крылатое насекомое, улетаая на вольный воздух. О, как бы мне хотелось рассказать вам все, что здесь вижу, но не могу!

— Почему не можешь, Анна? — спросил отец Андрей. — Расскажи нам все, расскажи! Мы хотим знать, что там будет.

— Невозможно рассказать. У вас на земле нет для того слов, а у меня в груди — силы. Ежели бы всякая капля моей крови превратилась в тысячу языков, да всяким из тех языков я могла бы говорить так, как умел говорить свт. Иоанн Златоуст, поймите, — я все-таки не в силах была бы высказать и одной стотысячной доли того счастья и той красоты, какие здесь вижу. О, просите братьев ваших, соседей, друзей, молитесь им, увещивайте, — пусть оставят грешную жизнь, пусть каются и начнут вновь жить честно, по-христиански: тогда все будут счастливы, блаженны.

— И в чем же заключается это счастье, Анна? Что составляет это блаженство?

— Любовь, любовь! Святая любовь, что царствует здесь между всеми блаженными духами!

— А еще что?

— Красота и величие, безконечная глубина, и высота, и широта дел Божиих! Это звездное небо вы стараетесь изучать на земле — вычисляете, догадываетесь, и все-таки мало знаете о нем, а здесь все видно и все ясно. А как безконечны эти светила и красота и величие их, так безконечно блаженство — видеть и познавать дела Божий и прославлять Бога!

— А духи могут возноситься к этим светилам, куда ни пожелают?

— Могут, куда ни задумают и ни пожелают, но лишь на такую высоту, какая им по силе: есть и такая красота, которую не может вынести и дух чистый, доколе еще совершеннее не очистится, еще более не приблизится к Богу.

— А ты далеко ль видишь?

— Нет, теперь еще недалеко, потому что я еще не совсем свободна от тела. Оно еще влечет меня к вашей земле. Завтра тело мое еще более ослабеет, и проводник мой поведет меня выше. О, как я жажду видеть все чудеса красоты, которые теперь вынести была бы не в силах!

— Как это ты была бы не в силах вынести?

— Да так, подобно червяку, привыкшему с рожденья рыться в земле. Земной червяк не в силах переносить свет солнечный, и когда выбросят его на солнце, он вьется, коробится и погибает: так и душа, рожденная на земле, не может сразу вынести действия высших небесных красот и блаженства

— А там все равны между собой?

— Все равны любовью, но не все равны совершенством. И там есть степени совершенства и степени блаженства.

— Кто ж там выше всех поставлен?

— И в том небе, где я теперь, я вижу некоторых духов в венцах. Они тут более всех прочих блистают. Проводник мой говорит: «Это учителя и просветители народов!». Их наибольшая перед Богом заслуга, им тут наивысшая и честь. На то учителя, чтобы всем умом и всем сердцем учили познавать истину и правду, в церкви ли или в школе, словом или писанием — распространяя свет Божий и любовь к Богу и ближнему между людьми и народами. Но горе тому учителю и тому духовному пастырю, который напрасно лишь занимает свое место, или дурно учит, дурной пример подает собою другим! Такие сюда не придут! Когда она это сказала, я

вспомнил нашего покойного учителя Леоновича и спрашиваю:

— Анна, скажи мне, не видишь ли ты там моего учителя Леоновича?

— Нет, не вижу.

— Отчего?

— Оттого, что он выше, гораздо выше, — мой проводник это говорит. Но его можно вызвать сюда

— Каким это образом?!

— Духи с высших небес могут приходить на низшие ступени, только низшим на высшие нельзя

— И ты вызовешь его, Анна?

— Проводник мой вызовет. Три минуты времени на это надобно.

Отец Левицкий посмотрел на часы, и когда прошло ровно три минуты, она сказала:

— Вижу его, — прекрасный, увенчанный! Все здешние духи воздают ему честь, славят его песнями. Ах, как все это дивно, как прекрасно. — не могу и сказать вам! О, если бы я могла хоть отчасти описать вам то, что здесь вижу! Но это невозможно, это не для вас, земных!

— А к нам. в этот мир, не сходят ли иногда духи из другого мира?

— Сходят и являются иным в сновидении, кто заслуживает это, присутствуют при богослужении за их души, хоть они и не имеют нужды в наших молитвах, но радуются нашей любви. О, иду дальше, возношусь выше и выше, и все сильнее и яснее чувствую здешнее неизреченное счастье, блаженство! Разбудите меня, потому что я не в силах долее его выдерживать.

Отец Левицкий приложил ей стеклянный стакан к груди, она проснулась и открыла глаза. Когда мы стали рассказывать ей, что она говорила, — она ничего не помнила и не могла повторить, потому что душа ее, вступив обратно в тело, видела уже только земной мир — комнату, постель и людей, ее окружавших.

Сильно была утомлена и слаба, но, когда предлагали пищу — ничего не принимала, чем она и жила — непонятно. Но я, сынок; никогда бы и не закончил, ежели бы все стал рассказывать. Потому скажу тебе только, что барышня Анна после того еще три дня говорила о небе, и все выше и выше возносилась, — видела святых, и про них рассказывала, и нас наставляла почитать их память и учению их следовать, чтобы достигнуть вечного спасения и небесной жизни. О, кто в силах рассказать, что мы слышали! От ее слов самый закоренелый и жестокосердый грешник не мог не плакать, как дитя, и много людей обратились на правый путь, — пьяницы перестали пить, насильники и обманщики ближнего и всякие грешники каялись.

Четвертого дня к вечеру больная сказала, что ровно в семь часов и пять минут душа ее совсем отрешится от тела, и велела себя разбудить. Когда проснулась, позвала к самой постели отца Андрея Левицкого и поцеловала у него руку, поцеловала потом верную свою подругу и неотступную сиделку в болезни — старшую горничную девушку Марью; велела обнять и поцеловать за нее отца и матушку, утешить их и попросить, чтобы не плакали; но они лежали оба больные без памяти, и врачи никого к ним не допускали; попрощалась со всеми, велела созвать всех дворовых людей, благодарила их за услуги и всякого благословила. Тут поднялся плач безмерный: все рыдали, у меня у самого слезы лились в три ручья, потому что никогда такой кончины я не видел. Когда часы показывали семь и пять минут, больная глубоко вздохнула, и душа ее оставила прекрасное земное ее тело. Никогда не видел я такого прекрасного, ангельского лица, никогда не замечал у покойника такой светлой и радостной улыбки, как у нашей барышни Анны, когда одели ее в белое платье, гроб и всю ее усыпали цветами...

На похоронах Анны преможеество было народу со всех сел, и множество господ понаехало издалека, и все плакали, потому что все лишились в ней земного ангела («Четыре путеводителя доброй жизни»).

* * *

Один священнослужитель на шестнадцатом году брачной своей жизни лишился супруги умной и благочестивой. Разлука с нею поразила его сильно. Глубокая скорбь и невыразимая тоска овладели им. Он впал в уныние и пошел было путем опасным, сдружившись с вином.

— Не знаю, — говорил сам вдовый священник, — долго ли я шел бы этим губительным путем и куда бы пришел, если бы не остановила покойная моя жена. Она явилась в сонном видении и, принимая искреннее участие в моем положении, сказала мне: «Друг мой! Что с тобою? Ты избрал опасный путь, на котором уронишь себя во мнении людей, а главное — можешь лишиться благословения Божия, которое доныне почивало на нашем доме. Ты в таком сане, в котором малое пятно представляется великим; ты на таком месте, откуда видят тебя со всех сторон; у тебя шесть неоперившихся птенцов, для которых ты должен быть теперь отцом и матерью. Ужели ты перестал дорожить своим саном, своими заслугами и тем почетом, которым пользовался от всех? Ужели твоя честь, жизнь, заслуги нужны были только для одной твоей жены? Подумай, друг мой, об этом, прошу тебя и умоляю, рассуди здраво и поспеши сойти с этого пути, на который ты, к великой моей горести, так необдуманно стал. Ты грустишь о разлуке со мною, но, как видишь, союз наш не прерван; мы и теперь можем иметь духовное общение друг с другом, а в жизни загробной можем навеки соединиться, если ты будешь того достоин. Ты жалуешься на пустоту в сердце твоём: наполняй эту пустоту любовью к Богу, к детям и братьям твоим, питай душу хлебом ангельским, как любил ты называть слово Божие, и любил им питать себя и семейство свое, молись Богу за меня и за себя и за детей наших и за души, тебе вверенные». Этот голос любимой супруги моей глубоко проник в душу мою и благотворно подействовал на меня. Я принял его, как голос Ангела хранителя моего, как голос Самого Бога, вразумляющего меня, и решился всеми силами противостоять искушению и благодарение Богу, -при Его помощи, преодолел искушения и твердой ногой стал на путь правый («Странник», 1865, июль).

Замечательное сновидение

«Послушница Тихвинского Введенского монастыря (Новгородской губернии) по имени Фекла 5 декабря 1902 года, после причащения Святых Тайн, придя из церкви после обедни, почувствовала слабость и необычайно захотела спать, так что успела только снять с одной ноги чулок, да так и уснула и спала двадцать с половиною часов. Во время сна начала вздрагивать, страшно стонать, слезы текли у нее из глаз, всю ее сильно передергивало, как бы от страшного испуга; то она вдруг замирала, так что едва можно было уловить ее дыхание, а по всему лицу и на конечностях выступал пот; многие из монашествующих приходили смотреть на нее; все думали, что она до утра не доживет.

В одиннадцать часов вечера был позван фельдшер; он нашел, что пульс у нее нормальный, но разбудить ее не мог; пробовал поднять веко, но оно не поднималось; рот тоже невозможно было открыть; давал нюхать нашатырный спирт, но никаких признаков пробуждения не было видно, так ее и оставили до тех пор, пока она сама проснулась.

С трех часов дня до шести часов вечера она все улыбалась; хотя и были подергивания, но видно было, что они не от испуга, а от радости. В продолжение этих трех часов три раза громко сказала: «Господи», а сама все улыбалась. Потом сделала движение руками, как будто старалась что-то поймать, и громко на всю келью сказала: «Царица Ты Небесная». После этого лежала тихо и все улыбалась; еще раз сказала вслух: «Господи», — и потом проснулась.

Рассказ послушницы Феклы

Когда я уснула, вижу идет ко мне моя родная сестра Пелагея, умершая тринадцать лет тому назад в чахотке, шестнадцати лет от роду, девушка. На голове у нее был венчик, платье белое; и сказала она мне с улыбкой: «Пойдем со мной». И я пошла с ней. Шли мы полем прямо и пришли

к такому темному месту, что и сказать трудно, а по ту и по другую сторону рвы: в один из них иноки падали, а в другой выходили. Тут сестра моя скрылась, а ко мне явились два юноши, светлые, красивые, такие, каких у нас и нет, и сказали они мне: «Пойдем». Тут я спросила их, за что эти иноки падают в ров? Юноши ответили мне: «За свою нерадивую жизнь в монастыре; они падают и встают опять, потому что нет теперь на земле наставников и руководителей и спастись будут только одними болезнями и скорбями».

Один из юношей скрылся, а другой остался со мной и сказал мне: «Бодрствуй и крестись и пойдем со мной вперед». Взял меня крепко за руку и мы пошли. Место было темное, тесное, шел он очень скоро, так что я с трудом поспевала за ним. Вдруг явились страшилища (так она называла демонов); в руках у них была большая хартия, вся исписанная словами. Они поднесли ее к моим глазам и я тут увидела все свои грехи, от юности записанные.

В это время опять явился другой юноша, и я увидела у него крылья и догадалась, что это был Ангел-хранитель. Он строгим голосом сказал: «Не смейте сегодня устрашать эту душу, она причастница, и не показывайтесь впереди нас». Тут я увидела, что хартия сделалась совершенно чистая, грехи мои все изгладились и страшилища скрылись.

Тогда я с первым юношей пошла вперед, Ангел же хранитель скрылся. Путь был очень тесный, так что я с большим трудом шла боком за своим путеводителем по, темной лестнице, на которой страшилища, хотя и являлись, но не ловили меня. Мы с юношей подошли к большим печам, их было три; около печи были страшилища, они бегали с крюками, а в печах на решетках были точно дрова, которые горели, а страшилища вытаскивали их из печей, точно головни, и колотили их молотом. Вдруг из головни делался человек и с сильным ревом бросался опять в печь; тут я очень устрашилась, боялась, что попаду туда же, но юноша улыбнулся и сказал мне: «Крестись и пойдем дальше». Когда мы отошли, я спросила у него, за что эти люди посажены в эти страшные печи? Юноша ответил мне: «Сюда попадают все христиане, которые только по имени были христианами, а дела творили неподобные: не почитали праздники, бранились скверными словами, пировали рано утром. Бодрствуй и крестись», — сказал мне юноша и мы пошли дальше.

Пришли мы к очень темному месту, тут я увидела две высокие лестницы, демонов на них было очень много; по одну сторону этих лестниц была пропасть, по другую — большой чан, наполненный кипящей смолой; в этот чан бросали человека, который очень стонал, а кругом чана было много народа. Я спросила у юноши, за что же этих людей бросают в чан? Он мне ответил: «За зло и за гордость, это безкорыстный грех; а в пропасть — за клевету и осуждение».

Дальше мы пошли тем же путем и пришли к храмину, у которой не было потолка, а из этой храмины был слышен сильный крик и визг. Когда мы вошли в нее, то я увидела множество людей: одни из них были одеты очень худо, другие — совсем голые — сидели друг к другу спинами, как бы не видя друг друга. Вдруг эта храмина заколыхалась, заклокотала, и я спросила у юноши, отчего это? Юноша ответил мне: «Сейчас сюда прибыла грешная душа». А на мой вопрос, почему эти люди сидят и не видят один другого, юноша ответил: «Эти люди жили на земле безпечно, не было за ними ни худого, ни хорошего, им нет теперь поминовения: потому и здесь не видят ни муки, ни отрады. Поминовением их можно было бы искупить, но поминать-то их некому».

Из храмины мы вышли и опять шли таким же узким путем, и я слышала еще издали шум и визг. Когда мы опять подошли к такой же храмине, увидели, что в ней было очень много народа: все сидели, наклонив головы на грудь. Здесь юноша оставил меня и я испугалась, когда увидела страшилищ, которые стали меня страшить: своими длинными руками они хотели меня схватить и сбросить на весы, которые стояли посреди храмины и на которых взвешивали добрые и худые дела; я очень испугалась, вся затряслась. Вдруг я увидела, что явился Ангел-хранитель и принес мой платочек, который я когда-то дала нищему, бросил его на весы, и платочек перетянул все

мои худые дела. Я обрадовалась и вышла из храмины; Ангел же хранитель опять скрылся: ко мне явился опять юноша и мы с ним пошли дальше, но он шел так быстро, что я не успевала за ним и изнемогала от усталости. Юноша ободрял меня и говорил: «Крестись и бодрствуй». Я крестилась и мне становилось легче.

Мы опять подошли к храмине, около которой был смрад и визг. В этой храмине я увидела женщину, которая сидела посреди, платье на ней было все в кровавых пятнах, на голове, точно венец, обвилась медяница и было много разных червей; вокруг шеи тоже обвилась змея и пастью своей впивалась ей в губы, а хвостом хлопала по ушам; другая большая змея обвилась вокруг ног и пастью доставала до груди и впивалась в нее; женщина манила меня рукой и просила помочь ей. Около нее был прикован как будто баран, но с лицом человека. Мне стало здесь страшно, я стала умолять путеводителя, чтобы он не оставлял меня, и мы с ним вышли из храмины. Я спросила его, за что эта женщина страдает здесь? Он ответил: «Это блудница, она на земле вся отдалась своим страстям, а здесь получает возмездие за дела свои».

Идя дальше, мы опять подошли к храмине очень большой и высокой; внизу этой храмины была большая пропасть с сильным пламенем. Посреди храмины был столб, обвитый змеями, на этом столбе были укреплены точно нары. Все они шатались, народу на этих нарах было очень много, все были очень страшные, а страшилища всех этих людей бросали в пропасть, сдирая с них платье, демоны же крюками из этой пропасти тащили их в нижнюю пропасть бездонную, где они и тонули. Я очень боялась, что и меня туда бросят. Здесь был такой смрад, что я задыхалась от него; змеи на меня разинули рты и хотели проглотить, а у одной змеи было три головы. Вдруг на воздухе является святая великомученица Варвара с чашей в руках; юноша здесь оставил меня одну. Она сказала мне: «Не бойся». Тогда опять ко мне явился Ангел-хранитель и сказал: «Вот что значит в понедельник пост всем Ангелам». Я спросила: «За какие грехи страдает этот народ?». Он отвечал: «За содомские грехи».

Потом привел меня юноша к стеклянным воротам; через них я увидела огромную комнату, посреди были накрыты столы, на них кипели самовары, стояли вина, а на тарелках были мыши, лягушки и разная скверность. За этими столами сидел народ, а другие плясали в пламени, и все эти люди очень кричали, точно чего требуя, а страшилища обливали их кипятком. Юноша на мой вопрос ответил: «Они не почитали праздников, рано, во время обедни, пили, ели и пьянствовали». Недалеко от этого народа целая партия плясала в пламени: они перестанут плясать, а их заставляют снова плясать. «Это за то, — сказал юноша, — что они во время церковной службы плясали и занимались разными играми».

Около этой храмины я увидела женщину, которая ходила и щелкала зубами; во рту у нее была сулема, она старалась то выплюнуть ее, то проглотить — и не могла. Юноша сказал, что это за сладкую пищу.

Тут опять мы пошли в храмину небольшую; там я увидела несколько человек, привешенных за середину живота, и за язык к потолку, они очень стонали. Мне сделалось очень страшно и я спросила у юноши, за что это они повешены так? «Эти люди кумовья, — ответил он, — жили худо, имели плотской союз между собою».

Потом мы опять пошли темным, тесным путем и подошли опять к храмине; когда мы вошли в нее, то я увидела, что какой-то человек стоит посреди храмины, в уши у него продеты раскаленные докрасна цепи и краями прикованы к двум противоположным стенам, у другого язык вытянут, и два страшилища режут его горячим тупым ножом, а у третьего из ушей пышет пламя. Я с великим страхом спросила у юноши, за что такое мучение? Он отвечал мне: «Первый разговаривал в церкви во время службы, за то у него пилят язык, а другой стоял невнимательно, не слушал пения и чтения, вертел головой, и вот за это она прикована у него здесь цепями. У третьего пышет пламя из ушей, этот человек слушал клевету и передавал ее другим».

Из этой храмины мы пришли к ледяному колодцу, у которого сидела женщина и разливала

поварешкой воду в обе стороны. Я спросила у юноши, что эта женщина делает? Он ответил мне: «Она при жизни своей продавала молоко и разбавляла его водой, вот за это ее теперь и заставили отделять воду от молока».

От этого колодца был темный, тесный путь; юноша шел скоро, точно летел, а меня он уже тащил за руку, потому что я не могла следовать за ним. Я сказала ему, что не могу больше идти, он же сказал мне: «Бодрствуй, крестись и иди». Я почувствовала, что мы вошли на лестницу, прошли две ступеньки и вошли на третью: вдруг к нашим ногам упал человек и свалился в пучину, которая была под лестницей. Страшилища опять стали являться и я очень испугалась. Когда мы прошли лестницу, я спросила у путеводителя, за что этого человека ввергли в пучину? Он ответил мне: «Этот человек прошел все мытарства, а вот этого не прошел, потому что был жесток и немилосерд».

Идя от этой лестницы, я едва опять поспевала за юношей, так как он быстро шел. Вдруг я услышала страшный шум, а впереди увидела пламя. Путеводитель мой здесь скрылся и я очутилась около реки огненной, в которой вода сильно волновалась, но не такими волнами, которые бывают от ветра, а как-то особенно крутилась; в этой реке народу было очень много; через эту реку были перекинута две тоненькие жердочки, и я увидела своего путеводителя на другой стороне реки. Он сказал мне: «Переходи сюда». А я говорю ему, что я боюсь упасть в реку и не могу идти. «Иди, не бойся, — говорит мне юноша, — ведь ты меня знаешь». — «Нет, я не знаю тебя, — отвечала я ему, — у нас нет таких как ты». Он опять говорит мне: «Ты знаешь меня, от юности ты любила меня, молилась мне и я привел тебя и устроил в обитель, а теперь ты меня забыла, вот уже два года, и не молишься мне». — «Нет, я не знаю тебя», — отвечала я ему опять. — «Я великомученик Георгий», — сказал он мне, и с этими словами опять приблизился ко мне. А до него страшилища гнали меня, говоря, что никому не миновать этой реки.

Святой великомученик Георгий взял меня за руку и повел через реку, а Ангел летит. По обеим сторонам образовались две стены, так что я не видела реки и безбоязненно перешла на другую сторону со святым великомучеником Георгием и мы пошли по берегу реки; народу было в ней множество, все они как будто старались выпрыгнуть, но снова окунались и громко кричали: «О, люто мне, люто мне».

В реке я увидела знакомого мужика из нашей деревни, который кричал мне: «Зачем ты здесь, уйди отсюда, тебе не вынести и одной искры этого пламени». В это время я почувствовала, что искра упала мне на руку (левую) и я вздрогнула. Я спросила у святого великомученика Георгия, за какие грехи здесь страдают люди? Он отвечал мне: «Здесь будут все самоубийцы и христиане, которые только назывались христианами, но дела делали не христианские, все те люди будут ниже неверных в этой реке, и освободить душу из этой реки очень трудно, надо много молитв и труда для этого освобождения».

Мы всё шли берегом, народу в реке было все меньше и меньше; наконец, подошли мы к широкому мосту, перешли его. Вдруг я увидела глубокий снег, был сильный ветер и вьюга, так что я шла с большим трудом, едва вытаскивая ноги; было ужасно холодно, я чувствовала, что все мои члены начинают стынуть от холода. Тогда святой великомученик Георгий сказал мне: «Бодрствуй и крестись». Подошли мы к большому полю, оно было покрыто льдом; лед был очень толстый и опять была сильная вьюга, святой Георгий скрылся от меня. И тут узнала я иноков (по одежде); сидят они, волосы у них распущены, все трясутся от холода и сильно щелкают зубами; мне стало их жаль, и думаю я, за что же эти иноки попали сюда? И, не видя святого Георгия, я и за себя испугалась, думала, что и мне здесь придется остаться. Но вот я почувствовала, что меня как будто теплым обдало и вдруг я увидела около себя святого Георгия, который сказал мне: «Эти иноки жили в обители и, нося ризу Царицы Небесной, жили безопасно, нерадиво несли послушание и роптали на трапезу. Там, на земле, они много колотили языками, а здесь Господь их заставил колотить зубами, но по молитвам Царицы Небесной они избавлены от

вечного пламени».

От этого поля мы пошли дальше; я чувствовала, что становится все теплее и теплее, необыкновенный свет разливался по тому месту, по которому мы шли; вдруг я увидела огромное поле, покрытое травой и цветами; посреди протекала небольшая речка. Святой Георгий сказал: «Это обетованная земля и кроткие наследуют ее».

Мне стало так радостно и весело, что я стала улыбаться, и чем дальше мы шли, тем больше становилась трава и цветы красивее; свет становился такой, как бы светило не одно солнце. Среди этого поля стоял огромный храм, а близ него проходной коридор, где висело много черных мантий, в которых хоронят, их заменяют белыми. А кто не достоин, те будут черные, как головешки, и я видела несколько таких, но не узнала; им нет ни мучения, ни огня; они недостойны, чтобы им развязали руки.

Мы вошли на паперть и я услышала пение, да такое чудное, что нет слов передать его. Пели: «Свят, Свят, Свят», и «Воскресение Христово видевше». Внутри храма была такая красота, что и передать невозможно: двери, которые вели в храм, были точно из бисера и сияли разными огнями. В храме было очень много колонн, около них стояли монахини; по обширности храма их казалось мало. Я узнала некоторых живых еще наших монахинь и послушниц, но святой Георгий сказал мне: «Обратишься назад в житейское море, не говори никому про живых, кого здесь видела, чтобы они, узнав про себя, не возгордились. Что не запрещаю, то все можешь сказать».

В храме так было чудно хорошо, что я невольно воскликнула: «Господи, Ты...» Посреди храма была огромная гора, точно хрустальная, переливалась она разными радугами, я хотела взглянуть наверх, но там было так светло, что меня сразу ослепило и я скорей опустила голову. Святой Георгий сказал мне: «Храм этот приготовлен для последних иноков, но мало их будет: нет теперь на земле наставников и руководителей, и немногие могут спастись, но зато какое блаженство Господь уготовил им!». Удивляясь всей этой красоте, я только и могла говорить: «Господи, Господи...».

Вдруг святой Георгий сказал: «Смотри, смотри, вот Царица Небесная спускается сюда». Я взглянула и увидела Величественную Жену, красоты неизреченной, в короне и в порфире. Она спускалась по воздуху, улыбалась и близко подлетает ко мне, так что я хотела обеими руками схватить Ее, и я воскликнула: «Царица Ты Небесная». Она улыбнулась, перекрестила меня три раза и тихо сказала: «Святой Георгий, возврати эту душу обратно».

Святой Георгий сказал мне: «Молись Ей, молись всегда. Она Заступница всех христиан, день и ночь Она молится перед Сыном и Богом, а особенно молится за иноков, чтобы они не посрамили ризы Ее, которую носят».

Тут я увидела, что все попарно идут прикладываться, и я со святым Георгием прикладывалась. На аналое лежало Евангелие и икона Знамени Божией Матери.

Когда мы вышли из храма, то пошли в храм рядом с этим, но гораздо меньше. Посреди храма — три стола, вокруг этих столов стояли прекрасные юноши, сидели отроки и плели венки из разных цветов, которые были насыпаны на всех столах в великом множестве; юноши эти учили отроков плести венки; все они вместе очень хорошо пели «Аллилуйя».

Среди этих отроков я увидела своего племянника, который умер в этом году: он, увидя меня, улыбнулся, но не подошел ко мне, и мне сделалось очень обидно, что он не заговорил со мной. Здесь я долго стояла, и мне не хотелось уходить, но святой Георгий взял меня за руку и мы пошли из храма. На мой вопрос, для кого плетут эти венки, святой Георгий ответил: «Для праведных».

Недалеко от этого храма я увидела три обители; святой Георгий сказал мне: «Это обитель Введенских Игумений». Когда мы подошли к ним, то из одной обители вышла (недавно умершая) наша игуменья Рафаила, она обратилась ко мне и сказала: «Ты, Феклушка, здесь уже? Да я тебя еще не возьму, тебе надо еще потрудиться в своей обители». Еще спросила у меня, как

поживаем, и когда я стала ей рассказывать, то она сказала мне: «Я знаю, все знаю. Помоги, Господи, матушке Апполинарии, я за нее и за всех сестер молюсь».

Когда матушка отошла от меня, я пошла к красивому домику; у дверей ломика я увидела свою старицу монахиню Людмилу, она отворила дверь и радостно сказала: "А, и ты пришла сюда, да тебе еще рано, я еще не возьму тебя". Она ввела меня в келью, где было множество икон; здесь было у нее очень хорошо. Потом она села к столу и что-то писала. Вдруг послышался звон и старица сказала: «Теперь иди домой, а мне надо идти к обеду».

Когда я вышла от нее, то встретила матушку Поликсению; она очень обрадовалась, когда увидела меня, и сказала: «Ах, Феклушка, ты уже здесь? Но ведь еще рано тебе». Крепко меня обняла и показала свою келью: это был красивый одноэтажный домик. Она сказала: «Я все знаю, молюсь за своих келейных и жалею их».

Когда она отошла, я встретила первую мою старицу (старшую при молочной на скотном дворе). Она тоже очень обрадовалась, крепко меня обняла, говоря: «И ты, Феклушка, пришла к нам?». Я спросила у нее: «Матушка, ведь вы — умершая, хорошо ли вам здесь?» — «Было раньше не особенно хорошо, — отвечала она, — сама знаешь, с народом жила, много греха было; но сестры в шесть недель умолили за меня, теперь-мне хорошо».

Она отошла от меня, я осталась стоять среди поля, тут явился святой Георгий, и мы пошли дальше. Поле становилось все красивее; вдали виднелись ворота; вдруг я увидела, что посреди поля идут монашествующие, все больше полками, в белых, светлых и парчовых мантиях, в золотых и серебряных венцах.

Много шло святителей в золотых одеждах, в венцах и с крестами; в пятом полку узнала своего священника, очень хорошей жизни.

Впереди монахинь шли игуменьи с посохами; много узнала своих умерших сестер, некоторые рясофорные были в мантиях белых с золотыми венцами, а другие в белых с серебряными венцами, у некоторых были букеты из чудных цветов. Все знакомые монахини кланялись мне и улыбались, а одна послушница сказала: «Феклушка, и ты пришла к нам! Да не совсем — вернешься обратно».

Во главе священства шел святитель в митре, весь в золоте и с крестом в руке. В пятом полку узнала трех иеро монахов большого Тихвинского монастыря, в том числе и отца Клавдиана, с крестами в руках. Все они были веселы и все как будто в одних годах, лет тридцати; а мирские шли по краям с двух сторон, их было так много, как бы в воздухе комаров; все они проходили в ворота.

Вдруг явился около меня седой старичок в блестящей одежде и в крестах, я узнала в нем святителя Николая:

«Пойдем, теперь надо возвратиться обратно». И мы с ним пошли. Тут я никого не видала; пришли мы на другое поле, которое похоже на нашу сенокосную полянку, только течение реки как будто другое, с восточной стороны; на этом поле я увидела своих монахинь и послушниц, которые косили траву, а некоторые гребли сено, и светло было у них; они пели очень хороший псалом: «Пресветлый Ангел мой Господень».

Вдруг в воздухе точно блеснуло что-то и я увидела небольшой венчик над тем местом, где работали наши: он золотой и все делался больше и больше; то он поднимался, то опять опускался; а с восточной стороны идет точно игуменья с посохом в руках, а сама все крестит всех, но я не узнала, которая игуменья.

Тут я оглянулась и посмотрела за реку, там было очень темно. На самом берегу стояли наши, живущие в монастыре; волосы у них были распущены, им, по-видимому, хотелось перейти на эту сторону, но только они подойдут ближе, берег реки начинает обваливаться, и они вместо того, чтобы приближаться, все отдалялись; мне стало их очень жаль. Вдруг, в это время явился ко мне в облачении с крестом о. Клавдиан. Он сказал мне: «Не говори никому, кого ты видела за рекой,

они, быть может, милосердием Божиим и покаются».

После этих слов я опять увидела около себя святителя Николая, он сказал мне: «Теперь пойдем, я провожу тебя». И точно, мы пришли в келью, и он скрылся.

Вдруг открывается дверь в келью и входит умершая наша матушка игуменья Рафаила, в парчовой блестящей мантии и в венце на голове. За ней входит другая монахиня, высокая, черная, а одежда на ней еще светлее, на голове корона; она стояла позади матушки игуменьи и улыбалась, а матушка подошла ко мне и сказала: «Вот ты теперь больна, пособируйся и поправишься». Тут матушка три раза перекрестила меня. Я спросила: «Матушка, кто это с вами?». Матушка ответила мне: «Это наша благоверная царица, схимонахиня Дарья». Она стоит и улыбается, издали перекрестила меня и они обе скрылись.

После этого я проснулась, окинула взглядом всю келью, и какая грязная и мрачная показалась она мне после того, что я видела. Сначала никого не узнала, кто был около меня, такие они мне показались дурные, черные, после тех, каких я видела в поле и которые шли полками.

Немного погодя я совершенно пришла в себя, узнала всех и первое слово мое было к ним: «Девушки, не делайте никому зла. Что будет вам на том свете за зло, страшно и подумать».

После этого сновидения она пролежала в постели пятнадцать дней, была очень слаба, можно сказать, находилась между жизнью и смертью, сильный был у нее страх, все ночи горела лампа, каждую ночь двое или трое приходили к ней спать, с одной своей старшей она боялась оставаться. Так она была слаба, что когда приходилось вставать с постели и не успевали ее поддержать, то она падала на пол.

В девятнадцатый день вечером ее соборовали, с Трудом ока могла стоять; во время Евангелия ее поддерживали под руки, по прочтении же последнего она почувствовала крепость, какую-то особую бодрость, и с этого дня стала поправляться, и теперь совершенно здорова, ходит на все послушания; страх ее также прошел.

Девица эта живет в монастыре семнадцать лет, почти неграмотная, с трудом читает Псалтирь, целыми днями находится в монастырских послушаниях, весьма хорошей жизни, усердная в труде, кроткая, скромная, одним словом, живущая в страхе Божиим. В настоящее время ей тридцать три года; несколько лет она жила при больной старице и ходила за нею безропотно. Первое время она и говорила плохо, так как в их деревне Олонецкой губернии особое наречие. Об участи праведных и грешных она мало имеет понятия, так что воображение на нее не могло действовать» (Взято из Почаевского Листка, а также из Афонского Листка, изданного обителью Вознесения Господня, на котором отмечено: «Перепечатано с дозволенного цензурой»).

Один час мучения в аду

Один расслабленный, изнемогая в духе терпения, с воплем просил Господа прекратить его страдальческую жизнь.

«Хорошо, — сказал явившийся однажды больному Ангел, — Господь, как неизреченно благ, соизволяет на твою молитву. Он прекращает твою временную жизнь, только с условием: вместо одного года страданий на земле, согласен ли ты пробыть три часа в аду? Твои грехи требуют очищений в страданиях собственной твоей плоти; ты должен бы еще быть в расслаблении год, потому что как для тебя, так и для всех верующих нет другого пути к небу, кроме крестного, проложенного безгрешным Богочеловеком. Тот путь тебе уже наскучил на земле; испытай, что значит ад, куда идут все грешники; впрочем, только испытай в течение трех часов, а там — молитвами Святой Церкви ты будешь спасен».

Страдалец задумался. Год страданий на земле — это ужасное продолжение времени. «Лучше же я вытерплю три часа», — сказал он, наконец, Ангелу. Ангел тихо принял на свои руки его страдальческую душу и, заключив ее в преисподних ада, удалился от страдальца со словами:

«Чрез три часа явлюсь я за тобой».

Господствующий повсюду мрак, теснота, долетающие звуки неизъяснимых грешнических воплей, видение духов злобы в их адском безобразии, все это слилось для несчастного страдальца в невыразимый страх и томление.

Он всюду видел и слышал только страдание, и ни ползвуча радости в необъятной бездне ада: одни лишь огненные глаза демонов сверкали в преисподней тьме и носились пред ним их исполинские тени, готовые сдвинуть его, сожрать и сжечь своим геенским дыханием. Бедный страдалец затрепетал и закричал; но на его крик и вопли отвечала только адская бездна своим замирающим вдали эхом и клочкотанием геенского пламени. Ему казалось, что Уже целые века страданий протекли: с минуты на минуту ждал он к себе светящегося Ангела.

Наконец, страдалец отчаялся в его появлении и, скрежеща зубами, застонал, заревел, что было силы, но никто не внимал его воплям. Все грешники, томившиеся в преисподней тьме, были заняты собою, своим собственным только мучением.

Но вот тихий свет ангельской славы разлился над бездною. С райскою улыбкою подступил Ангел к нашему страдальцу и спросил:

— Что, каково тебе, брат?

— Не думал я, чтоб в устах ангельских могла быть ложь, — прошептал едва слышным, прерывающимся от страданий голосом страдалец.

— Что такое? — возразил Ангел.

— Как что такое? — произнес страдалец. — Ты обе-шал взять меня отсюда через три часа, а между тем целые годы, целые, кажется, века протекли в моих невыразимых мучениях!

— Что за годы, что за века? — кротко и с улыбкою отвечал Ангел. — Час еще только прошел со времени моего отшествия отсюда, и два часа еще быть тебе здесь.

— Как два часа? — в испуге спросил страдалец. — Еще два часа? Ох, не могу терпеть, нет силы! Если только можно, если только есть воля Господня, умоляю тебя — возьми меня отсюда! Лучше на земле я буду страдать годы и века, даже до последнего дня, до самого пришествия Христова на суд, только выведи меня отсюда. Невыносимо! Пожалей меня! — со стоном воскликнул страдалец, простирая руки к светлому Ангелу.

— Хорошо, — ответил Ангел, — Бог, как Отец щедрот, удивляет на тебе благодать Свою.

При этих словах страдалец открыл глаза и видит, что он по-прежнему на своем болезненном ложе. Все чувства его были в крайнем изнеможении; страдания духа отозвались и в самом теле; но он с той поры уже всласть терпел и переносил свои страдания, приводя себе на память ужас адских мучений и благодаря о всем милующего Господа («Письма святогорца», п. 15, 1883, с. 183).

Час адских мук на земле

• Долгое время при Н. церкви безменно служил церковным старостой Гавриил Иванович Гончар, немного не дослужив до пятидесятилетия. Не было ни одних выборов, на которых прихожане говорили бы что-либо иное, как не одни и те же слова: «У нас никого нет справедливее Гавриила Ивановича, а усерднее до Божьего храма, про то и говорить нечего, мы боимся и подумать, как можно его сменять, просим, чтобы до самой смерти ходил безменно». И служил он при церкви до самой своей кончины, которую удостоился принять в пяток на Пасхальной неделе.

Был он честности идеальной, кротости безмерной и любви истинно христианской. Бог не даровал ему детей, жил он с женой, братом и племянником. Никто никогда не видал его и минуты без труда и, Богу ведомо, что он всегда же творил и умную молитву. Видом он был похож на святого старца Серафима Саровского, в год канонизации которого и умер.

Никаких спиртных напитков и табака он не употреблял и других всегда кротко «карал» за нетрезвость и трубку. Даже когда принимал Святые Тайны, и то запивал чистой водой. Служил я с ним уже в последние годы его жизни, но все люди говорили, что знают дедушку Гавриила, трезвенником, сколько помнят.

Несколько раз я расспрашивал его, почему он такой строгий трезвенник, что, быв в болезни, и врача не послушал, и пил ли когда вино; дедушка отнекивался и заговаривал о другом. За год до его кончины ехали мы вместе с ним в город (он положил небольшую сумму денег вечным вкладом на нужды церкви и свое поминование). Обыкновенно молчаливый, дедушка на этот раз был очень словоохотлив и много рассказывал о Святой Земле и Афоне, где он заболел и прожил с месяц. Поразило его, трезвенника, там очень то, что при каждой трапезе всем дают вина, и ему давали... «А мне не можно...»

Вот тут-то я и упробил дедушку рассказать, почему ему нельзя даже и малой чары слабого вина с водой выпить.

«Был я один сын у отца, всего у нас было вдоволь. Родители мои учили меня уму-разуму и воли мне не давали. Но, известно, наробоцкое дело: собираются на вечерки, нанимают музыку, пьют водку, а на водку, да на гостинцы девчатам, воруют у батек всякое збожье (зерно). Был и я такой, и хотя батко и карал меня, но я все изворачивался, а с нашего дома можно было долго тянуть и ничего незаметно. Повадился я на вечерки, да на вечерках и стал втягиваться: без водки и скучно мне стало. А тут отец помер. Своя воля стала, матери не слушался. Женила меня мать, думала исправлюсь, а я пропащий стал совсем человек, и пропал бы, если бы Господь не оглянулся на меня.

Случилось, повез я раз в город продавать воз муки. Продав, выпил там добре, ехал домой с приятелями и дорогой тоже все пил.

Как приехали домой, не помню. Вот, батюшка, есть люди, что не верят, что будут вечные муки, вечный огонь, что ада нет, а я, окаянный, уже мучился на этом свете вечными муками огненными и каждую минуту про это помню, хотя это и было давно.

Проснулся я и вижу, что кругом огонь, чую, что связан, ни руками, ни ногами не двигну, да стоят кругом меня... (он никогда не называл имени бесовского и при этом всегда крестился) и жгут они меня огнем, да не таким, как на земле, этот можно стерпеть, а лютейшим. Да так же больно, да так же горячо (чуть не с плачем говорил он), как сейчас это было, а ведь уже больше пятидесяти лет прошло, как был я в муках, а как бы в эту ночь они были! А огонь-то лютый, а жгут меня и палят, а сами-то... и сказать нельзя!..

Спаситель мой! Матерь Божия! Взмолился я тут, а мучению и конца нет. Думалось, что уже целый век прошел, а всего-то мучился я один час. Видно, Господь наказал меня для вразумления, да помиловал.

Вдруг сразу все пропало, чую, что развязались руки и ноги, я повернулся и вижу: пред образами горит лампадка (дело было на самое Успенье), и на коленях стоит мать моя, и слезно молится. Вот тут-то я и вспомнил и понял, что правильно сказано: «Материнская молитва со дна моря поднимает». И меня молитва матери вызволила из адских мук.

Поднялся я здоров, как будто и хмельного в рот не брал. Мать рассказала, что привезла меня лошадь без чувств. Внесли, как мертвого, и положили на лавку, дыхания и не заметно было. Мать стала со слезами молиться... С тех пор я этого часа во всю свою жизнь забыть не могу.

Как же будет нам, грешным, если так мучиться целый век! Господи Милосердный, наказал Ты меня раз на земле, накажи еще здесь много раз лютыми муками, да избавь вечных мук».

Спрашиваю: «Рассказывал ли ты, дедушка, кому-либо об этом?» — «Было раз, кроме отца духовного (в Киево-Печерской лавре, куда он ежегодно ходил Великим постом, хотя и в своей церкви говел очень часто), рассказал я одному человеку, так он засмеялся и сказал, что это мне спьяна представилось. Бог с ним, больше я уже никому и не рассказывал, кроме вот вас,

батюшка».

И умно делал дедушка, что никому об этом не говорил. Он был рад, что Господь вразумил его и не *желал* бесплодными размышлениями и разъяснениями допустить врага рода человеческого опять склонить себя на путь погибельный.

Такие вразумления бывают нередко, но они часто проходят безследно для пользы вразумляемых, ибо их стараются объяснить естественными причинами, забывая, что в мире, а особенно в жизни человека, все происходит не по каким-либо естественным причинам, а по Промыслу Божию («Кормчий», № 18).

Кончина христианского отрока

«В шестидесятих годах я жила в селе Красном, в имении Раевского, с сыном Виктором, — так рассказывает Бернаскони, старушка шестидесяти пяти лет. — Это был замечательный ребенок, подвижный, умный, развитой не по летам, и притом отличался замечательною набожностью. Все окружавшие его любили, не исключая простонародья. Когда ему исполнилось пять лет, он заболел дифтеритом. Однажды утром он мне говорит: «Ну, мама, я должен умереть сегодня, а потому ты мне ванночку сделай, чтобы я мог явиться Богу чистеньким». Я стала возражать, что ему от этого хуже делается, он может простудиться, но он настойчиво требовал ванну, и я уступила его просьбе, — умыла его, одела в чистое белье и положила на кровать. «А теперь, мама, дай мне образец сюда тот, который я так люблю, — попросил он, и я исполнила его просьбу.

«Скорей, мама, дай мне в руку свечку, я сейчас умру», — требовал ребенок, и я зажгла восковую свечу и вложила ему в руку. «Ну, теперь прощай, мама!» — были последние слова ребенка: он закрыл глаза и тотчас же скончался.

Для меня потеря этого ребенка составляла безысходное горе, я днем и ночью плакала, не находя ни в чем утешения. Но вот однажды зимою я, проснувшись утром, услышала с левой стороны моей кровати голос моего сына Виктора, который звал меня: «Мама, мама, ты не спишь?».

Пораженная, я ответила: нет, не сплю, и повернула голову в ту сторону, откуда раздался голос, и — о чудо! — я увидела моего Виктора, стоявшего в светлой одежде и грустно смотревшего на меня. Казалось, что свет прямо шел от него, потому что в комнате было настолько темно, что без этого я не могла бы увидеть его. Он так близко стоял от меня, что первый порыв мой был броситься к нему и прижать к сердцу; но едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как он предупредил меня: «Мама, ты меня не трогай, меня нельзя трогать». И при этих словах отодвинулся несколько назад. Я стала молча любоваться им, а он между тем продолжал говорить: «Мама, ты все плачешь обо мне, зачем ты плачешь? Мне ведь хорошо там, но еще лучше было бы, если бы ты меньше плакала. Ты не плачь». И исчез.

Через два года Виктор снова явился мне наяву, когда я была в спальне: «Мама, зачем тебе Оля, она тебе лишняя», — сказал он. (Оля моя дочь, которой было в ту пору около года.) Когда я спросила, неужели и ее возьмут, он сказал: «Она лишняя», — и исчез. За две недели до ее смерти он опять явился и сказал: «Мама, тебе Оля лишняя: у тебя все большие, она тебе будет только мешать». Я была уверена, что дочь моя умрет, и через две недели, придя домой, нисколько не удивилась, когда нянька объявила, что у ребенка жар и затем через два дня Оля моя умерла» («Ребус», 1893, № 2).

* * *

У монаха Ионы умер сын Косма, послушник в Чудовом монастыре. В пятницу под Лазареву субботу, около полуночи, Иона встал поправить лампадку и видит, что дверь отворилась, входит сын его в белой рубашке, а за ним два мальчика, прекрасно одетые.

— Косма, зачем ты пришел, не тронь меня, я боюсь тебя, — сказал отец.

— Не бойся, батюшка, я ничего не сделаю, — ответил он и поцеловал отца.

— Ребятишки, вы не уходите, не оставляйте меня одного с ним, — проговорил Иона. — Каково тебе, Косма, там?

— Слава Богу, батюшка, мне хорошо.

Отец еще хотел спросить о чем-то, но сын встал и поспешно проговорил: «Прости, батюшка, мне нужно навестить старца», — и, не сказав какого, вышел с мальчиками вон из кельи («Монастырские письма», п. 16).

* * *

«В ночь с 28-го на 29 сентября снилось мне, — передает граф М. В. Толстой, — будто стою я у себя в зале и слышу из гостиной раздаются голоса детей. Смотрю — проходят мимо меня в залу разные дети и между ними Володя, наш умерший сын. Я с радостью кинулся к нему, он улыбается мне своей прежней ангельской улыбкой. Я протянул к нему руки:

— Володя, это ты? — он кинулся мне на шею, и крепко, крепко обнял меня. — Где ты, моя радость, ты у Бога?

— Нет, я еще не у Бога, я скоро буду у Бога.

— Хорошо ли тебе?

— Хорошо, лучше чем у вас. А у вас я часто бываю, все около вас. Я все почти один, только Мария Магдалина со мною бывает. Иногда мне делается скучно.

— Когда тебе скучно?

— Особенно когда плачут обо мне. А меня утешает, когда обо мне молятся, когда дают бедным за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за вас, за братьев, за Пашу (сестру), за всех, кто меня любит. Милую мою мамашу обнимите за меня, вот так, крепко.

— Ты с ней повидался бы, моя радость.

— И повидаюсь, непременно повидаюсь.

— Когда же?

— Когда плакать перестанет.

Тут послышался голос моей жены из коридора, я обернулся туда к ней, потом взглянул назад — его уж нет.

Я проснулся с усиленным биением сердца, в таком волнении, что не мог удержаться от громких рыданий, которыми разбудил жену свою. В ту же минуту я набросал на бумагу виденное во сне слово в слово так, как было» (М. Погодин. «Простая речь о мудреных вещах»).

* * *

•Один врач, по имени Геннадий, — рассказывает блаженный Августин, — сомневался в бессмертии души и будущей жизни. Однажды он во сне видит юношу, который говорит ему:

- Ступай за мною.

Он последовал за ним и пришел в какой-то город. Потом, спустя некоторое время, тот же юноша явился ему во сне в другой раз и спросил:

— Знаешь ли ты меня?

— Очень хорошо, — отвечал врач.

— А почему ты знаешь меня?

— Ты меня водил в Какой-то город, где я слышал необыкновенно приятное пение.

— Что, ты видел город и слышал там пение во сне или наяву?

— Во сне.

— А то, что теперь я говорю с тобою, во сне или наяву слышишь ты?

— Во сне, — отвечал тот

— Где же тело твое в настоящую минуту?

— В моей постели.

— А знаешь ли ты, что в настоящую минуту ты ничего не видишь твоими телесными глазами?

— Знаю.

— Что же такое эти глаза, которыми теперь ты видишь меня?

Врач не знал, что отвечать, но юноша сказал ему:

— Как в настоящую минуту ты видишь и слышишь меня, хотя глаза твои закрыты и все чувства твои в бездействии, так будешь жить ты после твоей смерти: ты будешь видеть, но глазами духовными, поэтому не сомневайся, что после этой жизни будет другая жизнь» (А. Калмет, с. 95).

* * *

Один наш знакомый, человек с высшим образованием, заслуживающий полного доверия, А. Н. С-ин, рассказал следующий случай из своей жизни.

«Несколько лет тому назад, — говорил он, — полюбил я одну девушку, с которой имел намерение вступить в законный брак и уже был назначен день нашей свадьбы. Но за несколько дней до брака невеста моя простудилась, получила скоротечную чахотку и через три-четыре месяца умерла. Как ни велик был для меня удар, но время свое взяло, — я забыл о невесте или, по крайней мере, не скорбел о ней уже так, как в первое время после ее смерти.

Случилось мне однажды по делам службы проезжать через один город нашей Я-ской губернии, где были у меня родные, у которых я и остановился на одни сутки. На ночь мне отвели отдельную комнату. При мне была собака, умная и преданная. Ночь была, как теперь помню, лунная, хоть читай. Только что я было начал засыпать, как слышу, моя собака начинает ворчать. Зная, что она никогда напрасно не ворчит, я подумал, что, вероятно, в комнате нечаянно заперли кошку, или пробежала мышь. Я приподнялся с постели, но ничего не заметил, собака же сильнее и сильнее ворчала, видимо чего-то пугалась; смотрю — а у нее шерсть дыбом стоит. Начал было успокаивать ее, но собака более и более пугалась. Вместе с собакою безотчетно и я испугался чего-то, хотя от природы не был трусом; да так испугался, что на голове моей волосы подыматься стали. Замечательно, что испуг мой усиливался по мере испуга моей собаки, и дошел до такой степени, что, кажется, еще одна минута, я, наверное, лишился бы чувств. Но собака моя стала утихать, а вместе с нею и я стал успокаиваться и в то же время начал как бы ощущать чье-то присутствие и ожидал появления, сам не зная кого. Когда совершенно успокоился, вдруг ко мне подходит моя невеста и, целуя меня, говорит: «Здравствуй, А.Н.! Ты не веришь, что за гробом есть жизнь, вот я явилась тебе, смотри на меня, видишь — жива, даже целую тебя. Верь же, мой друг, что со смертью не прекращается жизнь человека». При этом она указала мне, что прочесть из Священного Писания о загробной жизни и из других разных духовных сочинений. Она сообщила мне еще нечто, о чем запретила рассказывать другим. Когда я встал на другой день, то увидел себя совершенно поседевшим за одну ночь, так что мои родные испугались, когда увидели меня за утренним чаем.

Я должен при этом сознаться, что до сего случая я ни во что не верил — ни в Бога, ни в бессмертие души, ни в загробную жизнь; несколько лет не ходил в церковь, оставаясь без исповеди и Святого Причастия, смеялся над всем священным; посты, праздники и священные обряды Православной Церкви для меня не существовали. Но теперь, по милости Божией, я сделался опять христианином, человеком верующим и не знаю, как благодарить Господа, что Он исторг меня из бездны пагубных заблуждений».

* * *

«Отец мой, будучи очень болен, просил меня навестить его, — рассказывает один чиновник. — Жил он от меня довольно далеко, в Чикаго. Он верил в возвращение на землю отшедших душ, но ему никогда не удавалось убедить меня в этом. Когда я к нему приехал, он сказал, что

особенно рад меня видеть, так как ему уже недолго осталось жить на земле.

— Как, — сказал я, — неужели вы действительно думаете» что скоро умрете?

— Нет, — отвечал он, — я не умру, а только покину мое земное тело; я скоро перейду в духовный мир, облеченный в духовное тело, и мне хотелось тебя видеть, чтобы ты дал мне одно обещание. Когда я перейду в иной мир, то приду и покажусь тебе. Обещай мне: когда увидишь и узнаешь меня, то поверишь, что души могут возвращаться и признаешь это во всеуслышание, — На это я отвечал ему:

— Хорошо, отец, но теперь вам не следует говорить о смерти; быть может, вы выздоровеете, и проживете еще долго.

— Я говорю тебе, что не умру, — возразил он, — и буду жить, но ты больше не увидишь меня в моей земной оболочке после этой нашей встречи. Не забудь же своего обещания.

Когда я прощался с ним, он был спокоен и чувствовал себя хорошо, но повторил, что скоро перейдет в духовный мир и оттуда придет ко мне.

Спустя около десяти дней после моего возвращения домой, не получая дурных вестей от отца, я решил устроить дружеский обед для нескольких моих приятелей.

Мне пришлось провести целый день в хлопотах и я лег спать с мыслью о завтрашнем дне и о приготовлениях к предстоящему обеду. Только что я успел заснуть, как вдруг проснулся сразу, без обычного для меня промежутка между крепким сном и пробуждением. Я осмотрелся вокруг, отыскивая, что именно могло разбудить меня. И вот в противоположном конце комнаты я увидел яркий свет, в виде как бы светлого пятна величиной в мою ладонь. Я начал пристально всматриваться в него и убедился, что свет не мог проникнуть ниоткуда снаружи. То был нежный, белый свет, подобный лунному сиянию, имевший волнообразное движение и точно трепетавший, как живой. Вскоре светлое пятно стало приближаться ко мне, все увеличиваясь и увеличиваясь в то же время в объеме. Казалось, оно двигалось в мою сторону. Когда оно приблизилось, я начал постепенно различать в нем фигуру во весь рост. Отец стоял предо мною так, что я мог рассмотреть подробно все черты его лица. Ничего в нем не изменилось, только лицо казалось моложе, менее утомлено, чем было во время нашего последнего свидания, и вся фигура его была прямее и бодрее. Он заговорил, и голос его был так похож на голос моего отца, что сомневаться я более не мог. Улыбаясь своей нежной улыбкой, он проговорил:

— Ты помнишь ли свое обещание? Вот, я пришел к тебе, как сказал раньше.

— Отец, разве ты умер? — спросил я его.

— Нет, — возразил он, — я не умер, я жив, я покинул только мое земное тело, облечен теперь в тело духовное и пребываю в мире и успокоении. — И добавил: — Ты не должен забывать своего обещания.

Не понимаю, зачем я вдруг спросил у него:

— Отец, который теперь час?

— Ровно четыре минуты первого, — отвечал он.

— Так ты умер ночью? — спросил я.

— Повторяю тебе, — отвечал он, — я не умер, я вполне жив, хочу, чтобы ты исполнил свое обещание.

Затем он простился со мною, и его фигура рассыпалась в светлое облако и понемногу исчезала так же, как и появилась — казалось, мрак поглотил ее.

На другой день, когда собрались ко мне приятели на званый обед, вдруг, во время обеда, раздался звонок у дверей и мне принесли телеграмму следующего содержания: "Отец умер ныне в полночь" («Ребус», 1889, №49).

* * *

Князь Владимир Сергеевич Долгорукий, находясь в звании посланника при прусском дворе, заразился там вольнодумством, так что не верил ни в Бога, ни в загробную жизнь. Узнав об этом,

родной брат его, князь Петр, не раз писал к нему письма, в которых убеждал: «Верь, брат, что без истинной веры нет на земле счастья, что вера существенно необходима для будущей жизни» и пр. Но все было напрасно. Князь Владимир Сергеевич смеялся над убеждениями набожного брата.

Однажды он, возвратясь от короля и чувствуя сильную Усталость, разделся наскоро, бросился в постель и скоро задремал. Вдруг слышит он, что кто-то отдергивает его занавес, приближается к нему и холодною рукою прикасается к его руке, даже жмет ее. Он смотрит, видит брата и слышит от него: «Верь!». Обрадованный неожиданным появлением, князь хочет броситься в объятия брата, но вдруг видение исчезает. Он спрашивает слуг: «Куда девался брат?» — и услышав от них, что никакого брата они не видели, старается уверить себя, что это сон, мечта, но слово «верь» не перестает раздаваться в ушах его и не дает ему покоя.

Он записал число, час и минуту видения и вскоре получил известие, что в этот самый день, час и минуту скончался брат его князь Петр Сергеевич.

С тех пор он сделался набожным и верующим христианином, и об этом видении часто говорил другим (Монах Митрофан, «Как живут наши умершие», т. 1).

* * *

«Б наше время, — так рассказывает один пустынный, — был брат Иоанн, который нес послушание чтеца. Спустя некоторое время после своей смерти он явился не во сне, а наяву своему отцу духовному Савве. Иоанн стоял в дверях кельи нагой и обгорелый как уголь. С горькими слезами он испрашивал себе милостыни и прощения, исповедуя своему отцу духовному свой утаенный грех, за который он теперь там мучается, и просил сказать об этом грехе всей монашествующей братии, иначе он (духовник) сам будет отвечать по смерти» («Пролог», 23 августа).

Церковная молитва и милостыня

В нашей Церкви, от дней святых апостолов, не было времени, когда бы христиане не молились за своих усопших братии и притом при совершении важнейшего из своих Божественных богослужений. Первая Литургия была составлена св. апостолом Иаковом, братом Господним, и в ней имеется следующая молитва: «Господи, Боже духов и всякой плоти, помяни православных, которых мы помянули и которых не помянули, от Авеля праведного и до сего дня, Сам упокой их в селении живых, в Царствии Твоем, в сладостях рая, в недрах Авраама, и Исаака, и Иакова, Святых Отец наших, откуда отбегла болезнь, печаль и воздыхание, где присещает свет лица Твоего и освещает всегда».

Молитва церковная есть такая всемогущая сила, которая проходит небеса, восходит к самому Престолу Вседержителя, нисходит даже до бездны ада и изводит оттуда узников на свободу. Она сопутствуется и подкрепляется молитвами всех святых, наипаче же всемогущею молитвою Честнейшей Херувимов, Матери Божией.

Всякий раз, когда приносится умилоостивительная жертва Тела и Крови Сына Божия, здесь присутствует и с нами молится весь Собор Ангелов и Святых Божиих. Всякий раз, когда за Литургией вспоминаются усопшие братья наши, души их сподобляются предстоять здесь вместе с Ангелами и молиться о спасении своем.

С каким трепетным желанием душа твоего сродника, быть может, ожидает, пока пойдешь ты в храм Божий поручить священнодействующему помянуть ее при великом и страшном священнодействии и сам помолишься о ней вместе со всею Церковью. Ибо таким только образом она может участвовать в приносимой умилоостивительной Жертве. Какою отрадой и утешением преисполнится она, когда, призванная во храм Божий поминовением, предстанет здесь пред Престолом Божиим с ликом Ангельским, будет умолять Господа со всею Церковью о помиловании, просить о прощении грехов своих и о добром ответе на Страшном Суде

Христовом! Какая неизъяснимая радость, восторг и блаженство обымут ее, когда и ее часть, вместе с другими, опустится во Святую Чашу, погрузится в Святейшей Крови Сына Божия, с молитвою священнодействующего: «Омой, Господи, грехи поминавшихся zde Кровию Твоею!».

Вот безценная услуга, вот незаменимая ничем помощь, которую можешь оказывать умершим сродникам своим каждый день, если захочешь быть внимательным и сострадательным к их загробной участи. Хотите ли принести что-либо в дар умершим сродникам вашим? Пошлите им туда через руки нищих и страждущих, сотворите по силе своей милостыню во имя их и будьте уверены, что дар ваш дойдет по назначению, а порукою в том — Сам Господь наш Иисус Христос: «Понеже сотворите единому от братьев Моих сих меньших, — говорит Он, — Мне сотворите». А Он, Всемогущий, может ли остаться у нас в долгу, хотя на малое время? Он, Премилосердый и Все-щедрый, не воздаст ли сторицею душам, отшедшим от нас, за всякое благодеяние во имя их? Он, Сладчайший Утешитель всех скорбящих, не найдет ли, чем утешить души усопших братии наших, если мы утешим во имя Его хоть одну душу, страждущую на земле?

Может быть, духовная алчба и жажда правды Божией снедает душу брата твоего и сродника. Напитай же во имя ее алчущего, напои жаждущего, и Господь насытит ее явлением пресветлого для самих Ангелов Лица Своего И напоит ее от источника благодати Животворящего Духа Святого. Быть может, обнаженная добрых дел и ока-лянная нечистотами греховными душа сродника твоего стыдится пред святыми Ангелами, укрывается от Лица Божия? Одень во имя ее нагого, омой ноги утомленному путнику, укрой и упокой пришельца, и Господь Милосердый облечет ее одеждою заслуг Своих и омоет нечистоту ее Своею Кровию.

Быть может, преследуемая и гонимая духами злобы душа брата твоего ищет покрова и защиты, но не обретает их за недостойнство свое? Защити во имя ее гонимого от гонящего, прими и упокой безприютного сироту или бедствующую вдовицу, и Господь прострет над душою брата твоего покров милосердия Своего, и духи злобы удалятся от нее со страхом, а святые Ангелы оградят ее покровом крыл своих.

Быть может, связанная, как узами, пленицами греховными душа друга твоего томится в невидении Лица Божия, пребывает во тьме и мраке, далеко от светлого лика праведников? Посети во имя ее заключенных в темнице узников, облегчи сердце их состраданием, утешь их возможною для тебя помощью, и Господь пошлет светлых Ангелов Своих утешить ее в скорби, обрадовать ее обетованием милости Своей.

Быть может, переселившаяся в духовный мир, не пере-носясь в него прежде богомысленным размышлением, не приучив своего вкуса к его духовным наслаждениям, не сблизившись молитвенно с его святыми обителями, душа брата твоего или сродника явилась в него, как страну чуждую, не находя себе сродников в этом небесном Иерусалиме? Укрой во имя ее странника, прими и упокой не имущего где главу приклонить, и Господь дарует ей одну из светлых обителей в доме Отца Небесного и все Ангелы и души праведников примут ее в свое светоносное общество.

Хотите ли когда беседовать с умершими вашими?.. Беседуйте с ними посредством Слова Божия. Это такое всемогущее слово, которое слушает и которому повинуется все, что на небесах и на земле и под землею, которое слышат и сущие во гробех. Это такое владычественное и царственное слово, которого страшатся и трепещут духи злобы, которому внимают с благоговением Святые Ангелы, которое понимают души усопших в вере.

Души умерших, уединенные от мира видимого, удаленные от суеты житейской, жаждут сего слова, как манны небесной.

Посещая кладбище, воспойте священные песни Давидовы, разные другие молитвы — это доставит усопшим несказанное удовольствие и отраду, или же прочтите с молитвенным воспоминанием об умерших Святое Евангелие, — вы обрадуете их более, нежели радует нас

самая приятная весть о неожиданном счастье.

Такая небесная беседа с умершими и для нас, живущих, есть лучшее утешение в мире: она оживляет сердце, возвышает душу, просветляет разум, приводит весь дух наш в восторг небесный...

О, насколько мы были бы чище, возвышеннее и совершеннее и сердцем, и душою, если бы чаще беседовали таким образом с умершими братьями нашими! Какое отрадное и для них, и для себя свидание с ними мы приготовили бы себе на случай собственной смерти!

«Вот что мы можем сделать умершим сродникам нашим, — говорит свт. Димитрий Херсонский. — Пребудем в истинной любви к ним, да обрящем и мы духовную помощь в час смерти своей, а по смерти вспомнят и они нас любовью там, как мы с любовью поминаем их здесь; да встретят и они нас с веселием и радостью там, как мы со слезною молитвою проводили их отселе».

Свт. Иоанн Златоуст пишет: «Не напрасно узаконено апостолами творить пред Страшными Тайнами поминовение об усопших: апостолы знали, что велика бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние. Не напрасно бывают моления, не напрасно милостыня: все это установил Дух Святой, желая, чтобы мы получили пользу друг от друга, ибо благотворение живых в память усопших спасает тех и других. Если усопший грешен, то мы своей любовной заботой много можем ему помочь, и из места мрака и скорби перенести его в светлый мир безграничного счастья, а если усопший праведен, то сам он, находясь пред Престолом Божиим, ответит на нашу любовь горячей молитвой о нашей душе, находящейся еще в земной жизни».

«Перешедшие за гроб, как праведник, так и грешник, после частного суда не получают еще окончательного воздаяния, которое еще предназначается получить полному человеку, т.е. по соединении души с телом, что произойдет в момент воскресения тел человеческих».

«Неверующие говорят: «Как это тело воскреснет, когда оно давно истлело, обратилось в прах?». Богу легче, удобнее собрать прах тела человеческого, рассеянный по лицу земли, нежели нам собрать платье наше, разбросанное по комнате, и никакие частицы наших тел, как бы они ни были рассеяны, хотя бы наши тела истлели, хотя бы мы были сожжены, — не погибают для Бога. Они переходят в те стихии, из которых взяты рукой Вседержителя (Августин, архиепископ Нижегородский).

По учению нашей Церкви праведники находятся в состоянии предначатия блаженства, а грешники — в состоянии предначатия мучения. Теперешний век — это промежуточное время между двумя пришествиями Христовыми, и настоящая жизнь каждого человека есть; следовательно, то время, в которое Христос пришел спасти мир, а не судить его. Время судить — впереди, то будущий век, в который последует воскресение мертвых и окончательное последнее решение загробной участи каждого человека.

Настоящая наша жизнь, несмотря на все скорби, которыми она переполняется, должна возбудить в живущих на земле чувство величайшей благодарности к Богу за возможность испросить прощение грехов себе и умершему. Святая Церковь наша, которая ежедневно сама молится с приношением Безкровной Жертвы о всех православных христианах, дает нам пример любви и памяти об усопших. Будем же молиться и мы сами о них, но чтобы молитва наша была действительна — необходимы благоговение, усердие и смирение в самой молитве. Молитва наша, как за живых, так и за умерших, особенно бывает благотворительна тогда, когда соединяется с приношением за них Безкровной Жертвы. Это самое сильное и действенное средство к испрошению милости Божией.

Итак, если вы всем сердцем желаете помочь вашему усопшему и делаете все, чему учит Св. Церковь, — никак не допускайте сомнения в его спасении. Знайте, что это сомнение — хитрость злого духа, потому что если бы умерший был недостоин спасения, то вы не были бы допущены к ходатайству за него, как свидетельствует св. Иоанн Дамаскин, что «на молитву за недостойных

спасения умерших Бог никого не подвигает: ни родителей, ни жену, ни мужа, ни родных, ни друзей; на таких умерших сбывается пророчество: «Несчастливы те из умерших, о которых не молятся на земле живые!».

До Страшного суда есть время помогать друг другу и изменять загробное состояние наших отшедших. Всем усопшим, за которых приносится Безкровная Жертва, — этим самым приношением заглаживаются грехи, и усопшие получают возможность переходить в лучшее состояние. После Безкровной Жертвы вторым по силе средством к заглаживанию грехов усопшего служит милостыня. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Почти умершего милостыней и благотворениями, ибо это послужит к избавлению от вечных мук».

Если вы бедны, — не смущайтесь, помните, что лепта бедной вдовы была в очах Спасителя дороже всех богатых вкладов. Один праведник говорит так: «Если ты идешь в церковь и у тебя денег мало и берет тебя раздумье: дать ли нищему, или свечу поставить, — то лучше дай нищему, а сам будь свечой Богу: гори верой и свети любовью ко всему Божьему миру.

«Бог есть любовь», — говорит любимый ученик Христа. Спаситель же Сам о Себе сказал, что Он есть жизнь, следовательно, жизнь есть любовь, а любовь есть жизнь. Как вечна жизнь, так вечна и любовь, она бессмертна, «она никогда не отпадает», — учит апостол Павел. И она вместе с душою переходит за гроб в царство любви, где без любви никто не может быть.

Любовь, укрепленная и освященная верою, горит и за гробом к Источнику любви — Богу, и к ближним, оставшимся на земле. Какою нежною родительскою любовью любят умершие родители своих оставшихся на земле детей-сирот! Какою крепкою любовью любят переселившиеся супруги оставшихся на земле вдовствующих! Какою ангельскою любовью любят переселившиеся за гроб дети своих оставшихся на земле родителей! Какой чистосердечной и нежной любовью любят отшедшие от жизни сей братья, сестры, знакомые и все истинные христиане оставшихся здесь своих сродников и друзей, с которыми соединила их вера. Какое множество душ ожидает нас там!

«Там, — говорит незабвенный Вышенский святитель Феофан, — душу встречают все, о которых она молилась и которым она молилась в продолжение своей земной жизни. Как это утешительно! Как милостив Господь к нашей душе, что повелевает встречать ее тотчас же при вступлении в еще неведомую ей страну всем, о ком она ходатайствовала и к кому она сама прибегала за помощью».

Эту силу веры, эти ощущения «жизни будущего века», спокойную, радостную смерть при полном примирении с жизнью дает нашим подвижникам религия Христа, религия, перерождающая обыкновенных людей — в людей жизни, полных действительных подвигов, действительного самоотвержения. Все это дала им религия, которую они познали опытным путем через свой подвиг.

Вот что нам говорят наши Учители Церкви: «Человек, пока в нерадении (т.е. не в жизни во Христе), боится часа смерти, а когда приблизится к Богу, тогда поглощается сей страх». «Приобрети чистоту в делах твоих, чтобы озарялась душа твоя в молитве, чтобы памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоём». А другой говорит: «Живущий в любви, пожнет жизнь от Бога и в этом еще мире, в ощущаемом здесь обоняет воздух воскресения».

Этим состоянием души, стяжавшей Духа Святого, объясняется величие перехода праведника из земного мира в мир духовный, и посмотрите, как спокойно и радостно умирает истинно верующий христианин! Чтобы понять религиозные истины, надо испытать на опыте их животворную и спасительную силу. По одному только созерцанию понять их нельзя, их нужно пережить, ибо они назначены для жизни.

Беда нашей современной жизни в том, что мы, если ищем искренно религиозные истины, то стремимся понять их только разумом, тогда как они познаются только жизнью. Если мы хотим познать христианство, то должны начать жить по-христиански, тогда только мы познаем Христа.

Одним разумом Его понять нельзя. А между тем неверующая часть общества ищет Христа одним рассудочным путем. И не мудрено, что не находит. Ведь только чистые сердцем узрят Бога. Надо очиститься, надо начать жить по-христиански, а тогда явится к нам Спаситель, как Он явился апостолу Фоме, и мы узрим Его и уверуем в Него («Явления умерших из загробного мира от глубокой древности до наших дней», свящ. Д. Булга-ковский, и др. источники).

Что такое смерть?

Священное Писание дает нам точное определение смерти: *И возвратится персть в землю, якоже бе, и дух возвратится к Богу, Иже даде его* (Еккл. 12, 7). Значит смерть есть разлучение души с телом. Когда душа покинула тело, тогда мы человека называем мертвым. Одно тело без души не составляет человека, оно — труп, а не человек; точно так и душа без тела есть дух, а не человек.

Тело человека само по себе, без души — мертво, без нее оно подвергается разложению, тлению и, таким образом, лишается жизни. Время от разлучения души с телом до Второго пришествия Христова на землю в Священном Писании называется *сенью смертною* (Пс. 22, 4).

Смерть тела есть как бы естественный временный сон, способствующий обновлению сил душевных и телесных; это есть как бы погребение семени в землю, которое и должно истлеть, чтобы возрастить в себе корень новой жизни, чтобы произвести из себя зеленеющее растение с цветами и плодами в вечности.

Видя умирающего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласен, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу; от настоящего видения возведи помыслы к надежде будущего. Умерший гниет, тлеет и превращается в персть и прах. Что же из этого? Надо радоваться, ибо тот, кто хочет перестроить развалившийся ветхий дом, сначала выводит из него живущих, потом разрушает его и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, ибо обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и не видимое здание. То же и Бог творит. Он, разрушая наше тело, сперва изводит из него душу, в нем живущую, как бы из некоторого дома, дабы потом, воздвигнув его в лучшем виде, снова ввести в него душу с большею славою («Христианское Чтение», 1842, с. 137).

Итак, смерть есть удел каждого человека, удел неизбежный, — ее не минует никто; ибо, как говорит пророк Давид: *Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти?* (Пс. 88, 49).

Однако ничего нет неизвестнее, как день или час смерти: Яко убо не разуме человек времени своего (Еккл. 9, 12), — говорит Священное Писание.

Всем известно, что умрем, но когда? Не знаем, так как смерть не разбирает и не назначает времени, не считает, сколько лет прожил человек, не ждет старости, не щадит юности, не обращает внимания на то, приготовил ли себя человек для будущей жизни, или нет, — пожинает всех; она подобна земледельцу, вышедшему с косой на луг, который не смотрит и не отделяет цветов от травы, а косит подряд все, будет ли то трава старая, или едва распустившиеся цветки, и затем все скошенное вместе сушит и собирает в стога, или в устроенные для того помещения; почему и пророк Давид говорит: *Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет, яко дух пройде в нем, и не будет, и не познает ктому места своего* (Пс. 102, 15-16).

Из Священного Писания нам известно, что прародители наши — Адам и Ева, от которых произошел весь род человеческий, сотворены были бессмертными: И сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их, читаем мы в книге Бытия, ...и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человеку душу живу (Быт. 1,27; 2, 7).

Откуда же и когда явилась смерть? То же Священное Писание поучает, что она есть последствие греха. Грехом смерть вошла в мир (Рим. 5, 12), — говорит апостол Павел. Смерть получила свое название от Самого Бога в то время, когда ее еще и не было, так как Господь Бог,

заповедаю прародителям нашим Адаму и Еве не вкушать плодов от древа познания добра и зла, сказал: в оньже аще день снете от него, смертию умрете (Быт. 2, 17).

Из вышесказанного ясно видно, что смерть есть определенное, по непреложному суду Божию, следствие греха, распространившегося через прародителей на весь род человеческий, так как суд Божий, высказанный прародителям: земля еси и в землю отыдеши (Быт. 3, 19), относится и к каждому человеку, как потомку первых людей почему и апостол Павел говорит: человекам положено однажды умереть, а потом суд (Евр. 9, 27).

Дьявол в образе змия, прельщая прародителей, говорил: Не смертию умрете... будете яко бози (Быт. 3, 4-5). Они поверили ему, вкусили запрещенного плода, но только не получили божества, а были изгнаны из рая сладости и подпали под казнь смертную, и не только сами, но и их дети, и весь род человеческий. Бывши до грехопадения как боги бессмертными, безстрастными и безболезненными, тотчас после падения потеряли божество и бессмертие, и смерть приняла над ними, а через них и над всеми, свое господство; почему и пророк Давид говорит: Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси. Вы же яко человецы умираете (Пс. 81, 6-7).

О необходимости приготовления к смерти

Если же по особому милостивому Промыслу Божию не всем нам открыт смертный час, то мы, тем более, должны заботиться и молиться о том, чтоб кончина наша была безболезненна и мирна и чтобы во всякое время, всегда, готовы были предстать и дать добрый ответ на Страшном судилище Христовом за жизнь, проведенную нами на земле. Для этого нам нужно непрестанно вспоминать о смертном часе: Поминай последняя твоя, — говорит Премудрый, — и во веки не согрешиши (Сир. 7, 39), — и, в случае грехопадений, скорее исповедываться пред своим духовным отцом, не откладывая покаяния день за днем, по нашему нерадению и беспечности. «Еще успеем покаяться, когда придет старость», — так говорят только ленивые и неразумные, ибо нам неизвестно и того доживем ли мы до завтра. Кто нам сказал, что мы долговечны, и кроме того, разве не часто нам приходится видеть молодых людей, одержимых тяжкими болезнями, которым не до сокрушения о грехах, так как у страждущего душа бы-, вает занята ужасом самой смерти. Какое обращение ко Господу, какое раскаяние в прошлом может быть, когда страдания тела, терзаемого смертию, или оставят человека вовсе без сознания, или при слабом сознании без всякого мужества и силы? Нет. Готовиться к смерти нужно заранее. Тогда лучше будем мы вразумляться и мыслить о смерти и больше соберем плодов для вечности. Тогда-то мы будем располагать жизнь свою так, что нам никогда не будет страшно перейти в вечность. При каждой встрече с искушением сильным, пред грозным взором смерти будут погасать в нас порочные страсти, а чистый пламень любви к Господу будет гореть в нас, не угасая.

Истинный христианин встречает смерть не как грозное страшилище, но как вестника мира. Смерть приходит к нему не для того, чтобы разлучить его с Иисусом Христом, Который исполнил за нас правду закона, но для того, чтобы соединить с Ним. Если же не так представляют себе смерть, это значит, что не знают другой жизни, кроме земной, других благ, кроме благ временных, другого Бога, кроме богов века сего.

В таком случае несчастна та душа, которую не хотят пробуждать страхом смерти от ее сна; несчастны те люди, которые заботятся о том, как бы не дошла до ушей их весть о смерти. Это значит то же, что у утопающего в волнах отнять доску, на которой он мог бы спастись. Чем более смерть будет устрашать нас, тем скорее исчезать будет обаяние греха, тем более мы будем дорожить талантами, врученными нам от Бога.

Правда, никто из нас не говорит себе, что не увидит смерти, однакож, не многие ли так живут, как будто вовсе не думают умереть? Всем известен приговор Правды вечной: Земля еси и в землю отыдеши. Наши знакомые, наши друзья в глазах наших исполняют его на себе. А нас этот приговор не касается?

Мы провожаем других в иной мир, а готовим ли себя в тот же путь? Напротив, мысль о смерти не так ли «близка» душе нашей как гость постылый, которого и холодно принимаем мы и выпроваживаем как можно скорее? Не так ли редко западает она в душу нашу, как однажды холодно принятый знакомый? Если так, то нечего удивляться, что так мало живем мы для добра.

В ком нет надежды на загробную жизнь, тот не может называться истинным христианином, потому что с истинным христианством должно быть соединено упование и ожидание явления Христова и будущей жизни. («Вечные загробные тайны»).

Внезапная смерть

Страшное дело — смерть внезапная. Она есть меч гнева Божия за наши грехи. Это мы ясно видим из притчи о богатом и Лазаре. Богатый был корыстолюбив, раб плоти и прихотей. Он совершенно забыл о смерти, о бессмертии души и о Боге. Он прилепился умом своим и сердцем к благам земным и умер не как человек, верующий в Бога, но как нечестивый, потерявший всякую веру; не как человек, имеющий бессмертную душу, но как душою умерший; не как человек разумный, но как животное бессловесное. За все эти грехи богатый и умер, по определению Божию, смертью принужденной — внезапной. Что он умер не естественно, а его скосила, по повелению Божию, внезапная смерть, — это мы видим из той же притчи. В ней Сам Бог обличает нечестивого грешника и объявляет ему страшную казнь внезапной смерти: Безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе (Лк. 12, 20). При этом Господь открыл и причину такого страшного осуждения, — порок лихоимства, беспечности, нерадения, о своей душе и о конце земной жизни.

Да, пагубна для души нашей смерть внезапная! Ибо в каком состоянии застанет нас момент смерти, в таком мы останемся и пребудем вечно. По смерти же ни добродетельный не изменяется из добродетельного в порочного, ни грешник — из порочного в добродетельного. Подтверждает это и божественный Екклесиаст, говоря: И еще падет древо на юг, и еще на север, на месте, идеже падет древо, тамо будет (Еккл. 11, 3). Это значит: какого места достойным обрящется человек в час смерти своей, там и определяется и пребывает в безконечные веки веков.

Мы, несчастные, постоянно согрешаем, и грех следует постоянно по пятам нашим. Одно время мы посвящаем многоядению и многопитию; другое — проводим в покое, беспечности, прихотях, остальное — жертвуем хищениям, неправдам, убийствам, враждам, притеснениям и гонениям братии! Когда мы не согрешаем? Поношения, клеветы, осуждение, ложь, сквернословие и празднословие не престают исходить из уст наших. Когда бываем мы непричастными гордости, славолюбию, гнусной мстительности и лукавому воображению? Почти что никогда! Грех всегда окружает нас, всегда представляет уды наши в рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие (Рим. 6, 19).

Когда прежде смерти Человеколюбец Бог посылает на нас жестокую болезнь, тогда она, пришедши, возвещает нам, как бы другой Исайя, говоря: Сия глаголет Господь: устрой о доме твоём, умиравши бо ты (Ис. 38, 1). Как велегласная труба возглашает она: «Человек! Приготовляйся к будущей жизни». Чувствует тогда человек разлучение с миром, видит тогда, что бесполезны ему теперь и богатство, и слава, и премудрость, и вообще любые любые земные блага. Родственники и друзья больного призывают тогда духовного отца его, чтобы он мог раскаяться, плакать, обратиться к Богу, исповедать грехи свои и соединиться со Спасителем Иисусом Христом, через принятие Пречистого Тела и Крови Его. Без сомнения, тогда есть надежда, что таковой может спастись и остаться не на месте мучения, но на месте блаженства.

Но когда внезапно, как налетевший ураган, как вихрь, смерть похитит жизнь, когда человек, будучи в силах, здоров и предан греху, в одну минуту явится безгласен и безчувствен, какая тогда может быть надежда ко спасению? Где тогда покаяние? Где исповедь? Где обращение? Ни сродник, ни друг, ни священник не могут помочь тогда, хотя бы и хотел кто, старался и усердно желал. Тогда вдруг придут немилосердные, истязующие душу несчастного. В сию ночь душу

твою истяжут от тебе (Лк. 12, 20).

Смерть, без сомнения, неизбежна и страшна, и предотвратить или миновать ее в конце концов невозможно; но мы можем приготовить себя к ней, — устроить дела земные и приложить старание и попечение о душе своей. Освободившись от всех земных попечений, мы приготовим и облегчим душу свою покаянием, исповеданием грехов, освободимся от угрызений совести и прогоним от себя чрезмерный страх мучений и в Таинстве Причащения соединимся со Христом. Вследствие этого вселится в сердце наше упование на милость Божию, чаяние вечного покоя, надежда бессмертного Царствия, умеряющая и даже вовсе отъемлющая печаль о разлучении с миром. Ничего не останемся тогда скорбного и страшного, кроме подвига разлучения души с телом. Ангелы милостивые и светлые окружают тогда нас и далеко прогонят полки бесовские. Они усладят горесть смерти, облегчат трудность ее, прогонят душевный страх, и, радуясь, возьмут душу нашу. Блажен тот, кто удостоится такой кончины, он тихо и кротко скажет с Давидом: В мире вкупе усну и почию (Пс. 4, 9).

Когда же случится с нами смерть нечаянная, внезапная, когда она застанет нас среди беззаконий наших, как она страшна будет для нас, как губительна! Увидим и почувствуем мы тогда, что повис над нами обнаженный меч ее, и мы сейчас, в одну секунду, отойдем в вечность. Желали бы мы тогда всей силой души, чувств и мыслей избежать этого, но побег уже невозможен. Хотели бы мы сделать распоряжения предсмертные о доме своем, но мысли наши помутятся, помышления исчезнут. Хотели бы покаяться, исповедать грехи свои пред священником, но язык наш не будет повиноваться нам, и самые уста сомкнутся, и мы горько почувствуем, что умираем во грехах и уготованы диаволу и ангелам его.

Это причинит нам страшные мучения, ужас и совершенное отчаяние. Бесы мрачные и немилостивые, обличая деяния наши и истязуя душу нашу, будут терзать нас. Наконец, душа наша в невыразимых мучениях разлучится с телом, — похитится насильственно. Горе тому человеку, который таким образом окончит жизнь свою, ибо это и есть та самая смерть, о которой святой пророк Давид сказал: Смерть грешников люта (Пс. 33, 22).

Мы, люди, не только не знаем о времени нашей смерти, но не знаем и о том, какова будет наша кончина: кроткою ли и смиренною она придет к нам, или лютою и зверскою. Предупредит ли она нас какими-либо знаменами или постигнет как тать в ночи. Даст ли она нам некоторое время на раскаяние, или мгновенно похитит нас во всех беззакониях наших? Ничто не известно нам. Для чего же такая неизвестность, такое неведение о часе смертном и об образе его? Но так устроил человеколюбивый Бог, ради нашего спасения, именно потому, что незнание часа смертного рождает страх, страх — воздержание, а воздержание пресекает случай ко греху и падению.

Далее, незнание о часе смертном производит внимание; а внимание — желание, которое бывает первою причиною добродетели. Оставлено для нас в неизвестности, — добрая или лютая будет кончина наша для того, чтобы страшиться, чтобы избегать греха, и, отстраняясь от пороков, более и более преуспевать в добродетели. Поэтому приготовимся к вечности и к переходу в вечность, именуемому смертью, во время земной жизни, в этом преддверии вечности.

Земная жизнь не есть собственно жизнь; но непрестанная борьба между жизнью и смертью, и мы колеблемся между ними, постоянно уклоняясь то к той, то к другой, оспариваемся ими. Если оценим должным образом то краткое мгновение, на которое мы поставлены здесь, на земле, сравнив его с неизмеримою и величественною вечностью, то найдем, что только правильное употребление земной жизни, т.е. приготовление к вечности, будет для нас полезно («Вечные загробные тайны», изд. Свято-Пантелеймоновского монастыря на Афоне).



Примеры из жизни людей, умерших внезапно смертью

В Киево-Печерской лавре были два инока, священник Тит и диакон Евагрий. Несколько лет они жили между собою так дружелюбно, что прочие братья дивились их единодушию... Но враг рода человеческого искони сеет плевелы посреди пшеницы! Он посеял и между ними вражду, гневом и ненавистию так омрачив их, что они не могли без досады даже взглянуть друг на друга. Когда, отправляя Божию службу, один из них шел с кадильницею по церкви, то другой отходил в сторону, чтобы не услышать фимиама; а если иногда этот последний оставался на своем месте, то первый проходил от него как можно далее. Злоба продолжалась весьма долго; и они, не примирившись между собою, дерзали приносить Безкровную Жертву Богу... Сколько братья ни советовали им, чтобы отложили гнев и жили между собою в мире и согласии, все было тщетно!

Однажды священник Тит тяжело разболелся. Отчаясь в жизни, он начал горько плакать о своем согрешении и послал к недругу своему просить прощения; но Евагрий не хотел слышать о том и начал жестоко проклинать его. Братья, соболезнуя о столь тяжком заблуждении, насильно привлекли его к умирающему. Тит, увидев врага свое-го, с помощью других встал с одра и пал пред ним, слезно умоляя простить его, но Евагрий был так безчеловечен, что отвернулся от него и с остервенением воскликнул: «Ни в сей, ни в будущей жизни не хочу примириться с ним!». Он вырвался из рук братии, намереваясь убежать, но в тот же миг упал на землю.

Иноки хотели поднять его; но как же они изумились, увидев его мертвым и настолько охладевшим, как если бы он умер некоторое время назад! Их изумление умножилось еще более, когда священник Тит, в то же самое время встал с одра болезни, словно никогда болен не был. В ужасе от столь необыкновенного происшествия, они окружили Тита и один пред другим спрашивали: «Что значит это?» — «Будучи в тяжелой болезни, — отвечал он, — доколе я, грешный, сердился на брата моего, видел Ангелов, от меня отступивших и плакавших о погибели души моей, а нечистых духов радующихся. Вот причина, почему я всего более желал примириться с ним; но как скоро привели его сюда, и я поклонился ему, а он начал проклинать меня, я увидел, что один грозный Ангел поразил его пламенным копьём, и несчастный мертв повергся на землю; а мне сей же Ангел подал руки и восстановил от одра болезни».

Иноки оплакали лютую смерть Евагрия, и с того времени более прежнего начали блюстись, да никогда не зайдет солнце во гневе их; ибо памятозлобие есть порок ужаснейший и столько же мерзок пред Богом, сколько и губителен в обществе. Христиане! Человек создан по образу и подобию Божию: какое отличие! Но поверьте, что памятозлобный не имеет его: он более зверь, нежели человек («Четьи-Минеи», 27 февраля).

Иконоборствующий царь Константин Копроним, потеряв всю надежду поколебать преподобного Стефана ласками и дарами, вознамерился пред лицом Святой Церкви посрамить его имя, возложив на невинного старца грех, которым гнушаются даже молодые, но благовоспитанные люди. На безславию вместе с ним обрекли одну молодую инокиню, по имени

Анна, и подкупили ее служанку, чтобы лжесвидетельствовала на невинных.

Безсовестная женщина сделала все, что желали гонители. Анна была при всем народе выведена из церкви и представлена суду. При допросах находился сам Копроним и требовал только одного: чтобы она призналась в преступлении, после чего обещал ей все царские милости. Но когда ни ласки, ни лжесвидетельство ее рабыни, ни самые мучения, болезненные и постыдные, не могли поколебать ее твердости, то мучитель был принужден оставить преподобного Стефана в покое.

Между тем, Копроним почел за нужное наградить клеветницу, чтобы и другие в подобных случаях охотнее исполняли волю его. Она выдана была в супружество за некоего чиновника и через некоторое время родила близнецов. Но, клеветники и лжесвидетели! Вострепешите, видя казнь, которую на главу сей преступницы излил Тот, Кто в громе и молнии некогда проглаголал: «Не лжесвидетельствуй». В одну ночь, когда она спала с детьми своими, вдруг они обуяли и, приыв удивительную силу, схватили сосцы матерний и начали пить молоко ее не по-младенчески, но как скимны (молодые львы,Изд.), так что она не могла освободиться от них. Таким образом, свирепствуя над своею матерью, они тогда же умертвили ее, и сами, как порождение ехиднино, вместе с нею погибли («Училище благочестия», с. 446-447).

Иван Афанасьевич Пращев, молодой офицер, участвовал в усмирении польского мятежа в 1831 году. Денщиком у него был в ту пору Наум Серeda. В одной из перестрелок смертельно ранили Середу и, умирая, он просил Пращева переслать матери его находящиеся при нем три золотых.

- Непременно исполню твое поручение, — ответил Пращев, — и не только эти три золотых, но к от себя еще прибавлю за твою верную службу.

— Чем же я вас, ваше благородие, отблагодарю, — со стоном проговорил умирающий.

— А вот, если умрешь, приди ко мне с того света в тот день, когда я должен умереть.

— Слушаю, ваше благородие, — отвечал Серeda и вскоре умер.

Однажды, пользуясь превосходной погодой (это было через тридцать лет после смерти Середы), Пращев, его жена, дочь и ее жених были в саду ночью. Собака, постоянно находившаяся при Пращеве, вдруг бросилась по аллее, как обыкновенно бывало, когда завидит чужого. За ней последовал Пращев, и что ж он видит — подходит к нему Серeda.

— Ты что, Серeda, скажешь? Разве сегодня день моей смерти? — спросил Пращев.

— Так точно, ваше благородие, я пришел исполнить ваше приказание, день вашей смерти наступил, — ответил неземной вестник и скрылся.

Пращев немедленно приготовился к смерти по христианскому обряду, исповедался и причастился Святых Таин, сделал все нужные распоряжения. Но смерть не наступала. Около одиннадцати часов вечера семнадцатого мая Пращев был со всеми домашними в саду; вдруг раздался женский крик: у Пращева, как у своего помещика, просила помощи жена повара: за нею гнался муж ее; повар был пьян, в таком виде он всегда считал жену свою изменницей и бил ее. Повар подскочил к Пращеву и ножом нанес ему в живот смертельную рану, от которой тот тотчас же и умер {«Нива», 1880, № 15-17}.

Примеры встречи смерти святыми и благочестивыми людьми

Пред смертью к преподобному Марку Фраческому пришел преподобный Серапион. Преподобный Марк встретил Серапиона с сердечною радостью и сказал ему: «Бог послал мне тебя, чтобы ты святыми руками приготовил к погребению мое смиренное тело». Чрез час времени сказал: «Братe Серапионе! Пребуди ночь сию без сна ради моего разлучения!». Оба встали на молитву. По окончании молитвы, Марк сказал Серапиону: «Тело мое по отшествии моем положи в пещере сей с миром Христовым, двери пещеры загради камнями и иди в свое место, а здесь не будь». Серапион просил его взять с собою, но он сказал ему: «Тебе не здесь

следует умереть, но в своем месте». Еще присовокупил: «Велик сей день, он мне лучше всех дней живота моего, потому что сегодня разлучается душа моя от страданий плотских и идет успокоиться во обители небесной; сегодня тело мое почиет от многих трудов и болезней; сегодня примет меня свет покоя моего».

При этих словах вертеп наполнился светом, светлее солнца, в воздухе носился аромат. Преподобный Марк взял Серапиона за руку и сказал ему: «Пусть мое мертвое тело, где трудилось во временной сей жизни, там и пребудет до всеобщего воскресения, здесь мой дом болезням, трудам и нуждам. Ты, Господи, разлучи душу мою от тела, потому что ради Тебя я претерпевал голод, жажду, наготу, мороз, зной и всякую тесноту; Сам, Владыко, одей меня одеждою славы в страшный день пришествия Твоего; почийте же очи и ноги мои, потрудившиеся во всеобщем стоянии; отхожу от временной жизни, всем же остающимся желаю спастись. Спасайтесь все Бога ради!».

По наставлении, целовав Серапиона, сказал ему: «Спасайся и ты, Серапионе! Заклинаю тебя Богом, ничего не бери от смиренного моего тела». Когда Серапион заплакал, с неба был голос: «Принесите Мне сосуд, избранный от пустыни, принесите Мне делателя правды, совершенного христианина и верного раба. Гряди, Марк, гряди! Почий во свете радости и духовной жизни!». Марк сказал Серапиону: «Преклоним колена, брате!» Тогда был голос архангельский Марку: «Простри руки твои!». Этот голос слышал Серапион.

Серапион тотчас встал и увидел душу святого, от союзов плотских уже разрешившуюся, и руками ангельскими белосветлою одеждою покрываемую, и на небо возносимую («Четьи-Минеи», 5 апреля).

Преподобная Афанасия, получив извещение о часе смертном за двенадцать дней, не пила и не ела, а присутствующим сестрам говорила: «Пойте и хвалите Бога всегда!». Когда наступил двенадцатый день, она не dokonчила чтение Псалтири и сказала: «Помогите мне, изнемогшей; идите в церковь и dokonчите чтение Псалтири, я не могу кончить: сила моя изнемогла!». Они, плача, спросили ее, до которого псалма она читала? Она ответила: «Девятнадцатый во устах имею и более не могу». Сестры ушли в церковь и dokonчили чтение Псалтири.

Оставшиеся же сестры, Марина и Евпраксия, заплакали. Она обняла их, поцеловала: «Сегодня разлучимся, а в будущем веке увидимся!». Лицо ее просветилось как солнце. Она сказала: «День праздника не оставляйте по службе. Церковное пение пусть будет благочинно. Сиротам, нищим и вдовам сотворите учреждение по силам. По Божественной Литургии предайте мое убогое тело земле!». По сем закрыла уста, очи смежила и почилла о Господе, уснувши общим сном смерти. Скончалась в навечерие 14 августа («Четьи-Минеи»).

Когда настало время умирать великому Сисою, просветилось лицо его, и он сказал сидевшим у него отцам: «Вот пришел авва Антоний». Помолчав несколько, сказал: «Вот лик Пророческий пришел». Потом просветился более и сказал: «Вот пришел лик Апостольский». И опять сугубо просветилось лицо его; он начал с кем-то беседовать.

Старцы упрасивали его сказать, с кем он беседует? Он отвечал: «Ангелы пришли взять меня; но я умоляю их, чтобы они оставили меня на короткое время для покаяния». Старцы сказали ему: «Отец! Ты не нуждаешься в покаянии». Он отвечал им: «Поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию». А все знали, что он совершен.

Так говорил и чувствовал истинный христианин, несмотря на то, что во время жизни своей он воскрешал мертвых единым словом и был исполнен даров Святого Духа.

И еще более засияло лицо его, засияло как солнце. Все убоялись. Он сказал им: «Смотрите, — Господь пришел и изрек: "Принесите Мне избранный сосуд из пустыни"». С этими словами он испустил дух. Блеснула молния и храмина исполнилась благоухания. Так окончил земное течение один из великих угодников Божиих («Патерик Скитский»).

В Костромской губернии, Ветлужского уезда, в деревне Ч., жил один набожный крестьянин

Филипп.

С ранних лет крестьянин этот возлюбил церковь Божию, а потому, как в детстве, так равно и по вступлении в брак, не пропускал ни одной службы Божией, несмотря на то, что деревня, в которой он жил, стояла от села в десяти верстах, за что соседи скоро прозвали его святошею.

В собрании родственников и знакомых Филипп никогда первый не начинал разговора, а всегда любил слушать разговоры других; но едва только речь склонялась к осуждению кого-либо, набожный Филипп, как будто не слышав начала ее, тотчас заводил разговор об ином предмете, большею частью религиозном, и тем нередко отклонял других от дальнейших пересудов.

За какое бы дело Филипп ни принялся, он приступал к нему не иначе, как с призыванием помощи Божией, — за что Господь щедро награждал его Своими дарами; если же усиленные труды его иногда и не вознаграждались, то и в таком случае Филипп не смел произнести ни одного ропотного слова; никогда ни в чем не завидовал другим, и всегда был доволен своей долей.

Но недолго Филипп пользовался счастьем: Промыслу Божию, для неисповедимых Его целей, угодно было испытать терпение Филиппа, как некогда праведного Иова, чтобы и о нем ненавистники добра не сказали того же, что некогда сказал начальник их об Иове: «Даром ли Филипп чтит Бога? Не Он ли благословил дела рук его? Но пусть прострет Он руку Свою и коснется его: не отречется ли Филипп от него?». На двадцать пятом году жизни Филиппа постигла болезнь: все тело его покрылось язвами, издававшими нестерпимый гнилой запах.

Видя страждущего Филиппа в таком жалком состоянии, ненавистники его язвили: «Вот наш святоша еще заживо гниет».

Действительно, болезнь несчастного в скором времени развилась до того, что во многих местах под кожей его завелись черви, которые, прогрызая кожу и в местах здоровых, малопомалу распространились по всему телу, и в два года его болезни до того размножились, что ночью выползали из его тела целыми роями и покрывали всю его постель.

О чистоте одра больного и об исполнении его нужд должна была заботиться жена его Феодосья, женщина очень строптивного характера, которая нередко говорила ему, что смерть видно забыла его, на что терпеливый страдалец обыкновенно отвечал: «Да! Видно за мои тяжкие грехи Господь посетил меня такою тяжкою болезнию, но что же делать? Видно Господь, Которому я служил с детства моего, знает, что для меня лучше и удобнее идти к нему не путем благоденствия, которым я доселе пользовался, а путем страдания: нужно и потерпеть».

По прошествии двух лет болезнь эта не только не обещала прекращения, а, напротив, с каждым часом заметно все более и более усиливалась так, что Филипп, предвидя близкий конец своим страданиям, просил жену поскорее пригласить священника для напутствования его Святыми Дарами. Желание его немедленно было исполнено; и он, удостоившись принять сию драгоценную Святыню, по уходе священника, с улыбкою на устах, сказал жене своей: «Феодосьюшка! Ах, как мне теперь стало легче,, именно с той минуты, как батюшка причастил меня!».

Спустя немного времени, страдания его возобновились сильнее прежнего, и он, через месяц, совершенно ослабев телом, в другой раз пожелал пригласить священника, чтобы он осoboровал его маслом и еще раз удостоил причастия Святыми Телом и Кровию Спасителя, но в этот раз просьба его не была исполнена, и на желания его жена только с гневом ответила: «Ну-ну! Давно ли причащался?». На такой отказ страдалец отвечал ей громкими слезами, и весь тот день провел в молитвенных вздохах и слезах.

По наступлении вечера жена больного оставила его одного, отправилась к соседу на вечер и возвратилась не ранее полуночи, — страдалец же, огорченный отказом в своей просьбе, весь вечер провел в слезах, а близ полуночи, в бодрственном состоянии, удостоился следующего

утешительного видения: комната, в которой он, страдая от мучительной болезни, лежал безвыходно около двух с половиною лет, вдруг наполнилась необыкновенным светом, и предстала ему Дева, неизобразимой красоты, с двумя величественными юношами. Подошедши к его одру, Она ласковым голосом сказала ему: «Не бойся и не унывай, Филипп! Ты Меня скоро увидишь, — Я тебя Сама встречу». Потом один из юношей, прекрасный лицом, подошедший тоже к постели его, чем-то помазал ему крестообразно чело и перси и дал что-то испить; другой же, более величественный видом, издали трижды покадил на него, и все трое мгновенно стали невидимы.

Когда возвратилась жена, Филипп сказал ей: «Ах ты, глупенькая, — ушла! А у меня сейчас какие гости-то были! Я, право, и не видал таких от роду», — и подробно, как только мог, пересказал ей все виденное и присовокупил: «Ах, как мне теперь легко! Смотри-ка, где у меня раны-то?». Действительно, жена его долго стояла в великом изумлении, не находя на теле его ни малейших признаков прежних язв. Но терпеливый страдалец, удостоившийся получить исцеление от неизвестных ему гостей, в ту же ночь предал с миром дух свой, сам крестообразно сложив руки на груди.

На третий день по кончине тело его принесено было в церковь для совершения над ним чина погребения. Священник того прихода в этот самый день отлучался из дома верст за пятнадцать для служения молебна в доме своего духовного сына, купца второй гильдии В. С, перед местной Толгской иконою Божией Матери, которая из церкви туда и обратно несена была при многолюдном стечении народа и при звоне колоколов.

По совершении молебна, священник с причтом отправился домой, прежде икон, и, найдя тело страдальца в церкви, немедленно приступил к чину погребения, чтобы окончить его и успеть с тем же причтом проводить тело усопшего на кладбище прежде возвращения икон. Но едва только успели они выйти на паперть церковную с телом его, как начался звон, встречавший обратно несомую икону Царицы Небесной. Таким образом тело усопшего страдальца Филиппа несено было со звоном до самого кладбища, на расстоянии одной версты, а здесь как раз встретились и несшие Толгскую икону Божией Матери и тело почившего. Сбылось предсказание Царицы Небесной (Которой, как свидетельствовали многие, усопший при жизни молился с особенным благоговением), что Она, приходившая за два дня до смерти для утешения его в образе прекрасной девы, встретит его, и что он увидит Ее.

При столь внезапной встрече несшие икону Царицы Небесной и тело почившего ощутили в себе какое-то особенное чувство благоговения к путям Промысла Божия, а некоторые из числа родственников в избытке чувств прослезились. Другие же из сопровождавших икону Царицы Небесной и почившего, на которых встреча не произвела, казалось, ни малейшего впечатления, говорили: «Ай да святоша! Какой счастливый! Смотри-ка: никого еще со звоном не провожали в могилу, а ты удостоился» (Свящ. А. Преображенский, «Странник», 1864, с. 37-41).

Рассказы о явлении умерших

Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, говорит: «Из древних сказаний видно, что вера в бессмертие души постоянно соединялась с верою в явления умерших. Сказания о сем безчисленны... Есть явления умерших или их действия, кои не подлежат сомнению, хотя они редки» («Сочинения», т. 7).

Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, говоря в одном из своих поучений о загробной жизни, утверждает: «Таких фактов можно было бы насчитать не мало, которые имеют полное значение достоверности для лиц, совершенно достопочтенных и заслуживающих веры... факты достоверны, действительны, возможны, но нельзя сказать, что согласны с установленным волею Божиею обычным порядком вещей» («Странник», 1887).

Многие из ученых и писателей, иностранных и наших отечественных, не только сами верят в

явление умерших и рассказывают необыкновенные случаи из собственной жизни, но убеждают других не сомневаться в этом. Так, Августин Калмет, живший во второй половине семнадцатого столетия, известный в свое время как исторический писатель и как толкователь Священного Писания, пишет: «Отвергать возможность и действительность явлений и действий отшедших душ на том одном основании, что они необъяснимы по законам земного мира, также совершенно незаконно, как незаконно было бы отвергать возможность и действительность явлений физиологических на том основании, что они не объяснимы по одним законам чисто механических явлений» («О явлении духов», ч. 1, с. 115).

«У меня был товарищ по семинарии, с которым я дружил и в продолжении богословского курса вместе квартировал, — записал в своем дневнике протоиерей Н. Соколов. — Это сын болховского священника Николай Семенович Веселое. По окончании курса семинарии он остался учителем уездного училища, а я по окончании академии поступил священником в Херсон. Но в одно время приснился он мне так, что я понял, что его нет в живых. Написал к отцу его и получил ответ, что сын его умер, как раз в тот день и час, когда я видел его во сне. Мне снилось, будто я нахожусь на херсонском кладбище подле ветхого пирамидального памятника, в котором от вывалившихся камней образовалось отверстие шириною около пяти вершков. Из любопытства я влез через отверстие внутрь памятника. Потом хотел вылезть назад, но не нашел отверстия в темноте. Я стал ломать камень, и блеснул свет. Проломав отверстие больше, я вышел и очутился в прекрасном саду. На одной из аллей вдруг навстречу идет Веселое.

— Николай Семенович, какими судьбами? — воскликнул я.

— Я умер, и вот видишь... — отвечал он.

Лицо его сияло, глаза блестели, грудь и шея были обнажены. Я бросился к нему, чтобы поцеловать его, но он отскочил назад и, отстраняя меня руками, сказал: «Я умер, не приближайся». Я как будто поверил, что он на том рвете, и испугался. Взглянул на него, заметил, что лицо его было весело, и страх мой пропал. Веселое прошел мимо меня, я пошел с ним рядом, не дотрагиваясь до него.

— Я жив, хотя и умер, умер и жив все равно, — сказал он. Слова его показались мне так логичны, что я ничего не мог возразить на них. Когда мы приблизились к старому пирамидальному памятнику, Веселое сказал: «Прощай, ты пойдешь домой», — и указал мне на отверстие. Я полез и тут же проснулся» (Прибавление к «Херсонским епархиальным ведомостям», 1891, № 11).

В 1871 году состоявший в певческом хоре А. Я., прожив не более двадцати четырех лет, — рассказывает ярославский архиепископ Нил, — умер от холеры. Через десять дней после смерти, именно утром 16 июля, явился он мне во сне.

На нем был знакомый мне сюртук, только удлинённый до пят. В момент явления я сидел у стола гостиной своей, а он вошел из залы довольно скорым шагом, как это и всегда бывало, выказав знаки уважения ко мне, приблизился к столу и, не сказав ни слова, начал высыпать на стол из-под жилета медные деньги с малой примесью серебра.

С изумлением спросил я:

— Что это значит? — Он отвечал:

— На уплату долга. (Надобно заметить, что накануне приходили от фотографа Г., объявив, что по книгам значится за Я. четыре рубля). Это меня очень поразило, и я неоднократно повторил:

— Нет, нет, не нужны твои деньги, сам заплачу твой долг.

При сих словах Я. с осторожностью сказал мне:

— Говорите потише, чтобы не слышали другие.

На выраженную же мною готовность уплатить за него долг, он не возражал, а деньги не

замедлил сгрести рукою со стола. Но куда положил он их, не удалось мне заметить, а, кажется, тут же они исчезли.

Затем, встав со стула, я обратился к Я. с вопросом:

— Где находишься ты, отшедши от нас?

— Как бы в заключенном замке.

— Имеете ли вы какое-либо сближение с Ангелами?

— Для Ангелов мы чужды.

— А к Богу имеете ли какое отношение?

— Об этом после когда-нибудь скажу.

— Не в одном ли месте с тобою Миша? (Миша — тоже певчий, мальчик, живший в одной комнате с Я. И скончавшийся года за четыре перед тем).

— Не в одном.

— Кто же с тобою?

— Всякий сброд.

— Имеете ли вы какое развлечение?

— Никакого. У нас даже звуки не слышатся никогда, ибо духи не говорят между собою.

— А пища какая-либо есть у духов?

— Ни-ни... — Звуки эти произнесены были с явным неудовольствием и, конечно, по причине неуместности вопроса.

— Ты же как чувствуешь себя?

— Я тоскую.

— Чем же этому помочь?

— Молитесь за меня: вот доныне не совершаются обо мне заупокойные Литургии.

При сих словах душа моя возмутилась, и я стал перед покойником извиняться, что не заказал сорокоуста, но что непременно сделаю. Последние слова видимо успокоили собеседника.

За сим он просил благословения, и я, благословив его, спросил:

— Нужно ли испрашивать у кого-либо дозволения на отлучку?

Ответ заключался только в одном слове: да. И слово это было произнесено протяжно, уныло и как бы по принуждению.

Тут он вторично попросил благословения, и я еще раз благословил его. Вышел он от меня дверь, обращенной к Туговой горе, на которой покоится прах его («Душеполезные размышления», 1881).



Из области таинственного

Я считаю особенным удовольствием сообщить сказание из рукописей нашей монастырской библиотеки о хождениях одного из смиренных подвижников-молдаван по обителям небесным. Но кто этот подвижник, в какой обители подвизался и как его имя — нам неизвестно. Видение

старца, продолжавшееся часа три, в течение почти целой утрени, похоже на благодатное видение блаженного Андрея, Христа ради юродивого, память которого 2 октября. Это случилось на Святой Афонской горе в марте 1854 года. Замечательное видение это очень ясно характеризует неправомыслие всех многообразных протестантов и сектантов, как, например, штурдистов, баптистов, пашковцев и других, отвергающих ходатайство о нас Божией Матери и святых пред Престолом Триипостасного Божества. Чтобы обличить их, а православных утвердить и укрепить в своей святой православной вере, мы целиком приводим видение афонского старца.

«Однажды в четверг, в шесть часов ночи, т.е. по захождении солнца накануне, — говорил старец, — я встал к утрени и, войдя в церковь, поместился в форме* (Формою называются монашеские места в церкви, с открывающимися скамьями для сидения во время чтения), когда братия начинала уже последование полунощницы; и размышляя о непостижимой глубине существа Божия, при мысли, что Он один есть Господь, Создатель и Творец вселенной; и что для спасения людей принял наше естество и, сделавшись человеком, был распят и погребен, — я почувствовал такое умиление в своем сердце, и такая радость объела душу мою и успокоила разум, что от избытка сладостных чувствований — слезы, как источник, текли из очей моих; и неизмеримая любовь Божия наполняла все существо мое.

Тогда разверзлось сердце мое, из которого как бы одна дорога восходила к Престолу Божию, и, сливаясь в одно с разумом и чувствами, давало полную свободу пламенной молитве; и каждое слово молитвы выражалось глубоко от души. Тут я почувствовал любовь к ближним, и начал молиться за оскорбивших и порицающих меня; и от радости сердца душа моя была в восхищении. Но, находясь в этом трогательном состоянии, вместе с тем я и ощущал, что находился в церкви, и видел, что братия молилась. Не имея же сил более стоять на ногах — открыл скамью формы и присел, не переставая мысленно молиться. Тогда я до того сосредоточен был в любви Божией, что не в состоянии был успокоиться на земле, и чем более питал к Господу любовь и дерзновение — рассеивался страх мой к Нему и более ликовала душа моя от этого, так что я не мог продолжать ни начатой, ни других молитв, а чувствовал только искреннее желание любви Божией, что как пламень огненный горело в моем сердце: душа прилеплялась к Богу, только о Нем и воображала; слезы подобно ручью струились из очей, и я находился в полном восторге и смирении. Но неожиданно предавшись какому-то забвению, я не видал более ни церкви, ни братии, и не слышал того, что читалось, и вдруг очутился среди обширного и богатого поля, которое было украшено роскошными деревьями и цветами, дышавшими чудным благоуханием. Красоты и благолепия этого поля не возможно ни описать, ни рассказать языком человеческим, потому что оно было исполнено такого света, как будто светило семь солнц, а издали виднелось неисчислимое множество людей, молодых собою и облеченных в блестящие одежды, которые были очень благообразны, и лица коих сияли более, нежели солнце — и ходили очень тихо.

При виде всего этого радовалась душа, и в удивлении я спрашивал самого себя: кому принадлежит этот вертоград; что это за люди и как очутились здесь? С этой мыслью я пошел далее, и, пройдя еще немного, увидел множество других, которые стояли вместе, были молоды, разных лет, сильные телом, и лица их выражали глубокое смирение, а красота их до того была ослепительна, что сияла более солнца. Они были в воинском одеянии.

При виде этих людей я остановился и душевно восхищался, любясь их благообразием и украшением. Тогда услышал я из среды этих людей голос, называвший меня по имени: «Как известно всем нам, брат наш N имеет большое желание прийти к Царю: кто же из нас возьмется быть ему вожатым?». И избрался один из них, молодой летами, который, превосходя красотой и могуществом всех прочих и сияя как луна между звездами, казался старшим над другими, и обратясь ко всему лику, сказал: «Я буду путеводителем, ибо как вы знаете, он, питая ко мне особенную любовь, денно и ночью просил меня об этом, и я не раз уже ходатайствовал за него

пред Богом». Сказав это, он направился ко мне, а я, между тем, удивляясь, думал: мне ни разу не приходилось видеть этих людей — где же они видели меня, откуда знают мое имя, и как они узнали, что я имею желание прийти к Царю? Когда же славный воин подошел ко мне и с лицом веселым сказал: «Следуй за мной и пойдем к Царю», — я просил оставить меня, говоря: «Что я за особа, чтобы дерзал предстоять Царю?» — и спрашивал, чего желает от меня Тот Царь, к Которому он имеет привести меня, и что это за Царь и кто он сам такой? Тогда, несколько улыбнувшись, воин весело продолжал: «Ты верно шутишь, что не Узнаешь этого Царя, к Которому я имею привести тебя? И разве ты не знаешь меня, в то время, когда любишь меня, и молишь меня день и ночь? И вот я пришел провести тебя к Царю, и теперь, если бы и захотел, — не могу тебя оставить; итак, следуй за мной». Не имея что ответить на это, я последовал за ним, и мне хотелось узнать и еще раз спросить у него, кто он, что оказывает мне столько добра, потому что до сих пор я не узнавал его и вместе совестился спросить, думая, что может быть еще успею узнать после, тем более что в душе питал к нему какое-то и благоговение и беспокойство, видя его около себя.

Когда мы прошли много места от того роскошного вертограда, который уже окончился, никого более не было, исключая меня и моего путеводителя, подошли к одному узкому пути, который так далеко простирался, что не видно было его конца; будучи заключен между двумя высокими стенами, он едва давал возможность пройти одному человеку. Это вызвало у меня некоторую боязнь, потому что место было слишком опасно; но при виде своего вожатого, я снова успокоился. Тогда путеводитель мой немного приостановился и, ласково глядя на меня, начал говорить: «Брат, отчего смущается душа твоя, и овладело тобою уныние? Зачем ум твой находится в рассеянности, и не возносится молитвой к Богу? Не знаешь ты, сколько теряет человек, когда забывает молитву и занят одним собою; и сколько получает, если постоянно прибегает к спасительному имени Иисуса Христа? Такой человек, избавляясь от страданий и грехов, вмещает в себе Святую Троицу и достигает любви Божией в том совершенстве, которого и ты, отчасти, по милости Божией неожиданно удостоился. Но достигая этого блаженства, зачем ты нерадишь о нем, и долго ли еще будешь находиться в глубоком сне лени и не одумаешься? Вспомни, брат, свое прежнее рвение, от которого ты ныне совершенно отказался, когда Господь не понуждал тебя, а ты сам добровольно полагал Приснодеву и Матерь Божию посредницею и ходатаицею твоего спасения, и не сделался ли ты уже недостойным, чтобы Милосердая напутствовала тебя за твою неверность? Видно ты предпочитаешь лень любви Божией; но знаешь ли, сколько неизреченного милосердия излил на тебя Господь и, несмотря на твоё нерадение, как велика любовь Его к тебе!». Когда мой путеводитель говорил это, слова его трогали меня до глубины души и с сокрушенным сердцем я повторял: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня!». И искренняя молитва эта, чуждая посторонних мыслей и сосредоточившая весь мой ум, до того была исполнена любви Божией, отрадными чувствованиями и силою, что вмиг рассеяла происходившую во мне боязнь. Тогда путеводитель мой, снова обратясь ко мне, сказал: «Теперь ты сам видишь, что лучше пребывать в молитве, и если всегда желаешь находиться в таком состоянии духа и приобрести спасение, убегай пагубной лени и, мысленно полагая всю свою надежду на имя Иисуса Христа и Госпожи нашей Богородицы, старайся вести жизнь так, как жил прежде, в непрестанном преуспевании добрых дел, по заповедям Божиим. Помни и сохраняй также в точности и мое наставление, каждый раз, когда с тобою что-либо случится, исповедуйся чисто, и ни одной даже мысли не скрывай пред духовным отцом твоим». С этим мы начали идти по узкому ущелью и, взойдя выше, я увидел пред собою крест, который как бы указывал нам путь. Достигнув этого креста, путеводитель, а за ним и я остановились и, оградив себя трижды крестным знаменем, с молитвой: «Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресение Твое поем и славим», — снова продолжали путь, и после долгого времени перешли на другую сторону. Оттуда виднелось такое место, что страх и трепет объял бы того, кто бы его увидел,

потому что это был глубокий, как бездонная пропасть, овраг, такой ужасный и мрачный, что трудно было определить, как он длинен, широк и как непроходимо глубок. По другую сторону очень далеко виднелась высокая гора, касающаяся небес.

Вместо моста через эту пропасть положено было круглое бревно в четверть толщины, один конец которого примыкал к нашему пути, а другой — к концу противоположной горы; и переход этот тем более был страшен, что бревно при дуновении ветра колебалось над бездной, как лист на дереве. Когда же мы подошли поближе к этой пропасти и переходу, страх и трепет объяли меня снова, ибо я увидел, что мы должны будем переходить по лежавшему бревну, и сколько я ни смотрел во все стороны, нигде за исключением того бревна, не заметил ни одного места, которое бы давало возможность перейти через мрачную пропасть на другую сторону. Тогда путеводитель мой обратился ко мне с некоторым укором: «Снова ты, — сказал он, — нерадишь о молитве и опять ты находишься в страхе! Дай мне свою руку». Я подал ему правую руку и, таким образом, мы начали идти по страшной перекладине, которая после нескольких шагов так заколыхалась, как лист на дереве, и когда я поглядел по обе стороны пропасти, душа замерла от страха, — я не решался идти далее, и одно только присутствие путеводителя, державшего меня за руку, снова меня воодушевило, и так мы продолжали путь.

Остановившись через некоторое время, путеводитель велел мне с крестным знаменем призвать на помощь имя Госпожи нашей Богородицы и Приснодевы Марии. И, о чудо! Когда я исполнил, что мне сказал путеводитель, и повторял: «Пресвятая Богородица, помоги мне!» — такая смелость явилась во мне, что я совершенно был спокоен, несмотря на то, что перекладина подобно паутине сгибалась под нами. Благополучно достигнув конца, скоро мы подошли к подошве горы, где вожатый оставил мою руку, присовокупив, что мне нечего больше бояться. Но из любви, которую я питал к нему, мне не хотелось оставить его и я продолжал держать его за руку. Пройдя еще немного, мы начали взбираться на гору, вершины которой, сколько я ни смотрел, не было видно. Эта гора была очень обрывиста, однако когда мы остановились, я увидел, что все стороны горы покрыты масличными деревьями. Я изумился и недоумевал, откуда явилось здесь такое множество маслин!

Вскоре мы достигли, наконец, вершины и, продолжая путь, подошли к большим вратам, которые были отворены, где путеводитель, а за ним и я осенили себя прежде три раза крестным знаменем; а потом, минуя врата, вошли и внутрь. Перед нами снова открылось большое поле, обширное, как твердь небесная, и не видно было нигде пределов его, ни в ширину, ни в длину; а красоту и великолепие его невозможно даже и описать, потому что язык человеческий не в состоянии ни высказать, ни ум человеческий не может постигнуть того совершенства, которое было там; ибо поле это было усажено всевозможного рода отличными деревьями и украшено великолепными цветами, исполненными приятного благоухания. Солнце, которое светило там, не было как обыкновенное солнце, — но как бы было семь солнц, и так отраднее было это место, что умилилось сердце мое, и я желал там остаться. Но путеводитель сказал мне: «Отселе ты пройдешь еще другие места, гораздо восхитительнее этого, и напоследок увидишь Самого Царя».

С этой радостной вестью мы пошли через прекрасный вертоград, и я увидел издалека множество людей, одетых в иноческие одежды, — не черного, а багрового цвета, сияющего подобно солнцу: лица их сияли более солнца, а вид этих иноков и красота были непостижимы. Одни из них были молоды, а некоторые в годах; и когда мы подошли ближе, они радостно приняли нас и приветствовали моего путеводителя, говоря: «Радуйся, великомученик Георгий — возлюбленный Христа!». Путеводитель, со своей стороны, тоже приветствовал их: «Радуйтесь и вы, возлюбленные Христа преподобные!». После этого все они, называя меня по имени, весело обратились ко мне со словами: «Сын N. какая польза человеку, если он весь мир приобретет, а душу свою погубит! Все же сколько бы он ни жил, сколько ни исполнялись бы его желания и ни испытывал бы всех мирских наслаждений, — ударит час смерти, и вся жизнь его пройдет, как

сон. Тебе также покажется вся жизнь твоя одною тенью, если только воспрянешь ты от лености, и начнешь жить так благочестиво, как жил прежде и, угодивши Господу, удостоишься Небесного Царствия, и вечного с нами блаженства. Но если окончишь жизнь свою в нерадении, то знаешь ты, что ожидает ленивых и нераскаянных грешников. Сын! Не предпочитай мрачную бездну здешнему Царству; не прилепляйся к лености скорее, нежели к любви Иисуса Христа, Который все, что ты видел, устроил собственно для твоего спасения. Вспомни ты, из какой степени совершенства ты упал, сколько потерял и куда погрузился? Возвратись и припади к милосердию Божию; и мы не престанем молить Господа о твоем спасении». Сказав это, они снова обратились к моему путеводителю, говоря: «Георгий, возлюбленный Христа, возымей все попечение над этою душою и представь ее Царю, тем более, что ты имеешь к Нему большое дерзновение». После этого мы отделились от них и начали снова идти, но когда я услышал, что путеводитель мой был великомученик Георгий, тогда только я узнал его, и понял те слова, которые относились ко мне, когда в первый раз он изъявил готовность путеводить мною, и на вопрос: «Кто из нас будет ему вожатым?» — отвечал он: «Я, потому что он питает ко мне особенную любовь; и часто полагал меня посредником пред Богом и я ходатайствовал за него». Ибо, действительно, с самого детства я имел к великомученику Георгию особенное уважение пред другими святыми, и много раз просил ходатайства пред Богом в деле моего спасения. Таким образом, узнав в лице своего путеводителя святого великомученика Георгия, сперва я несколько убоился, а потом от избытка чувств и сердечного умиления, которые наполняли душу мою, — я обнял его, и лобызал долгое время. После того мы пошли далее: пройдя немного, увидел я издали небольшое число праведников, облаченных в иноческую одежду, такую же, какую я видел прежде на преподобных; они имели пред прочими значительную славу, и лица их сияли более солнца. Тогда я спросил у своего путеводителя, что это за люди, что облечены такою славой? Это нынешние иноки, — отвечал св. Георгий, — которые без руководителей и советов других собственно доброю волею соревновали благочестию прежних иноков и, окончивши жизнь свою в добрых делах, угодили Господу». Затем я снова спросил, каким же образом обрелись на земле такие избранные люди, когда в настоящее время совершенно оскудели в мире добрые дела? «Действительно, — отвечал путеводитель, — таковых людей ныне на земле очень мало; но кто в эти дни, по силам своим, сделает хотя малое добро, — угодит Богу и великим наречется в Царствии Небесном; ибо малое, без понуждений и наставлений других, примется Господом за большое. Брат, — продолжал путеводитель, — в настоящее время оскудели добрые дела: усилилась безнравственность, вкоренилась неправда, забыта любовь, потеряна верность и в устах людей иссякло слово Божие. Всюду торжествует обман и нечестие; вместо любви настала вражда; вместо милосердия — жестокость; вместо правды — неправда; умы наполнились худыми помышлениями и подобные поступки до того умножились, что все прилепились ко злу, и почти нет никого, кто бы жил благочестиво. Потому-то творящие ныне хотя мало добра угождают Богу».

Таким образом продолжая путь в разговорах, мы прошли еще немного на восток чудным этим вертоградом, когда перед нами появился высокий, обширный и великолепный чертог, стены которого трудно было сравнить с чем-либо: они, казалось, сделаны из чистого золота: а сияние, исходившее от них, освещало всю окрестность его. Слава и великолепие сего чертога непостижимы для человеческого ума. Тут я еще спросил путеводителя моего об этом превосходнейшем чертоге, на что он отвечал, что это чертог Царя, пред Которым мы предстать должны.

Вскоре подошли мы к высоким вратам сего чертога, которые были отворены. Тогда, оградив себя трижды крестным знаменем, мы вошли вратами на открытое место, откуда видна была вся горняя окрестность, коей пространство неизмеримо. Я приходил в крайнее изумление, смотря на такое благолепие, какого человеческое око никогда не видало. Здесь находилось безчисленное

множество Святых, осененных большою славою. Тут путеводитель взял меня за правую руку, и мы прошли еще врата, — на восток, которые искусно были устроены из драгоценных камней. На правой стороне врат был образ: изображение Спасителя, сидящего на Престоле; а на левой — Божией Матери. Войдя во врата, я увидел опять множество людей, держащих в руках кресты и ветви и одетых в одинаковые иноческие ризы — багровые и блестящие, как молния; лица их были неописанной красоты. Наше появление они встретили с большою радостью, и сладко приветствовали меня, говоря: «Брат, долго ли мы будем дожидаться тебя, и почему ты сам не стараешься об этом?». Потом, обратясь к путеводителю моему, сказали: «Георгий! Ты взял его на свои поруки, когда ж приведешь его к нам?» — «Когда будет на то воля Божия», — отвечал им Георгий. Они, взяв меня за руки, ласкали и утешали. Тут св. Георгий подошел к образу Пресвятой Богородицы и стал умиленно петь: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу...» По окончании тропаря, мы трижды перекрестились, поклонившись иконе Божией Матери. Тогда св. Георгий взял меня за руку и сказал: «Все, что ты видишь теперь, сделано для того, чтобы ты не сомневался в виденном и слышанном тобою, и не подумал бы, что это прелесть и наваждение врага».

Тогда все блаженные отошли от нас, а я с путеводителем моим остался у врат, которые вдруг сами собою отворились, и послышался голос: «Велика Твоя милость, Господи, к сынам человеческим!». Стоя у врат, я приходил в восхищение от всего виденного и слышанного мною. Когда открылись врата, я увидел великую церковь, наполненную несказанным светом. Посреди церкви стоял высокий великолепный Престол, на котором восседал Царь славы, окруженный многочисленным ликом Святых: иеромонахи и монахи стояли в белых ризах, другие — как воинство вооруженное: Лик Царя был подобен лику Спасителя, изображенному на иконе у врат, через которые проходили мы; видом молод и неописанной красоты; облаченный в архиерейские ризы, а на главе венец из драгоценных камней. Красоты, величия и славы Царя — невозможно ни описать, ни высказать языком человеческим. Светом, исходящим от лица Царя, освещался весь храм, и лик праведников как бы был слит одним сиянием с Царем. Если бы можно было собрать в одно место тысячу тысяч и миллион миллионов солнц, то и тогда не было бы такого сияния, каким сияло лицо Царя.

Между тем как я стоял у врат церковных и созерцал несозерцаемое, путеводитель мой вошел в церковь, чтоб поклониться Царю, а я оставался на месте. Св. Георгий, воротившись назад, сказал мне: «Что же стоишь? Пойдем вместе со мною и поклонимся Владыке», — и только что я вознамерился войти в церковь, вдруг слышу глас Царя: «Георгий, оставь его у дверей; ибо он недостойн войти во внутрь храма, не имея брачной одежды». Голос этот привел меня в некоторый страх; но потом я совершенно успокоился, потому что любовь, наполнившая мою душу, не давала места страху. Оставив меня у дверей, св. Георгий сам вступил в церковь, где лик святых с честью встретил его, как бы одного из вельмож Царя, и Сам Царь славы, когда Георгий подошел к Нему, встал со Своего Престола и с радостью целовал его в лицо.

Тогда путеводитель мой трижды поклонился Царю и лобызал ноги Его и, наконец, со смирением сказал: «Господи! Ради Крови, которую Ты пролил на кресте за грешников, прости его и наставь на путь спасения. Велико Твое милосердие, Владыко, и безмерны Твои благодеяния!» — «Георгий, — отвечал ему Господь, — тебе известно Мое благоволение, коим удостоил Я его сначала, показав ему тайники сокровенные любви Моей, несмотря на то, что другие подвизались более его, и не сподобились этого. Но так как он остался нерадив и предпочел прелесть мира, паче Меня, то и не достоин благодати Моей». Тогда св. Георгий начал умолять Владыку: «Господи, умоляю Тебя, прости его, и яви на нем к прославлению имени Своего благодать и милосердие Твое, если он и недостойн сего. Ты видишь его доброе намерение, и не оставь его!..», — и долго умолял он Господа о помиловании меня. «Георгий, возлюбленный Мой! — отвечал ему Господь, — вижу Я упадок мира: заповеди Мои не исполняются; вместо слова

Моего настало нечестие; вместо любви — ненависть, вражда; вместо правды — неправда. Оскудела верность, отвергнуто смирение, а распространились ложь, обман, гордость. Вместо целомудрия — блуд, прелюбодеяние; и сие творят не только миряне, мужья и жены, но даже иереи и иноки. Осодомилась земля и люди вторично распинают Меня, но Я все терплю с кротостию — без гнева, ожидая их покаяния...»

Св. Георгий опять припал к стопам Владыки и умолял: «Господи! Вспомни о крови, которую я пролил из любви к Тебе, и умоляю Тебя, Владыко, даруй мне эту душу, прости ее и удостой чаши, которой он желает!» — «Георгий, — сказал ему Владыка, — да будет исполнено твое прошение». Вдруг в левой руке у Владыки появилась чаша золотая, наполненная питием наподобие вина, которую Он благословил правой рукой и, подавая ее св. Георгию, сказал: «Эту чашу любви Моей подай испить ему». Приняв чашу от Владыки, св. Георгий поднес ее ко мне, и я, трижды перекрестясь, всю выпил. Питие это было так сладко, что ни с чем земным нельзя было сравнить его; тотчас душа и сердце¹ мое вспыхнуло как пламень огненный любовью к Богу. Когда св. Георгий возвратил чашу Владыке и снова предстоял Царю славы, я не в силах уже был оставаться на своем месте, и с дерзновением вошел в храм, подошел к Царю славы и, упав к ногам Его, с умилением лобызал их, и душа моя так уязвилась любовью к Богу, что я не мог уже подняться на ноги. Тогда я услышал голос к моему путеводителю: «Георгий! Возьми его и идите; пусть он совершенно очистит себя, чтобы мог достигнуть любви Моей, которую он потерял, и пусть готовится принять чашу, которую посещу Я его». Вслед за сим путеводитель мой поднял меня за правую руку и вместе, кланяясь в ноги Царю славы, положив три поклона, мы вышли из храма, и врата сами собою затворились.

На обратном пути нас опять встретили святые, прежде виденные нами, и говорили мне: «Брат, постарайся, мы тебя будем ожидать». Я начал было просить у своего путеводителя, св. Георгия, остаться здесь и не возвращаться уже на землю. «По воле Божией, — отвечал он мне, — ты должен возвратиться на землю для того, чтобы добрыми делами — исполнением заповедей Божиих — ты очистился, как золото в горниле». Оградив себя троекратным знаменем, мы пошли назад из роскошного веселого вертограда, где опять нашли небольшое собрание монашествующих, которые встретили нас с радостью. Шедши оттуда, мы взошли на высокую гору, где, немного остановившись, я любовался веселым местоположением горы, усаженной со всех сторон масличными деревьями. Когда мы сошли с этой горы, мне опять открылась эта страшная пропасть, через которую мы проходили уже. Сошедши с горы, путеводитель мой взял меня за руку, и мы снова без всякой уже боязни с моей стороны вступили на перекладину и пошли по ней. На самой середине св. Георгий остановился, и, обратясь ко мне, сказал: «Любезнейший брат! Постарайся о Небесном Царствии и страшись потерять его. Ты видел милосердие Божие над тобою? Смотри же, не будь неблагодарным к Спасителю своему, показавшему тебе незримое. Старайся приобрести любовь Его, и приготовляйся испить чашу, посланную тебе по воле Владыки нашего: тогда благодать Божия, и заступление Царицы Небесной всегда будут с тобою, и я не оставлю тебя». За сим, перекрестив меня три раза, произнес: «Пресвятая Богородица, помоги рабу Твоему», — и сделался невидим, а я остался над самой бездной ада преисподнего.

'Вдруг послышались страшный гром и шум из пропасти, и дикий крик: «Теперь он остался один! Пойдем и свергнем его в пропасть! Пойдем же скорее, пока не пришел Георгий!». А бревно, лежавшее перекладиною через пропасть, колыхалось как лист на дереве. Тогда, посмотрев по обе стороны бездны, я подумал: «Господи! Кто в состоянии оказать здесь помощь человеку!». Вдруг я услышал голос, подобно грому: «Одни добрые дела и милость Пресвятой Богородицы!». Тут гром, и шум, и страшные голоса из пропасти, и скрежет зубов утихли, и я пришел в себя».

Вот отрадное и утешительное повествование старца-молдаванина о своем вразумительном и

вместе утешительном видении.

Действительно, многие из христиан — монахов и мирян, принося свои молитвы ко Господу Богу, молятся и к Божией Матери и ко святым небожителям, избирая из них, по некоторым случаям или побуждениям сердца, одни — одних угодников Божиих, а другие — других. Также и в молитвах ко Господу Богу представляют в помощь пред Ним, во-первых, Божию Матерь, потом — безплотные силы, своего Ангела-хранителя, святого, имя коего носят, и некоторых святых поименно, и всех вообще. Богомудрый отец наш, преподобный Феогност, говорит: «Хочешь ли, я покажу тебе и другой путь ко спасению, или лучше, к безстрастию. Докучай Создателю своему, сколько силы есть, молитвами, чтоб не уклониться от предлежащей цели твоей, ходатаями пред Ним всегда предлагая все небесные силы и всех святых, и со Пресвятою Богородицею».

Знаменательные явления (РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА И. ШИРОВА)

В одной из замоскворецких церквей в 1871 году умер отец диакон И. Ш., родной брат мой, от свирепствовавшей тогда холеры, в несколько часов уложившей его в гроб, несмотря на молодые годы и крепкие силы. Насколько я любил его, настолько горестна была для меня потеря его. От скорби вдался я в тоску, которая оставляла меня только во время сна и молитвы. А молился я за душу его от всей души, движимый к тому как любовью к покойному, так еще сознанием неполноты предсмертной его исповеди, которая была приносима им в состоянии мучительных холерных корчей. Вскоре по смерти он явился мне во сне как живой. В полном сознании переселения его в другой мир, я начал разговор о мытарствах:

— Ты, вероятно, проходишь теперь мытарства, — спрашиваю его.

— Да, — ответил он.

— Скажи, как ты проходишь?

— Очень трудно, — сказал он, — и вот почему: у диаволов, оказывается, все записано, кто в чем согрешил, даже мысли, какие иногда невольно возбуждались в душе и пробегали с быстротой молнии, на которые мы не обращали внимания, забывая их и не каюсь в них, и эти невольные и мимолетные грехи изобличаются на мытарствах и самими душами тогда вспоминаются и сознаются, как действительно бывшие.

При этом он вынул из-под полы рясы таблицу, как бы картонную, размером несколько больше четвертки почтовой бумаги, которая с одной стороны вся была исписана грехами так мелко и часто, как будто насеяна черным маком.

— И вот, — сказал он, — таких таблиц было за мною двадцать пять, из коих семь я загладил предсмертною исповедию, а восемнадцать осталось за мною.

Затем я спросил его, пускают ли умерших на землю для свидания?

— Да, пускают, — ответил он.

— Так приходи ко мне почаще, — сказал я ему, — но он мгновенно исчез. После сего видения я усилил молитву за него, но в течение десяти лет он ни разу не являлся мне.

Когда Господь сподобил меня благодати священства, то я, пользуясь ближайшим предстательством у Престола Божия, чем в саке диакона, еще усерднее стал молиться о упокоении души любимого брата, и вот на пятом году моего священства он является, но не мне, а одной моей прихожанке К. М., которая отличалась благочестивою жизнью и особенно усердными молитвами за усопших. Раз поутру, неожиданно, просит она меня, через нарочного, прийти к ней по важному делу.

Она спрашивает, был ли у меня брат, в духовном сане умерший? «Был диакон», — ответил я. И начала она описывать его с такою ясностью, как будто она видела живого, и затем рассказала следующее: «В нынешнюю ночь он явился мне и говорит:

-
- Скажите моему брату, что пять таблиц еще заглажено.
— Кто ваш брат?
— Здешний священник.
— О каких таблицах вы говорите?
— Он уж знает это, только скажите непременно.
— А что же вы не явились ему?
— Я явлюсь ему, когда все таблицы будут заглажены, — ответил он и исчез.

Вот зачем я послала за вами, — сказала благочестивая прихожанка, — чтобы узнать тайну сновидения».

Я рассказал ей о явлении мне покойного брата на первых порах после смерти его и о таблицах, и тут-то сознал, что то явление его мне было не простое, каким я считал его прежде, а знаменательное, и стал ждать исполнения обещанного им. На пятом году моего ожидания я получил известие о вторичном явлении его прихожанке моей, через которую он просил меня особенно помолиться за него в Великий Четверток: «Так нужно по грехам моим», — сказал он, что, конечно, я и исполнил с возможным усердием, и каждый год в тот Великий День, когда установлена Господом Безкровная Жертва о гресех, напоминает мне просьбу его, которую всегда считаю для себя святым заветом.

После сего на восьмом, следовательно, на тридцатом году (Замечательно, что число лет молитвы совпадает с числом таблиц неизглаженных от грехов) моего ожидания личного явления мне брата, наконец он является мне во сне, как обещал, чтобы известить меня о своей свободе от грехов. Это явление было очень коротко. Сижу я будто за письменным столом, вдруг входит из соседней комнаты покойный брат в рясе, как живой, и, идя мимо меня позади стула, говорит явственно: «Теперь я свободен», — и становится невидим. Этот строго последовательный ряд явлений покойного не служит ли очевидным признаком существующей связи между загробным миром и земным? Самые явления очевидно знаменательного характера не служат ли голосом с того света, который да послужит земным жителям убедительным доказательством, что души наши не прекращают бытия своего, но переходят в другой мир, духовный, где ожидают их мытарства с обличениями на них самых мельчайших грехов и нечистых мыслей, даже мимолетных, и что молитвы, возносимые за умерших, содействуют прощению грехов их и освобождению от страданий, особенно если молитвы приносятся при Безкровной Жертве («Душеполезное чтение. 1898).

Молитва за усопших приятна им

«В годовой день по кончине своей родной матери я присутствовал на богослужении в одной из Стародубских церквей, причем немалочисленным почитателям почившей, собравшимся в храме помолиться за усопшую, сказал вылившееся от сыновнего чувства слово, в котором, как умел, раскрыл перед слушателями необходимость молитв за умерших. О слове этом вспомнили на поминальном обеде, собравшиеся утешить старика отца моего близкие знакомые. «Да, батюшка, — обратился ко мне один из присутствовавших, получивший высшее богословское образование и занимавший ответственный пост руководителя юношества, — я сам на себе испытал силу молитв за Усопших родных и глубоко верю в то, что искренняя молитва угодна Богу и приятна умершим. Когда я был на службе в Киеве, имел одного знакомого монаха Киево-Печерской лавры. Вечером одного дня, когда он был у меня, я просил его помолиться за присных мне усопших. И что же? В ночном видении являются ко мне родители мои и приносят мне благодарность поклоном*.

Как потом узнал рассказчик, сонное видение ему было в то время, когда служитель Божий исполнил просьбу изъятием частиц на св. проскомидии в одной из церквей Киево-Печерской лавры» (Свящ Н. Г. Б-ский, «Кормчий», 1891).

Явление из загробного мира

В наше время, полное безверия и сомнений, когда врываются во «святая святых» человека, в его душу, — для того, чтобы произвести полный разлад, чтобы отнять веру в безпредельное и разумное бытие, веру в то, чем он поддерживает земную скорбную жизнь, — весьма было бы полезно и душеспасительно делиться достоверными фактами из жизни своей, родственников и знакомых, относительно чудотворений, исцелений и необычайных явлений душ из иного мира. Но, к сожалению, все это остается сокрытым, частью из-за ложного стыда, частью из ревнивого оберегания чудесных событий *от посторонних* взоров; между тем правдивые рассказы о чудесных исцелениях к о необычайных явлениях могли бы расширить нравственно-религиозный кругозор христианина и укрепить его в вере в недремлющий Промысл Божий. С большим вниманием и живейшим интересом прочитал я (лет пять-шесть назад) несколько объемистых томов сочинения иеромонаха Митрофана о том, как живут за гробом наши умершие, и признаюсь, мало нашел в этом сочинении того материала, который искал. Правда, здесь масса научного кропотливого труда и доказательств в бытие, начиная чуть не со дня создания мира и доселе, тут последовательно, шаг за шагом, разобрано религиозное и культурное развитие человечества, при чем доказывается, что почти не было на свете людей, на каких бы степенях развития они ни стояли, которые бы не имели никакого представления о высочайшем всемогущем существе — Боге и о продолжении жизни за гробом; здесь немало богословских и философских рассуждений, но очень немного достоверных исторических фактов о явлении душ из загробного мира. Единичные случаи явления душ во Франции, Италии и еще кое-где... тем и кончается перечень событий. Может ли этот животрепещущий материал исчерпаться пятью-десятью фактами? Конечно, нет! Их тысячи во Св. Евангелии, Апостоле, Прологах, Четьих-Минеях, истории, периодической печати, в преданиях и сказаниях по городам и деревням, — но они или забыты или сокрыты под спудом.

Первые века христианства во всем блеске и величии доказывают целым рядом разительных фактов бытие Божие и бессмертие души человеческой; средние — делают шаг назад, христианство перемешивают с язычеством, вместо истинной веры вселяется в людей суеверие, и в широких размерах практикуется колдовство, процветают разные демонические науки.

В наше время в ходу модное суеверие: гипнотизм, столоверчение и спиритизм, в связи с вызыванием медиумами душ умерших, по желанию, во всякое время и почему-то только при сумрачном освещении и безусловной тишине. Но, по учению наших богословов, под видом душ умерших являются злые духи в образе того или иного лица. Ныне интересуются буддизмом, и целью жизни ставят погружение в нирвану (в бессмысленную спячку, в которой нет ни жизни, ни смерти). Теперь более, чем когда-либо, надлежит поделиться назидательными рассказами из сверхъестественного ми-ра, а также сообщениями о чудотворениях, не ставших До настоящего времени достоянием печати. Посему передам давно слышанный мною чистосердечный рассказ одного почтенного вдового иерея, родом сибиряка.

Свое повествование он начал так: «Овдовел я сравнительно молодым. Долго тосковал по своей супруге, но чтобы не предаваться отчаянию, пьянству, а с ним и дру-гим греховным порокам, я поставил для себя правилом возможно чаще совершать Божественную Литургию и за оной поминать дорогую покойницу. Это постоянное трезвение давало мне относительный покой, однако ж, при всем том я никак не мог удерживаться от посещения могилы, где была погребена моя жена. Здесь, вдали от жилья и шума людского, я давал полную волю своим слезам и нередко роптал на судьбу, спрашивая: кому и зачем понадобилась так скоро смерть жены?.. В одно из таких посещений места упокоения матушки со мною случилось нечто необыкновенное, и это нечто отвадило меня от частых прогулок на могилу, над которой чуть не ежедневно я проливал потоки горьких слез. Произошло следующее. Когда я был всецело поглощен мыслью о тяжелой

утрате своей супруги, вдруг явственно, при лунном свете, я заметил силуэт женщины, спускающейся по склону горы к месту моего нахождения; она была одета в «дипломат» и в платье точь-в-точь, как у моей жены. Я был заинтересован и стал вглядываться пристальнее в движущийся предмет, чтобы узнать, кто бы это такая могла быть в столь поздний час и в таком пустынном месте. Но вот силуэт стал обрисовываться яснее и яснее и о, радость!.. Я узнал в приближающейся женщине свою жену, ее походку, — она так же, как и при жизни, осторожно спускалась ниже, по направлению ко мне, придерживая левой рукой платье. Наконец, она подошла вплотную ко мне. У меня от радости закружилась голова — я забыл, что предо мною покойница, и собрался было, в чаду забвения, говорить с женою и корить ее за долгую отлучку, но... вовремя опомнился и овладел собою: радость моментально сменилась ужасом, я чувствовал, как у меня волосы на голове подымаются дыбом, мне стало понятно, что предо мной стоит духовным своим существом моя матушка, и именно «она», а не воображение расстроенного мозга, не призрак, созданный мною, — нет, это — моя супруга, которую вот тут похоронили. Однако, она продолжала стоять предо мною и так внушительно, укоризненно строго, молча, смотрела на меня ясными очами, точно хотела проникнуть в мою душу. По мне пошел холод, колени мои дрожали, я близок был к обмороку. Собрав, наконец, все присутствие духа, я сделал по направлению к жене крестное знамение и — видение исчезло, как бы испарилось. С тех пор я более молился, менее плакал и тосковал, приняв ее укоризненный взгляд за запрещение нарушать ее мирный могильный покой своими сетованиями, ни к чему не ведущими, кроме лишь расстройства собственного здоровья» («Тобольские епархиальные ведомости», 1906),

Наказание Божие за сквернословие (РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА ПОРФИРИЯ АМФИТЕАТРОВА)

«На первых порах своей сельской пастырской службы я усмотрел, что мои прихожане, помимо многих других нравственных недостатков, особенно заражены были привычкой к сквернословью. И старые и малые, без малейшего зазрения совести, сквернословили постоянно и в своих домах и на улицах. Немедленно начав борьбу с разного рода пороками своих пасомых, я особенно ополчился против их сквернословия. И в храме, и в школе, и в жилищах прихожан, и на уличных собраниях их обличал и бичевал я этот порок. Благие результаты борьбы сказались: сквернословие сперва перестало оглашать улицы, а потом стало и совсем исчезать. Но вот 2 ноября минувшего года, гуляя по своему садику, я был неприятно изумлен и возмущен ужасной «матерщиной», разразившейся на проезжей дороге, пролегающей между огородами и полями. Я увидел парня, лет шестнадцати, Василия Матвеева Лаврова, который, избивая палкой ни в чем неповинных волов, осыпал их отборной бранью. На мои обличения парень говорил в свое оправдание, что его раздражали волы, медленно тащившие бочку с бардой, и что он рад бы не сквернословить, да не может сладить с собой. Объяснив гнусность и греховность сквернословия, я внушал парню немедленно и навсегда оставить свою дурную привычку. Парень на мои увещевания должного внимания не обратил и в тот же день подвергся грозному наказанию Божию.

Направляясь с бардой вторично из винокуренного завода в барскую усадьбу, он вновь начал осыпать волов ударами и сквернословием. Как вдруг раздался оглушительный треск, бочка мгновенно лопнула, и кипящая барда обдала парня с головы до ног. Страдания и стоны его были услышаны. Немедленно отправлен был он в больницу, где пролежал около трех месяцев. По выходе его из больницы я беседовал с ним по поводу постигшего его несчастья, которое он сам всецело приписывает праведной каре Божией за грех сквернословия» («Жормчий», 1905).

Предсмертные видения грешных

Иногда души, еще находясь в теле, терпят некоторое мучение от демонов, что, впрочем,

бывает с одними для их собственного вразумления, а с другими для вразумления слышащих.

«Был отрок, — пишет св. Григорий Двоеслов, — по имени Феодор. Отрок очень беспокойный, который поступил в мой монастырь не столько по желанию, сколько по нужде. Неудивительно, что для него было тяжело, когда кто-нибудь говорил ему о спасении; он не мог не только делать, но даже слышать доброго. Обманывая, предаваясь гневу, ругаясь, он показывал, что никогда не изучит святой жизни. Во время заразы, которая недавно погубила великую часть нашего города, он, будучи поражен в бедро, приближался к смерти. Когда он был уже при последнем издыхании, собрались братия, чтобы помолиться об исходе души его. Уже тело его в конечных частях своих омертвело, в одной только груди еще оставалась жизненная теплота. Но братия тем прилежнее начала о нем молиться, что видели его быстро приближающимся к смерти. Вдруг он начал взывать к предстоящим братиям, и своими великими воплями даже прерывал их молитвы: «Отступите, — кричал он, — отступите! Я отдан змию на пожрание, и по причине вашего присутствия он пожрать меня не может. Вот он проглотил голову мою своею пастью, оставьте, чтобы он более меня не мучил; пусть делает, что хочет. Если я отдан ему на пожрание, то для чего ради вас это замедляется?». Тогда братия обратилась к нему со следующими словами: «Что это ты говоришь, брат? Сотвори на себе знамение святого креста». — «Хочу перекреститься, — отвечал он, — но не могу: чешуя этого змея гнетет меня». Когда услышали это братия, то, повергшись на землю, начали еще сильнее и со слезами молиться об избавлении его. И вот опять больной начал вопить: «Благодарение Богу! — воскликнул он. — Змий, начавший меня пожирать, бежал; он не мог устоять, прогоняемый вашими молитвами. Теперь помолитесь о грехах моих, ибо я готов обратиться, и решил оставить мирское житие».

И этот человек, почти, как уже сказано, умерший, возвратился к жизни и всем сердцем обратился к Богу. Изменившись в душе, он долго еще страдал от ран и, наконец, душа его отрешилась от плоти.

Был некто Хризорий, — продолжает св. отец, — муж очень известный в этом мире, но столько же порочный, как и богатый, надменный гордостью, преданный наслаждениям плоти своей, в приобретении богатств разжигаемый огнем корыстолюбия. Но так как такому злу Господь благоволил положить конец, то попустил этому человеку впасть в телесную болезнь. Когда он приближался к смерти, то в тот самый час, в который душа его уже готова была выйти из тела, вдруг он видит открытыми глазами страшные лица, зрит мрачных духов, пред ним стоящих и силящихся увлечь его в адские затворы. Он начинает трепетать, бледнеть, обливается потом, громкими воплями испрашивая отсрочки; сильным и страшным голосом начинает звать своего сына, по имени Максим (которого я после видел уже монахом): «Максим, — взывал он, — иди скорее! Я никогда не делал тебе зла; поддержи меня твоею молитвою!». Пришел смущенный Максим, собралось и семейство, плача и стеноя. Но тех, присутствие которых так страшно тревожило его, т.е. злых духов, они сами не могли видеть. Присутствие же их они заметили по его смущению, бледности, трепету. Страшась мрачного их образа, он оборачивался на своей постели то на ту, то на другую сторону; лежал на левом боку, но, не имея возможности переносить их вида, оборачивался к стене, но и там они представлялись ему. Когда же после сильных напряжений он отчаялся в возможности освободиться от них, то начал взывать громко: «Отсрочьте хотя до утра! Отсрочьте хотя до утра!». И с этими восклицаниями отрешился от уз телесных.

Ясно, что он это видел не ради себя, но ради нас, дабы его видение принесло пользу нам, обращения которых еще милостиво ждет долготерпение Божие» (Из творения св. Григория Двоеслова «Собеседования о жизни италийских отцов и о безмерти души», кн. 4, гл. 38).

Поучительное видение (РАССКАЗ ИЕРОМОНАХА ДИОНИСИЯ)

Когда я был на Новом Афоне (на Кавказе), мне пришлось исповедывать одного мещанина, А. П. Писаревско-го. В беседе со мною после исповеди, он рассказал мне замечательный случай, бывший с ним, и уполномочил меня объявить о нем во всеобщее сведение к пользе единовѣрных собратий. «Однажды, — говорил он, — ехал я на паре лошадей, в повозке, с кладью пудов пятидесяти, и заснул. Лошади, спускаясь под гору рысью, опрокинули повозку, которая всей тяжестью придавила меня. К счастью, случилось это в селении. Четверо человек с трудом высвободили меня из-под тяжести и, так как я был без сознания, то стали обливать меня холодною водою, чтобы привести в чувство.

Когда я был без чувств, я увидел двух страшных эфиопов, приблизившихся ко мне и говоривших: «Эта душа наша, потому что она умерла без покаяния». К великому утешению своему я увидел в другой стороне двух Ангелов в белом одеянии, которые сказали эфиопам: «Какое вы имеет право говорить, что душа ваша?» — и начали спорить с ними. Эфиопы представляли Ангелам все грехи, мною содеянные от юности и до настоящего дня, даже забытые мною грехи вспомняли и особенно сильно осуждали меня за сквернословие. Все, что говорили они, была сущая правда. Ангелы в защиту меня представляли мои добрые дела, но эфиопы переспорили. Я ощущал страх и ужас, все думал: вот сейчас свергнут меня в бездну ада. Тогда сказал Ангел: «Вот какое доброе дело сделал этот человек — однажды ночью он привез хлеба, крупы и муки одному бедному семейству и подал все это в окно тайно, говоря в себе: «Приимите, Господа ради», — а сам поспешно скрылся. Это семейство до сих пор молит Бога о нем. Милостыня бедным и молитва их спасли и оправдали меня. Эфиопы только сказали на это: «Если он останется жить, еще более согрешит». — «Не ваше дело, — отвечали Ангелы, — касаться этого. Если согрешит, то и покается», — и отогнали эфиопов. Более этого ничего я не видал и не слышал: я пришел в сознание».

Видение это, глубоко запечатлевшееся в душе Писаревского, всякий раз, как он впадает в какой-либо грех, возбуждает в нем сердечное раскаяние и он старается загладить его исповедью, молитвой и милостыней.

Ожившие покойницы

Иногда как бы для опытного удостоверения грешника в том, что ожидает его по смерти, Господь Бог переносит на время душу его в другой мир посредством обмороков и, поднимая завесу, скрывающую от нас состояние душ умерших братии наших, показывает грешнику, какие страшные истязания и муки ожидают его за гробом.

Исихий Хоревит («Пролог», 3 октября), живя среди пустынников, долго и упорно скрывал под одеждою иноческою сластолюбивое сердце. Ни увещания братии, ни пример их строгой жизни не действовали на лицемера: от первых он ограждался личиною добродетели, тщательно утаивая свои слабости; к последнему одевшееся сердце было совершенно равнодушно. Благодать Божия проникла однако же и сквозь эту кору лицемерия: после часового обморока во время болезни Исихий провел двенадцать лет в затворе в самых строгих подвигах покаяния («Уроки и примеры христианской веры», свящ. Григорий Дьяченко).

Подобных примеров много рассказывается в нашем народе. Вот два таких примера, заимствованных нами из рукописей, сохраняющихся в русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне.

I

В городе Рославле Смоленской губернии жила бедная дворянка Окнова, которая имела тут собственный дом. После долгой болезни она умерла; ее, по обыкновению, обмыли и положили в гроб, а на третий день собравшиеся священники готовились уже выносить тело ее из дома в церковь, как, к общему изумлению, она поднялась из гроба и села: все пришли в ужас, и когда удостоверились, что она жива, извлекли ее из гроба и положили опять в постель. Болезнь ее

после оживления не прошла. Ожившая жила еще несколько лет.

Я, будучи в Рославле в 1836 году, слышал от всех об этом необыкновенном событии, ходил к ней в дом и нашел ее при первом знакомстве уже разбитую параличом; она рассказывала мне следующее:

«Когда я умирала, то видела себя вознесенною вверх по воздуху и была представлена на какое-то страшное судилище, должно полагать, мытарство, где стояла пред какими-то мужами весьма грозного вида, пред которыми была развернута большая книга; судили они меня очень долго: в это время находилась я в несказанном ужасе, так что, когда теперь я об этом вспоминаю, прихожу в трепет; тут представляли многие дела мои, от юности сделанные, даже те, о которых я совершенно забыла и в грех не ставила. По милости Божией, однако, казалось мне, я прощена была во многом и уже надеялась быть оправданною, как один грозный муж строго начал требовать от меня ответа, почему я слабо воспитала сына своего, так что он впал в разврат и гибнет от своего поведения. Я со слезами и трепетом оправдывалась, представляя ослушания сына и что он развратился, будучи уже в совершеннолетии. Долго очень длился суд за сына, тогда не внимали ни просьбам, ни воплям моим; наконец, грозный оный муж, обратясь к другому, сказал: отпустите ее, чтобы она принесла покаяние и оплакала, как следует, грехи. Тогда один из Ангелов взял, толкнул меня и Я почувствовала, как будто опускаюсь вниз, и, ожив, увидела себя лежащую во гробе; около меня зажженные свечи горят и священники в облачении поют.

Не столько строго я за прочие грехи судилась, — говорила она, — как за сына, и это истязание невыразимо было».

Рассказывала Окнова, что сын ее совершенно развратился, не живет с нею, и нет возможности и надежды исправить его.

II

Одна благочестивая женщина, проводя всегда дни свои в молитве и посте, имела большую веру к Пресвятой Владычице нашей Богородице и всегда умоляла Ее о покровительстве. Эта женщина всегда терзалась совестью о каком-то содеянном ею в молодости грехе, который по ложной стыдливости не хотела открыть духовнику своему, но, объявляя о нем, туманно выражалась такими словами: «Раскаиваюсь и в тех грехах, которые или не объявила, или не запомнила». Наедине же, в тайной молитве своей, ежедневно каялась в оном грехе Богоматери, всегда умоляла Владычицу, чтобы Она на суде Христовом ходатайствовала за нее о прощении греха. Таким образом, дожив до глубокой старости, умирает она; когда на третий день готовились предать тело ее земле, вдруг воскресла умершая и говорит испугавшейся и изумленной дочери своей: «Подойди ко мне поближе, не бойся; позови духовника моего».

Когда пришел священник, то она при всем собрании народа сказала: «Не ужасайтесь меня. Милосердием Божиим и ходатайством Пречистой Его Матери возвращена душа моя для покаяния. Едва разлучилась душа моя с телом, как в ту же минуту темные духи окружили ее и готовились совлечь ее в ад, говоря, что она достойна этого за то, что по ложной стыдливости не открывала тайного греха своего, в юности ею сделанного. В столь лютую минуту предстала скорая Помощница Пресвятая Владычица наша и как утренняя звезда или как молния мгновенно разогнала тьму злых духов и, приказав мне исповедать грех мой пред духовным отцом, повелела душе моей возвратиться в тело. Итак, теперь как пред тобою, отец святой, так и пред всеми исповедую грех мой: хотя я в продолжение жизни и была благочестива, но грех, который лежал на совести моей, и который я от малодушия стыдилась исповедывать духовным отцам, низвел бы меня во ад, если бы не заступилась за меня Мать Божия». Сказав это, она исповедала грех свой, и потом, приклонив голову свою на плечо дочери, перенеслась в вечную и блаженную жизнь.

Обличение из загробного мира

По греховной немощи людей втайне творятся ими не столько добрые дела, сколько злые, преступные, ибо *всякий делающий злое, не идет к свету, чтобы не обличи-лись дела его*. Но все, сделанное втайне, хотя бы и самой глубокой, сокровенной, непременно должно открыться, если не в сей временной жизни, то в будущей, вечной. О чем уверяет нас слово Самого Господа Иисуса Христа: *несть бо тайно, еже не явится* (Мк. 4, 22).

Предлагаемый рассказ об истинном происшествии, пополняет собою множество примеров, свидетельствующих о том, что слова Божий *не прейдут* (Мф. 24, 35).

В городе Баку, в составе морских команд, находился рядовой Петр Федорович Лебедев, поступивший на службу из мещан города Красного Яра, Астраханской губернии. Он был женат, жену его звали Олимпиада Петровна. Детей у них было много, но все они умирали в младенчестве; в живых был один только пятилетний сын Павел, когда в 1858 году у них родился еще сын, названный Гавриилом. Новорожденный был так слаб, что родители его опасались, как бы он не умер некрещеным и потому решили немедленно его крестить. Вскоре нашлись и восприемники: писарь флотского экипажа П. И. Иванов и жена рядового их сослуживца, по фамилии тоже Иванова, Настасья Петровна. Приготовив, что было нужно, восприемники, а с ними и бабка с младенцем, семидесятилетняя старуха, отправились крестить его.

Опасения родителей младенца действительно оправдались: вскоре после того, как кум с кумой и бабушкой возвратились, стали замечать, что младенец делается все слабее и слабее и, спустя не более двух часов, скончался.

Крестины сменились приготовлениями к похоронам. Жалко было родителям умершего своего сына, но они имели утешение в том, что Бог дал вовремя совершить над ним святое Таинство Крещения, «привести в христианскую веру». Так как родная мать, не оправившись от родов, лежала в постели, то приготовлением к похоронам занялась крестная мать: шила, что нужно было, одевала и убирала своего умершего крестника. Бывшие при этом знакомые Лебедевых заметили, что крестная мать усопшего была все время в веселом расположении и часто улыбалась «некстати». При другой обстановке веселое настроение кумы, конечно, не могло бы обратить на себя внимания; но в данное время оно вовсе не соответствовало печальному событию и явно выражать его действительно было «некстати» и неприлично. Неуместную веселость кумы приписывали тогда ничему иному, как влиянию лишней рюмки, выпитой при поздравлениях «с новорожденным сыном». Но из последующего видно будет, что причина тому была другая.

Младенца похоронили, помянули, и затем обыденная жизнь вошла в свою обычную колею.

Прошло восемь лет... В 1866 г. жена Лебедева — Олимпиада Петровна сильно заболела лихорадкой и была отправлена для лечения в местный военный лазарет. Однажды вечером заметили, что больной сделалось хуже и что она умирает. Послали за мужем, а он за Ириной Петровной Б-вой, женою их сослуживца, с которою больная была в более дружеских отношениях, нежели с другими, и часто называла ее сестрой.

Пришли. Видя, что Олимпиада Петровна лежит неподвижно с закрытыми глазами, думали, не скончалась ли она; но доктор сказал им, что она жива, так как есть признаки жизни. Долго они находились при больной, но она не приходила в сознание; в таком состоянии и оставили ее.

На другой день вечером Ирина Петровна опять пришла в лазарет навестить больную, которая была в прежнем положении, без сознания. Муж ее был уже там. Через некоторое время больная вдруг вздрогнула и, не открывая глаз, сказала:

— Скорее, скорее, одевайте меня, кладите...

— Куда тебя класть?

— В гроб.

— Что ты, Господь с тобой! Разве живых людей кладут в гроб?

— Я живая?

— Конечно живая.

Больная закрыла лицо руками и как будто с сожалением произнесла:

— Ах, лучше бы умереть! Зачем я не умерла, осталась...

Муж больной и Ирина Петровна подняли ее и посадили на кровать, прислонив к стене.

Немного погодя она, обратившись к мужу, сказала:

— Петя, прошу тебя, ради Бога, оставь ругаться. Если бы ты знал, что *там* за это будет...

Оставь, прошу тебя.

Просьбу эту больная повторила несколько раз.

Нужно сказать, что муж -больной, действительно, имел греховную привычку почти постоянно ругаться и сквернословить.

— Зачем ты желала умереть? — спросила больную Ирина Петровна.

— Ах, Петровна! Я, грешная, удостоилась видеть, как святые Ангелы взяли и понесли душу какой-то убогой женщины, умершей в городе (Лазарет и казармы находились в полутора верстах от города). Видя это, и я желала тогда же умереть, чтобы и моя душа сподобилась такой же чести... А вот сегодня были здесь похороны какого-то офицера; с почестями хоронили его; но как душу-то его провожали? Я тоже видела, как она была окружена, — но не Ангелами, а страшными бесами; их было очень много, и все кричали: «Это наша...». А какой нестерпимый был смрад... Господи, избави от такой смерти!..

Сначала слова больной приняли было за бред болезненного воображения, но потом на них обратили внимание, потому что в тот день действительно были похороны умершего флотского офицера, лейтенанта К. Но не могли понять, как больная их видела, когда она весь день, да и предшествующую ночь находилась в безсознательном состоянии? Между тем больная продолжала:

— Еще я видела всех наших умерших детей. Они, увидев меня, кинулись ко мне со словами: «Мама, мама!» —одни с боков, другие — на плечи ко мне,и все с радостью окружили меня...

— А Паню видела? — спросил муж. Сын Павел умер семи лет от роду, через два года после Гавриила, в 1860 году.

— И Паню видела: он бросился мне прямо на грудь... Детей там очень много — целые полки и все рядами: одни ниже, другие — выше, а там за ними еще выше... Смотрю, — все наши дети собрались вокруг меня: только одного Гани (Гавриила) нет. Я спросила: где же Ганя? Тут какой-то муж сказал мне: «Вот он», — и приподнял край одеяла, которое держал на руках. Я взглянула туда и увидела Ганю, но без движения и черного, как головешка. Я спросила, отчего он такой черный?

— От того, что некрещен, — отвечал муж.

— Мы крестили его, — сказала я.

—Нет, он умер некрещеным, — повторил муж.

Этот рассказ больной, возбуждивший было особенное внимание мужа ее и Ирины Петровны, наконец, опять навел их на сомнение: не в бреду ли больная? Она говорит, что Ганя не был крещен, тогда как они очень хорошо помнили, что он был крещен-в самый день рождения, в который потом и скончался.

Больная, как бы замечая их сомнение в своих словах, сказала: «Да, бедный Ганя не был крещен; мне так было сказано *там*,.. — и прибавила, — еще мне там сказано было несколько слов, но я не могу передать их ни вам и никому, — не велено».

Чтобы убедиться в истине рассказанного женою относительно Гани, Лебедев, по совету Ирины Петровны, тотчас же отправился к куму, жившему в казарме, вблизи лазарета, — испытать, что он скажет. Немного времени прошло, как Петр Федорович возвратился от кумы и взволнованным голосом сказал:

— Ирина Петровна! Ведь Ганя и в самом деле не был крещен.

Затем из рассказа его выяснилось следующее: Придя к куму, Лебедев подробно рассказал ему видение жены и потом спросил, правда ли, что Ганя не был крещен? Очевидно было, что такое неожиданное и необычайное обличение поразило кума, смутило его, и он тут же сказал, что Ганя, действительно, не был крещен. «В этом грех наш», — добавил он, и тут же объяснил причину противозаконного проступка. Он, т.е. П. И. Иванов, имел незаконную связь с женою своего сослуживца, с тою именно, которая вместе с ним приглашена была Лебедевым в восприемники при крещении его сына Гавриила. Отказаться от приглашения без видимой к тому причины они не решились из ложного опасения, чтобы через отказ не догадались о противозаконной между ними связи и, сознавая свой грех, который не допускал им быть восприемниками при совершении святого Таинства Крещения, они условились между собою, да и бабку к тому же подговорили, чтобы младенца не крестить, а только сделать вид, что он крещен, но не в церкви, а на квартире у бабки. Так они и сделали. Собрались и ушли как бы в церковь крестить младенца, а пробыли несколько времени у бабки и потом возвратились. Последовавшая в тот же день смерть младенца, как видно, доставила облегчение совести его мнимым восприемникам, оправдав их надежды «развязала их грех», и потому крестная мать не могла даже скрыть своего душевного настроения, когда она приготовляла к погребению младенца. Отпевал его священник, дававший новорожденному молитву и нарекавший ему имя, которого крестный отец постарался предупредить, что младенец «не дожил до крещения в церкви и что крестила его бабка». Похоронив крестника, мнимые восприемники его совсем успокоились при мысли, что поступок их окончательно скрыт, погребен вместе с младенцем, и никто о нем не узнал и не узнает.

Но вот — через восемь лет, когда стали забывать о содеянном грехе, лишившем невинного младенца благодатных даров св. крещения — неожиданно является обличение в том грехе и обличение необыкновенное — из загробного мира! Совесть не допустила Иванова утаить совершенный им тяжкий грех — и он в нем сознался (П. И. Иванов, которого я лично знал, уже не подлежит суду земному: он скончался года три или четыре тому назад. Другой участницы — кумы Н. П. Ивановой не было в Баку в то время, когда случилось это открытие: через два года после смерти младенца Гавриила, муж её вышел в отставку, и она с ним тогда же уехала на родину ближайшие участницы его: Н. П. Иванова — жива или нет и где находится — неизвестно; а бабка тоже окончила земное бытие и предстала на суд Царя Небесного. — *Авт...*) -

Болезнь Лебедевой не только не уменьшилась, но более усилилась, осложнилась: по всему телу открылись раны, причинявшие ей ужасную боль. Часто она говорила посещавшей ее подруге Ирине Петровне Б-вой, чтобы она нисколько не опасалась ее болезни, которая для других не заразительна, а ей дана за ее грехи: нужно терпеть. И она терпела, переносила ужасные страдания с необыкновенною твердостью вплоть до самой кончины, последовавшей через полтора месяца после описанного выше видения ее. Через полгода После ее смерти муж ее вышел в отставку и уехал.

По рассказам Ирины Петровны, Лебедева обладала истинно христианскими качествами души: кроткая, тихая, незлобивая, она ни с кем никогда не ссорилась, не бранилась, да и мужа своего постоянно удерживала от брани и укоряла в сквернословии; посты строго соблюдала и посещала все церковные Богослужения; разве только иногда болезнь или особенное какое семейное дело могли ее удержать от посещения храма Божия.

Да сподобит ее Господь Бог небесных благ, уготованных любящим Его! (П. Русков, 1893)

Сила молитвы

«В нашем приходе особым уважением издавна пользуется один крестьянин пожилых лет, человек грамотный, трезвый, честный и умный, занимающий с пользою одну из общественных должностей. Но не всегда он был таким. Жена его, скромная, простая женщина, однажды,

разговорившись о своем житье-бытье, между прочим упомянула, что смолоду она видела много горя и слез пролила не мало, потому что муж ее вел очень безнравственную и нетрезвую жизнь. Собеседница ее так удивлена была ее словами, что сначала подумала, что рассказчица, вероятно, была так несчастлива в первом браке что речь идет не о настоящем ее муже, этом уважаемом человеке.

— Нет, родимая, — отвечала она, — я девушкой, сиротой, выдана была за него, вдовца, и с той поры живу с ним.

— Да что же это такое было с ним? И отчего он мог не только исправиться, но и заслужить всеобщее уважение? — спросила ее собеседница.

— Ах, это Матушка Царица Небесная заступилась. А как это все было-то, сейчас тебе расскажу, родимая ты моя!

Было это дело осенью, холода большие наступили, и трое моих деток лежали в оспе почти при смерти. Это ли не великая скорбь для материнского сердца? Но скорбь эта не одна была у меня в то время: муженек мой имел в соседней деревне синильное заведение и там большей частью проживал, там же, в местном трактире, часто и пропивал свой заработок. И вот, как сейчас помню, наступил праздник в честь Казанской иконы- Божией Матери; рано поутру приходит к нам в дом соседка наша и рассказывает, что муж мой опять запил напропалую, пропил с себя даже всю одежду и остался в одной рубашке. Не в первый раз уже случалось мне слышать и видеть его безобразное пьянство, но в этот-то раз, при смертной болезни моих детушек, уж очень это поразило меня, я упала на лавку и зарыдала с отчаянием в сердце. Соседка испугалась даже за меня; принялась было меня уговаривать, но, видя, что не в силах успокоить меня, вспомнила, что нынче праздник-то большой и уговорила меня идти с нею в Церковь помолиться Богу: «Авось тебе полегчает, отлег-нет хоть маленько от сердца-то, — говорила она, — а за ребятами свекровь покуда походит». Не зная, куда мне деться от своего лютого горя, я встала, рыдая, и пошла в Церковь. В церкви, когда мы пришли туда, пели очень умирительно: «Заступница усердная!..» Слезы полились у меня рекою, я упала на колени и плакала, и молилась, а сердце мое точно разрывалось на части от горя. Никого не видела я вокруг себя, слышу только шепот сзади:

— Что это она так плачет-то? Или у нее отец с матерью умерли?

— Нет, — говорят другие, — у нее давно нет ни отца, ни матери, житье у нее очень плохое, муж-то ее...

Я еще горше заплакала, еще горячее молилась: «Матушка! Заступница Ты моя! Как же мне жить-то?!.. Не уйду от Тебя, заступись! Вступись за меня, сироту горькую!..». И вступилась же Царица Небесная! Услышала мою слезную, горькую молитву. Ах! И сейчас не забуду: пришла это я домой-то, гляжу и глазам не верю: муж-то мой дома и не пьяный. У меня вдруг как-то сорвалось: «Что же это, Господи!.. Аль вытрезвляешься?» — «Да», — ответил тихонько, а сам смотрит так боязливо. И рассказал он, родимая ты моя, что как встал он утром, так и отправился прямехонько в трактир опохмеляться: подошел к самой двери, взялся уже за скобу, только вдруг точно кто крикнул на него: «Воротись! Ступай домой!». Он, не оглядываясь, бросился бежать, в испуге, не раздумывая, кто бы мог так отогнать его, и так пришел домой* не понимая, что с ним делается. Когда же я, с горя и радости вместе, плача, стала рассказывать, как была я в церкви и как молила Царицу Небесную, Заступницу, то и поняли мы с ним со страхом и великою радостью, что это Она, Матушка, Заступница наша, попечалилась о нас пред Богом и воротила мужа от погибели-то этой. И с этого дня, родимая ты моя, хотя бы он каплю какую взял в рот по сие время, а уж этому больше двадцати пяти лет теперь будет. Так вот, ведаешь, мы каждый год 22 октября, в Казанскую-то, и служим молебен с этих пор, как обещались. И Казанскую икону Божией Матери мы в ту же пору задумали написать в память нашей радости и благодарности Заступнице. Сам муж-то и в Москву тогда за ней ездил. А еще как ждали-то мы его с иконою, вот

удивительное тоже дело было! Сижу я всю ночь, и огонь у меня горел, все жду его, только вдруг девчурка моя глядит на меня и спрашивает:

— Матушка, приехал тятя-то?

— Нет, — говорю, — не приезжал еще.

— Да как же не приезжал, я его сейчас вот тут видела в белой-пребелой рубашке! А икона-то новая и на лавочке стояла, где же она?

Мне жутко даже стало, я принялась уверять девочку свою, что ей это приснилось.

— Нет, матушка, я не спала, я все глядела и на тебя и на батюшку, и на икону.

Вскоре и в самом деле приехал муж мой с иконою. И возрадовались же мы все, что привел Господь нам получить такую радость в своем доме.

— Так-то, родимая, — закончила свою повесть рассказчица, — и по гроб буду помнить, какую милость великую сотворила нам Заступница наша, Царица Небесная» («Калужские епархиальные ведомости»).

Вразумление Божие

(РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА ИОАННА СМИРНОВА)

На третьей неделе Великого поста, в 1868 году, прихожанин мой из села Воскресенского, крестьянин С. И. пошел в свой скирд за соломою. Ветер в ту пору был необыкновенно сильный. Взяв соломы, сколько нужно, он пошел в обратный путь, но так как ветер мешал ему идти, то он, по своей гнусной привычке, начал ругаться. Неразумный, он не размыслил, Кто повелевает быть ветру и Кто управляет им. Он не подумал, что Бог изводит ветер из- хранилищ Своих (Иер. 10, 13), гонит море ветром (Исх. 14, 21), и что Он же запрещает ветру (Мф. 8, 26). Не думая и не размышляя об этом, Савва, так звали моего прихожанина, шел и ругался — и за это дерзкое и безумное оскорбление Самого Господа был строго наказан: не дойдя еще до своего дома, он внезапно сделался нем...

Тут уразумел несчастный, что эта внезапная немота — кара Божия за сквернословие, — и с сокрушенным сердцем и слезами обратился к Господу Богу с искренним раскаянием в своих грехах (при исповеди я довольствовался движением головы его и руки), дал Богу обет вперед так не грешить, и премилосердый Господь через двадцать один день отверз его уста и он начал опять говорить.

Великий Бог правосуден, но и многомилостив! Он не хочет смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему («Странник», 1868).

Обмиравшая

(РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА)

Как много иногда таится дивной, небесной любви в сердце крестьянина! Но кто подумает предполагать здесь урок для христианского назидания?

Я расскажу об одной труженице Пелагии, жившей лет шестьдесят тому назад в деревне Шипиловке, Костромского уезда. Эта крестьянка жила в одном доме, с двумя невестками, мужа которых большую часть года были в отлучке для заработков. Домик у них был маленький и небогатый: кроме одной тесной избы, в которой они помещались, на дворе был еще хлев для домашнего скота. Пелагия сначала жила с детьми в одной комнате; но потом, для тайных ночных подвигов молитвы и богомыслия, стала уходить в сени, где и проводила целые ночи, и ложилась спать только пред рассветом. Наконец, чтобы скрыть свои подвиги от людских взоров, она решила навсегда остаться в той душной избе, и только изредка ночевала с нею одна любимая ее невестка. Она не хотела, чтобы кто-нибудь, кроме этой невестки, видел ее молитву. И между тем, как последняя сидела в той избе и занималась рукоделием, Пелагия уходила в сени и молилась. Пища ее была самая грубая; она даже придумала для себя особенную пищу: густо разбалтывала

ржаную муку, и это сырое тесто употребляла вместо хлеба, да и то очень мало, другую же пищу принимала редко. Днем она, по обыкновению, пряла лен, и заработанные деньги разделяла на две части, одну часть отдавала в церковь, а другую — бедным, притом так, что подходила ночью к дому бедного и тихо клала свое подаяние на окно, немного открыв его, или бросала деньгами в нищего.

В одну ночь труженица, по своему обыкновению, молилась в сенях, а сноха спала в избе. Перед утром сноха пробудилась и увидела, что свекровь ее стоит на коленях в молитвенном положении. Постояв несколько минут в страхе и смущении, она сказала ей: «Матушка, а матушка!» — но ответа не было: матушка уже была холодна. Тут пришла и другая сноха для домашней работы. Видя, что свекрову их умерла, они одели усопшую и положили ее на стол; а на третий день положили в гроб и собирались уже везти ее в церковь, как вдруг лицо ее ожило, она открыла глаза, откинула руку и перекрестилась. Семейство испугалось и бросилось в печной угол. Спустя несколько времени, ожившая сказала тихим голосом: «Дети!.. Не бойтесь, я жива», — а потом поднялась, села и при помощи семейства встала из гроба. «Успокойтесь, дети, — снова сказала она. — Вы испугались, почитая меня мертвою? Нет, мне назначено еще немного пожить. Бог, по благодати Своей, желает спасения всякому и, таинственными судьбами руководя нас к блаженству, так всё устрояет, чтобы и самая смерть и возвращение к жизни служили многим на пользу!».

Что было с нею, когда считали ее умершею, об этом она почти ничего не говорила: только со слезами увещевала своих детей жить благочестиво и удаляться от всякого греха, утверждая, что великое блаженство ожидает праведных на небе и страшные мучения — нечестивых в аду! После того она продолжала еще труженическую жизнь свою шесть недель, умиленно устремляя мысленный взор свой в страну небесного отечества и, наконец, переселилась в небесные кровы (Новгородск. Влад., «Райские цветы с русской земли», 1891).

Дай Бог всякому так умереть! (РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА ГРИГОРИЯ ВОРОНЦОВА)

«Христианский кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном судищи Христове у Господа просим». Важны и другие прошения в этой ектений, но, кажется, упомянутое прошение особенно должно занимать наши мысли во время молитвы в храме Божиим. Ни один из нас, какими бы крепкими силами ни обладал, как бы ни хвалился добрым здоровьем, — не может с полной уверенностью сказать: я проживу столько-то лет; мне умирать еще рано. Смерть приходит чаще всего без ведома нашего, — врасплох. И блажен тот, который усердно просит Господа послать себе непостыдную и мирную кончину. К общему утешению наших православных соотечественников, есть и в настоящем веке такие счастливы, которым Господь Бог посылает не одно только утешение умереть непостыдно — по-христиански, но и удостаивает такой милости, что посылает на землю Ангела смерти — сказать человеку: готовься, Я пришел взять душу твою.

Вот живой пример такой истинно христианской кончины.

Верстах в двадцати от моей родины, в небольшом селении Царевского уезда, жил один почтенный старичок — заштатный диакон. Будучи наделен от природы здравым толком и крепким здоровьем, он, как служитель алтаря, исполнял свою диаконскую обязанность с горячим усердием и благоговением, остальное же время все свои силы и заботы отдавал работе в саду. Невдалеке от родной хаты, на живописном склоне горы, окаймленной внизу маленькою речкою и прекрасными пойменными лугами, стоял тот сад, в котором давно-давно, с ранней весны и до глубокой осени, старик трудился. Быть в саду, дышать свежим воздухом, окапывать плодовые деревья, подрезать на них старые сухие сучья, лечить разного рода снадобьями захиревшие растения, рассаживать новые деревья, теплее укутывать их на зиму и благодарить Бога по со-

брании плодов — составляло для него все на свете.

Не знаю, за его ли добросовестную службу церковную, за честный ли труд в своем саду или, быть может, за какие-нибудь особенные добрые дела, которые видел один Бог, — конец его жизни ознаменован вот каким редким случаем.

В декабре 1860 года, за два дня перед рождественским сочельником, отец диакон отправился со своим работником неподалеку, в город К., для разного рода покупок к празднику. Закончив все дела, он уже возвращался домой и находился, как сам после рассказывал своим семейным, в шести верстах от своего селения; вдруг, видит какого-то юношу среднего роста, с прямым открытым лицом, осененным роскошными белокурыми волосами, одетого в какую-то странную белую одежду. Видит, что незнакомец сидит на санях рядом с ним и пристально смотрит ему в лицо. Старик побледнел от страха, но, собравшись немного с силами, спросил своего соседа:

— Кто ты такой, добрый человек?

— Торопись скорее домой, ты нынче умрешь, — был ему ответ.

Слова эти, само собою, показались старику странными, и потому после некоторого молчания он спросил:

— Что ты за человек, что предрекаешь мне смерть? Я чувствую себя совершенно здоровым и не понимаю, как могу я так скоро умереть?

— Скажи своему работнику, чтобы он скорее погонял лошадь. Я — Ангел смерти, послан Богом взять душу твою.

Тут только открылись умные очи у старца, и он узнал в незнакомце Ангела смерти. Как оглянулся кругом на Божий мир, как вспомнил свою родную семью и любимый сад, — зарыдал старик, как малый ребенок, и решился просить Ангела, чтоб он, по крайней мере, дал время доехать благополучно до дому и успеть приготовиться к смерти. На все его просьбы и слезы был один ответ:

- Торопись, торопись скорее!

— С кем это ты там калякаешь, отец диакон? — спросил работник, обернувшись к своему хозяину.

— Разве ты не видишь, с кем? — начал было старик и обратился в ту сторону, где сидел Ангел, но его уже ни на санях, ни около не было!

Приехав домой, и еще не успев переступить через родной порог, — старик потребовал у своих домашних теплой воды и чистого белья; одного сына послал за священником, другого — за свечами и ладаном. Домашние начали спрашивать, для чего все эти приготовления; старик в коротких словах рассказал им все случившееся с ним на дороге и старался, по возможности, успокоить семейство. Вскоре не замедлил прийти священник с причетником.

— Что это ты, Илья Поликарпович, вздумал? Недалеко и праздник Божий, хоть бы еще немножко!

— Нужно исполнить святую волю Божию, отец Трофим; нет уж, больше не жилец я на белом свете! Живите вы, а моим костям пора на место!

Нужно было взглянуть в то время на лицо почтенного старца, с каким невозмутимым спокойствием смотрел он на все приготовления к отшествию от здешнего мира. На все вздохи и горькие слезы домашних и ближних знакомых он с решительной твердостью отвечал:

— А вы плакать-то бросьте, лучше благодарите Бога за Его великую милость ко мне, грешному.

После исповеди и принятия Св. Тайн, старик начал заметно слабеть.

— Ну, тепер положите меня в постель, а вы, батюшка, потрудитесь скорее пособоровать меня маслом!

Положили старика в постель, и елеосвящение началось. «Господи, прими душу мою с миром!» — произнес лежащий. Все обратились к нему и к удивлению заметили, что он левою рукою

потирал лицо, а правую будто бы что-то прогонял от себя. Так он не переставал делать до чтения третьего Евангелия — именно до того места, где один из учеников фарисейских, изъявляя готовность следовать за Спасителем, сказал Ему: *Господи, повели ми прежде ити, и погребсти отца моего. Иисус же рече ему: гряди по Мне, и остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. 8, 21-22). При последнем слове старца уже более не было в здешнем мире («Странник», 1875).

Необдуманное клятвенное слово матери (РАССКАЗ ПРОТОИЕРЕЯ ПЕТРА ПОЛИДОРОВА)

Одна женщина, моя прихожанка, объявила мне великую скорбь свою, прося молитвенной помощи и пастырского совета, как ей избавиться от этой скорби. Она заключалась в следующем:

«Двое было у меня детей, — говорила эта бедная женщина, — девочка двенадцати лет и мальчик трех лет. Послала я однажды свою дочь к соседу попросить одну вещь, а та, как ребенок, заигралась с подружками на улице, и потому возвратилась домой нескоро. Это вывело меня из терпения, и я в порыве гнева сказала нехорошее: «Чтоб ты сдохла!». В этот же самый день дочь моя заболела и скоро умерла. Обмыв тело умершей, я стала собираться в город (женщина эта была жительницей Подгородной слободы), чтобы купить, что следует к погребению дочери, а мой трехлетний сын и пристал ко мне: «Возьми меня с собою, мама!». Я отказываю, а он еще пуще капризничает и ревет: возьми, да возьми! Мне и так горе, а он тут привязался. Я вышла из терпения и сказала: «Отвяжись от меня! Чтоб тебе пропасть!» — и пошла себе в город, оставив ребенка реветь, сколько хочет. Когда же возвратилась домой, то нашла сына своего заболевшим, а затем, через несколько дней, он скончался... Теперь этот сын мой каждую ночь во сне является и говорит мне: «Мама, за что ты меня убила?». Это мне не дает покоя ни днем, ни ночью... Научите меня, что мне делать, чтобы успокоить сына моего и самой успокоиться? Наложите на Меня какую-нибудь епитимию за грех мой».

Сделав, по обязанности своей, скорбной матери приличное наставление, чтобы она на будущее время была осторожнее в словах, я назначил для успокоения ее мятущейся совести епитимию, а относительно сына посоветовал ей, чтобы она в течение сорока дней подавала просфору на проскомидию за упокой души своего сына, умершего, как она полагает, от клятвенного ее слова. Этот совет она исполнила. Впоследствии она объявила мне, что хотя, как мать, очень жалеет о смерти сына своего, но он более не является ей во сне.

Явление покойной матери (РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА Г. ТРОСТЯНСКОГО)

Был июль на исходе. Жара нестерпимая. Солнце недвижимо стоит на чистом безоблачном небе и обливает землю раскаленными лучами. Тихо... Ни малейшего движения ветерка, освежающего душный воздух. Как заснувшие стоят запыленные деревья по обеим сторонам дороги. Ни один листик не шелохнется, и длинные, густые тени деревьев, пересекая дорогу, лежат темными пятнами. Дорога ведет в село Флорово, принадлежащее моему знакомому помещику Семену Павловичу Рынину. Вот, наконец, показалось и село. На пригорке виднеется церковь. Вызлащенный крест ее горит на солнце ярким светом. Дальше видны поля, испещренные копнами скошенного хлеба. Из-за густых деревьев мелькнула крыша барского дома. Он окружен обширным старым садом, в котором растут столетние дубы, липы и множество различных фруктовых деревьев. С одной стороны сад омывает глубокая, причудливо извивающаяся в своих берегах, покрытых местами мелким кустарником и камышом, речка. Я застал Семена Павловича, владельца дома и сада, сидящим в тени большого дерева. Тут же находилась и жена его, женщина лет тридцати четырех-тридцати пяти и трое соседних помещиков также со своими семействами. Компания о чем-то горячо спорила.

— Все это выдумки, — говорит один из гостей, — игра праздной фантазий, бред.

Я подошел к собеседникам. Поздоровались.

- Вот, батюшка, — обратился ко мне хозяин, — мы ведем разговор о явлениях из загробного мира. Петр Петрович, — указал он мне на одного из своих товарищей, — положительно не верит таким явлениям. Скажите нам, пожалуйста, могут ли быть и бывают ли действительно явления умерших нам, живущим на земле?

— Такие явления, — сказал я, — отрицать нельзя и нужно иметь большую дерзость, чтобы решиться на это. Много можно было бы привести случаев, где явления подтверждены вполне бесспорными доказательствами и, следовательно, должны быть приняты, как факты, наглядно доказывающие истинность явлений из загробного мира. — При этом я передал несколько случаев, о которых мне довелось прочитать и, между прочим, о видении митрополиту Платону, т.е. о случае, рассказанном самим владыкою. Побеседовав таким образом некоторое время, гости мало-помалу начали расходиться по саду. Мы с хозяином также отправились прогуляться по тенистым аллеям сада.

— Со мною самим, — заговорил Семен Павлович, когда мы остались вдвоем, — несколько лет назад был удивительный случай, о котором кроме меня до сего времени никто не знает. По смерти матери, — отца своего я не помню, — я сделался наследником богатого имения. Было мне тогда двадцать четыре года. Предоставленный самому себе, я повел самую безалаберную и разгульную жизнь. Постоянные кутежи с товарищами, игра в карты и прочее, тому подобное, были обыкновенным моим времяпрепровождением. Так шло года два. О Боге, о церкви, о постах и помину не было, хотя моя покойная матушка была глубокая христианка и строгая блюстительница уставов Православной Церкви, в повиновении которой и меня старалась воспитать. Раз, часа в четыре пополудни, сижу я в своем кабинете, задумавшись над раскрытой книгой (в доме кроме меня и моего лакея, который находился от меня комнаты за две, никого не было). Вдруг тихо отворилась дверь в моей комнате. Я оглянулся и обомлел. На пороге стояла моя покойная мать и строго на меня смотрела. Потом она указала на икону Спасителя, висевшую у меня, трижды осенила меня крестным знаменем и удалилась, мягко и часто ступая, как это она делала при жизни. Я хотел броситься за ней, но не мог сдвинуть ног с места; хотел крикнуть, но и язык прилип к моей гортани. Только минут через пять я в состоянии был подняться и отыскать своего человека.

— Иван, — сказал я, — ты никого не видел?

— Никого.

— И ничего не слышал?

— Слышал, — сказал он, — как будто шаги по направлению к вашему кабинету; вероятно, кто-нибудь приходил к вам.

— Да, — отвечал я, — у меня был дорогой гость.

И затем я прекратил всякие дальнейшие расспросы по этому предмету. Явление моей матери глубоко поразило меня и заставило сильно задуматься о моем тогдашнем нравственном состоянии. И не будь этого явления, Бог знает, что было бы со мной! Быть может, я погиб бы в житейской тине, как погибли многие из моих прежних товарищей.

Да, — заключил свой рассказ Семен Павлович, — дивны и непостижимы пути, которыми Отец Небесный влечет души и сердца грешников к покаянию и спасению! («Кормчий», 1897, № 36).



Поучительное сновидение (ИЗ КЕЛЕЙНЫХ ЗАПИСОК ИНОКА)

Сильно смущал меня помысл оставить монастырь и идти в мир. Соглашаясь с этим помыслом, смутившись сердцем, я вполне предался отчаянию и положил решимость непременно выйти в мир. Это было в четверг, а я предположил остаться в монастыре только до воскресенья. На следующий день, в пятницу утром, будильщик, ходивший, по чиноположению монастырскому, будить братию к утрени, разбудил и меня: но я, по обычной моей лености, лег опять на постель подождать, когда зазвонят к утрени, и заснул. Вдруг во сне представилось мне: будто я умер и умер без покаяния; сижу над своим телом и очень плачу; мне казалось, что я буду осужден на вечное мучение в пределы ада. В этом плаче говорю: «Господи, если бы я знал, что умру в эту ночь, я сходил бы к духовнику, покаялся бы, упросил бы братию помолиться обо мне». Или, думаю, помучившись несколько, я опять воскресну, чтобы принести покаяние? Представляю себе Божие правосудие, но и милосердие и говорю: «Господь долготерпелив и многомилостив. У человека сие невозможно, у Бога же все возможно».

В ту же минуту явился мне юноша прекрасный лицом, в белой блестящей шелковой одежде, по груди крестообразно опоясан розовой лентой; подходит ко мне, берет меня за руку и ведет куда-то в темное место. Ах! Что я там увидел! Сидят много людей нагих, одни горько плачут, другие жалобным голосом стонут, а некоторые скрежещут зубами, рвут на себе волосы и кричат: «Увы, увы нам, о горе! О беда!». При этом зрелище сердце мое исполнилось страха и ужаса, так что я весь затрепетал. Юноша, водивший меня, говорит: «На это место мучения широким путем пришли; пойдем, я покажу тебе, куда ведет тесный путь, место, в которое приходят многими скорбями». Как только юноша выговорил эти слова, явился другой, во всем подобный первому, и назвал его по имени, но имени его я не могу припомнить; берет он меня за руку и говорит первому, водившему меня: «Пойдем ко гробу, там начали петь панихиду». Мне показалось, что мы вошли в наш собор: здесь гроба и тела я не видел, но только слышал пение: «Твой есмь аз, спаси мя» и «Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим». Мне сделалось очень весело. Первый юноша говорит: «При пении панихиды душе всегда делается весело».

Вдруг представилось мне, будто мы стоим пред какими-то великолепными воротами, и вижу: у врат множество Ангелов в белых сияющих одеждах; лица их красоты неизреченной; мы намеревались войти во внутренность врат; но два путеводителя, бывшие со мною, вошли невозбранно, а я остался вне врат; меня не пустили стоявшие там Ангелы и слышу один из них говорит: «*Писано есть, ничтоже скверно внидет семо.* Один мой путеводитель, обратившись назад, сказал Ангелам: «Пустите его, Бог милосердствует о нем». По его слову Ангелы расступились на обе стороны, и я только что вступил на порог врат, как раздался голос великолепной песни: «Сия врата Господня, праведнии внидут в ня».

Пение это было такое приятное, что я наслаждался им с восторгом и, казалось, не мог вполне

насладиться этою радостью. Когда мы вошли во внутренность храма, я увидел в нем множество людей всякого звания и возраста; одни из них держали в руках кресты, другие — ветви с деревьев, третьи — цветы, некоторые — свечи, а иные ничего не имели в руках, но были в восхищении и радости. Воздух был тонкий и приятный, голубоватого цвета. Бывший со мною Ангел сказал: «Смотри, это покой мирских людей, пойдем далее, я покажу тебе покой монахов, потрудившихся в обители». Мне показалось, что идем по лестнице вверх, и я осмелился спросить водившего меня:

— Позвольте узнать ваше имя?

— Мое имя *Послушание*. Помни же, что послушание ведет тебя в Царство Небесное.

Только что Ангел произнес эти слова, мы очутились пред великим вратами и незаметным образом вошли в какую-то обитель, несравненно лучше-первой, сияющую лучезарным светом, красоты неизреченной. Ангел говорит: «Сей покой монахов». Желая более насладиться красотами этой Обители, я смотрю влево и вижу как бы облако; на нем сидит множество Ангелов, они плетут венцы из цветов. Цветы были различные, но такой красоты и приятности для взгляда, что — не знаю, есть ли подобное в природе или нет. Я спросил водившего меня Ангела:

— Кому эти венцы? — Он отвечал:

— Работающим Богу усердно в терпении; терпящим скорби с самоотвержением; сказано: *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает; не даст ввек молвы праведнику* (Пс. 54, 23), терпи и ты; терпение преодолет все скорби. Сам Господь сказал: *в терпении вашем стяжите души ваши*. Потрудишься мало, зато будешь покоиться вечно здесь со святыми отцами: все они терпением получили славу. Жизнь земная не что иное, как воспитание младенца. Написано: *еще не будете, яко дети, не внидете в Царство Небесное*, разбери свойства отрочати и поревнуй ему.

Идем мы далее по сей же Обители, наслаждаясь приятностию небесной красоты; мне казалось, долина неограниченного пространства, по которой были рассажены цветущие деревья; некоторые были с плодами, я не мог понять с какими. Виднелись реки чистых вод, от деревьев и цветов весь воздух наполнялся приятным ароматическим запахом. Ангел, указывая на сие место, говорит мне:

— Апостол Павел, увидев славу, уготованную любящим Бога, желал *разрешиться и со Христом быти* (Флп. 1, 23). Пророк Давид, мысленно созерцая то же, говорил: *Се покой мой... zde вселюся* (Пс. 131, 14) и, с терпением ожидая, взывал: *Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни* (Пс. 83, 2-3). *Когда прииду и явлюся лицу Божию?* Слышишь, сколько я привел тебе свидетельств: смотри, не угаси зажженный светильник веры, старайся сосуд твой наполнить елеем добрых дел, чтобы с радостью мог ты встретить Небесного Жениха Христа. Если будешь таков, как теперь, я всегда буду с тобою, — сказал Ангел. — Пойдем к Престолу Господа Вседержителя Иисуса Христа.

И мы пошли далее по Обители, наслаждаясь чудною небесною красотою: впереди, посреди храма, увидел я хор Ангелов, другой хор стоял на левой стороне, третий — на правой. Когда мы подошли к Ангелам, стоявшим посреди храма, они расступились на обе стороны, дали нам невозбранный ход и смотрят на нас, улыбаясь. Когда мы стали проходить между ними, два Ангела тихо меня ударили по плечам и сказали: «Блажен ты, юноша, что оставил мир измлада, возлюбив Христа» и стали петь: «Господа пойте дела и превозносите во вся веки». Вижу в левой стороне стоят подобно нашим три аналойчика: на первом лежал Крест, украшенный цветами; на втором — Евангелие, украшенное золотом, на третьем — икона Знамени Божией Матери, и вот множество монахов подходят прикладываясь попарно. Одеты они были в белые одежды и шли с великим благоговением. Впереди шли игумены, за ними архимандриты, потом иеромонахи, монахи и послушники. Ангел, указывая мне рукою, сказал:

— Это монахи, потрудившиеся в сей пустыни. Называл их каждого по имени, но имена их не помню.

Спрашиваю:

— Где же отец Иоанн Асеев?(Незадолго перед тем скончавшийся рясофорный монах) —

Ангел отвечал:

— Он здесь.

— И видеть его можно?

— Нет, увидишь его после; пойдем и мы приложимся. Тогда и мы пошли, также вдвоем. Когда подошли к кресту, Ангел сказал: «Перекрестись», — и сам перекрестился, мы приложились к Кресту, Евангелию и иконе. Тогда правый хор начал петь: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко»; средний, который посреди храма был: «Просвети мя светом разума святого Евангелия Твоего». Потом вышли все на средину храма и начали петь: «Величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Боже Спасе моем». При сей песне весь храм исполнился такого благоухания, что невозможно уму представить; пение так было хорошо, приятно и усладительно для сердца, и я был в таком восторсе и радости, что не могу выразить словами. В этом храме иконостаса не было: вместо иконостаса видел я огромный занавес розового цвета, и по всему храму сиял свет светлее солнца, так что невозможно было смотреть вверх от сильного блеска. Тогда мне Ангел сказал:

— Теперь пора тебе к утрени; только помни, что имя мое *Послушание*. Теперь ты видел славу, уготованную любящим Бога; не скорби же, что пошел в монастырь, ибо сего духовного пристанища многие желали, но, не быв избранны, не могли достигнуть.

Я проснулся. Сердце мое трепетало от страха и радости. Пошел к утрени и не понимал, где я нахожусь, в церкви или нет, стоял весь погруженный в размышление о виденном мною.

Обращение старообрядки (РАССКАЗ СВЯЩЕННИКА МИХАИЛА ЛАВДЕНКОВА)

Однажды я приглашен был одним из моих прихожан, помещиком Б., в день именин отслужить молебен. По окончании молебна все гости зашумели, заговорили, а одна почтенного вида дама, мне еще незнакомая, стояла в благоговейном положении и, казалось, все еще хотела молиться. Наконец, она положила три земных поклона и, обратясь ко мне, просила благословить ее. «Это — матушка моя, подарившая меня своим приездом», — сказал мне почтенный хозяин. Обменявшись с нею приветствиями, мы, по приглашению хозяина, уселись рядом и занялись разговором. Сначала речь шла у нас то о том, то о другом; наконец, заговорили мы о предметах более серьезных, о предметах веры. Видно было, что разговор этот очень занимал мою новую знакомую. Она слушала меня со вниманием, но говоря, в свою очередь, часто и к делу и не к делу примешивала слова: *Господи! Грех юности моя и неведения моего не помяни*.

Сначала я принял это за поговорку, но, заметив при этом тяжелые вздохи, решился спросить, поговорка ли эти слова, или они имеют какое-нибудь особенное значение в ее жизни. «Ах, батюшка, — сказала она, — можно ли святые слова обращать в поговорку? Если вам угодно будет, я расскажу дивный случай из моей жизни, к которому имеют отношение эти слова. Пойдемте в отдельный покой. Я вам, как пастырю, расскажу, все расскажу». Ее просьба была исполнена, и она начала:

«Мне более восьмидесяти лет. Я чувствую, что уже недалек конец моей земной жизни, и потому лгать мне не приходится: значит, верьте, отец святой, что сказанное мною будет вовсе не выдумка, а совершенная правда.

О, Господи! *Грех юности моя и неведения моего не помяни*. Если на ком, — продолжала она, — то на мне грешной, удивил Господь Бог милость Свою. Если б не Его вседействующая благодать, быть может, я бы навсегда погубила душу свою, коснея в страшном заблуждении. Я

родилась от богатых и благородных родителей, православного исповедания, но ни богатством их, ни православием не удалось мне воспользоваться в юности моей. Семи лет я осталась круглой сиротой и была взята на воспитание двоюродной бабушкой, очень бедной дворянкой, жившей одним подаянием. Но это еще не беда: беда в том, что бабушка моя была закоснелая старообрядка, или, правильнее, раскольница секты «безпоповщинской», в которую и меня, как мало сведущую и находящуюся в полном ее распоряжении, скоро совратила. Имя родителей моих отдано, как водится, в распоряжение опекунам, которые не только не обращали никакого внимания на мое воспитание, но и самое имя разорили и, по проискам родного моего дяди составив ложные документы, передали оное ему во владение. Грамоте меня не учили; да правду сказать, грамотность в то время считали для женщины делом вовсе не нужным. Недобрый дядя, когда я достигла совершеннолетия, чтобы удобнее владеть несправедливо захваченным именем, зная крайнюю бедность моей бабки и мою неопытность, хотел было выдать меня замуж за своего крепостного человека. Но Богу, Отцу сирот и несчастных, угодно было устроить иначе.

В это самое время вышел в отставку недалний наш сосед — помещик, поручик гвардии А. П. Б. Имея довольно ограниченное состояние, он хотел через женитьбу упрочить свою будущность. Соседи-помещики, не знавшие вполне моих обстоятельств, рекомендовали меня как хорошую и богатую невесту. Как образованный молодой человек, он скоро свел знакомство с нами и начал просить руки моей. Его чин, вежливое обращение и внимание к бабушке, — все располагало в его пользу. Оставалось одно препятствие: жених был, по мнению нашему, суетный (так мы прежде называли православных). Но советы других и это препятствие устранили: бабушка дала слово, но с тем, чтобы меня не только не совращать с прежней веры, но дать мне полную свободу молиться по-своему и не препятствовать ездить в раскольническую часовню. Согласие последовало, и мы обвенчались.

Надежды мужа моего на мое богатое приданое не сбылись. Много нужно было хлопот и издержек, чтобы имя, по праву принадлежавшее мне, вырвать из рук недоброго дяди; а покойный А. П. был человек чуждый всяких тягб, да и средства к тому имел самые ограниченные, и мы решились, возложив всю надежду на Господа Бога, жить, как Его святой воле угодно будет. Надежда нас не обманула. Занявшись в небольшом имении мужа хозяйством, мы имели безбедное содержание для себя и для своей семьи, которую нас Бог благословил.

Много времени прошло от моего замужества, а я все коснела в моем нечестии. Покойный муж мой был человек положительный, любил меня искренно, не напоминал мне о перемене веры и всегда готов был даже предупредить мои желания. Заметно было, что разность веры сильно его беспокоила; но он всегда умел скрывать это. Были минуты, когда мне приходило на мысль превосходство православной веры; но, пока не пришла пора моего возрождения, мысль эта скоро меня оставляла. Меня особенно удивляли истинно христианская жизнь моего мужа и свято исполняемые им благочестивые обряды. Например, в Великий пост, когда, бывало, говеет он, — поужинает (что во всю жизнь сохранил) в понедельник и до принятия Святых Тайн ничего не ест, да и после приобщения Св. Тайн напьется только чаю и уже поздно вечером поужинает. Одна молитва да чтение душеполезных книг были в это время его пищею. Размышляя об этом его трудном подвиге, я представляла себе, что это зависит от крепкого его сложения (он и зимой всегда одевался легко и ходил на босу ногу). Пользуясь, по милости Божией, и сама цветущим здоровьем, я пыталась также это выполнить, но не могла и вполнину выдержать, и, наконец, спросила: как может он поститься так целую неделю? Зависит ли это от сил человеческих, или этому есть другая причина? Он нахмурил брови — знак, что вопрос этот ему не по вкусу — и, помолчав, начал говорить. «Если б ты...» — и тотчас же замолчал, окончив начатую речь тяжелым вздохом. Я тотчас поняла, что он этим хотел напомнить, что если б я исповедовала истинную веру, то могла бы выполнить, что он выполнял, — только не хотел изменить данного бабке слова не совращать меня (как после и сам объяснил) и не стал далее говорить. На этот раз и

я замолчала и пошла в свои покои. Безотчетная какая-то грусть наполняла мою душу, в сердце ощущалась какая-то пустота, и я чуть не плакала, сама не зная о чем. Предложенный мною вопрос и его недосказанный ответ так меня заняли, что я почти о нем только и думала.

Год целый эта мысль меня не покидала и, наконец, я решилась поднять прежний вопрос. Это было тоже в Великий пост, после принятия мужем моим Святых Тайн. Поздравив его с выполнением обряда (как прежде называла), я спросила: «Ужели тебе легко так поститься?». Вторая попытка моя была удачнее. Он не изменил своего светлого взора, всегда бывшего у него после приобщения Святых Тайн, и с улыбкою сказал. «Это не от наших сил зависит, а от помощи Божией: на это нужно время, чтобы заслужить такую милость, нужно покорить тело духу, питать его молитвою и словом Божиим, и особенно негиблющим брашном — Телом и Кровию Христовою, которых *так* называемые староверы, по упорному невежеству своему, не принимают», — и потом задумался.

«Продолжай, продолжай, — сказала я с веселым видом, — я знаю, чего ты боишься, но я тебе позволяю». — «Да, друг мой, — продолжал он, — дело великое обрести веру истинную, где все располагает человека к Богу, где есть нужные Таинства, освящающие его, где есть духовное брашно, питающее его душу, или лучше, обожающее дух, ум же питающее странно (гостеприимно), чего ваша кривая вера не имеет».

Последние слова, конечно, по наущению врага, сильно оскорбили меня, и я с неудовольствием сказала: «Довольно! Я на твою веру не произношу хулы, а ты начинаешь порицать мою, называя ее кривою. Там, за гробом, узнаешь, кто из нас прав, кто виноват».

Он нахмурил брови и пошел в свой кабинет, как будто нехотя сказав: «Дело и тут видное», — и потом, обра-тясь ко мне с неудовольствием, но довольно тихо, продолжал: «Сама же вызвалась!». Я, тоже взволнованная, ушла в свои покои. Грусть более прежнего овладела мною, и я сердечно жалела, что вызвала его на этот разговор. Но мысль об этом разговоре все-таки меня не покидала. Я старалась быть веселою, но тайная грусть томила меня. О, Господи! *Грех юности моя и неведения моего не помяни.*

Наконец, Господь Бог, *не хотяй смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему*, не оставил и меня Своею милостию: пришла пора и моему обращению. Это было в том же году, накануне Богоявления Господня. Мы жили на хуторе, верстах в семи от церкви. Каждый год покойный мой А. П. отправлялся в церковь за святою водою и мне предлагал отправиться в свою часовню, но на этот раз, не зная почему, мне этого не предложил, а с торопливостью собрался и поехал, ни с кем не простившись. Более часа грусть и тоска томили меня, а затем внезапно какая-то отрада наполнила душу. Одно нетерпеливое желание скорее увидеть мужа несколько омрачало мою радость. Я часто смотрела в окно, в ту сторону, откуда он должен был ехать. Наконец, серая лошадка показалась и, вместо радости, меня объял какой-то страх.

Так как мы жили на хуторе, то священник в этот вечер не успевал приезжать к нам со святою водою, а приезжал на другой день. Цена дорого (как и должно) вечернюю святую воду, муж имел обыкновение для святой воды брать с собой зеленый кувшин с крышкой (который и теперь у меня, как заветный, хранится), и, по входе в переднюю, начинал петь священный стих: *Во Иордане крещающуся Тебе, Господи...* а при входе в залу открывал крышку, вливал святую воду в приготовленное блюдо, кропил дом и все службы в сопровождении всего нашего семейства и всей дворни (кроме меня, потому что я, как мнимо православная, уходила в свою спальню). Но на этот раз, благодаря Господу содействующу, и я осталась в зале. Священную песнь, по обыкновению, начал он петь еще на пороге дома, а пройдя в зал, начал снимать с кувшина крышку, — и что же? Едва только крышка была снята с кувшина, как нам показалось, что из него мгновенно вылетели три огнерадужные струи и разлились по всей комнате. Мы ощутили необыкновенное благоухание и невольно все пали на колени, а у мужа и кропило выпало из рук, и едва удержался кувшин. Несколько минут все мы находились в ужасе и в каком-то оцепенении

и не могли друг другу сказать слова — и песнь замолкла в устах поющего. Я первая будто от летаргии очнулась и первая прервала молчание. Первым словом моим было тотчас же послать за православным священником. Послали человека с письмом просить священника присоединить меня к Православной Церкви. Добрый и всегда исполнительный пастырь не замедлил исполнить нашу просьбу. Не могу вам выразить, какая радость наполнила душу мою после присоединения к той Церкви, в которой я родилась и от которой отпала; но эту радость сменяла иногда грусть, что я так долго коснела в моем заблуждении. Особенно грустно мне было от того, что добрая моя воспитательница умерла в расколе. Почтенный пастырь долго беседовал со мною о предметах веры: то вразумлял меня, то уверял в милосердии Божиим, то поощрял к дальнейшим подвигам христианским и, наконец, предложил ехать к Богоявленской утрени. Все мы отправились в храм Божий. С каким нетерпением я ждала начала общественного Богослужения в той Церкви, в недрах которой крестилась и в которой, между тем, столько времени, как заблудшая овца, не бывала! Вот началось чтение Великого повечерия, и я вся превратилась в слух: каждое священное слово ловила с жадностью и старалась передать его сердцу; каждый почти стих я прилагала к себе и находила в нем отраду, как вдруг услышала слова: *Господи! Грех юности моя и неведения моего не помяни*. Эти слова как-то особенно подействовали на душу мою, они пробудили во мне прежнее, бывшее, мое. Мне казалось, что Пророк как будто для меня, грешницы, и написал эти слова. Да, думала я, видно, дело немаловажное — грех юности и неведения, когда такой великий муж, как пророк Давид, молился о сем. Как же мне не молиться и не запечатлеть этих слов навсегда в сердце моем, когда моя юность прошла в страшном грехе — в отпадении от святой Церкви и неведении?

После утрени я допущена была к исповеди, а после Божественной Литургии удостоилась принять Святые Тайны Христовы. Радостен и достопамятен был для меня день этот: я удостоилась стать дочерью истинной Церкви Христовой. Важны и достопамятны были и сказанные выше слова, потому что они постоянно мне твердили, что я имела страшный грех и, следовательно, должна постоянно молиться о том, чтобы Господь Бог простил его и даже не помянул.

А чтобы не быть в неведении, я решила учиться грамоте. Но кого взять в учителя? Кто решится учить уже довольно пожилую женщину? Жребий пал на старшего сына моего А. и он-то выучил меня чтению и письму, сколько мог передать, и сколько я могла понять. С тех пор и читаю Божественные книги и в них нахожу назидание и утешение, благодаря Бога, пославшего мне Свою неизреченную милость».

Так окончила дама свой рассказ, прибавив: «Господи, грех юности моя...» Я, в свою очередь, благодарил ее за интересную для меня историю жизни ее и просил позволения передать (если это можно будет) в назидание другим. «Хотя, — отвечала она, — истину эту и многие знают, есть даже в живых свидетели этого дивного случая, но прошу вас передать во всеуслышание по смерти моей».

На днях я узнал от почтенного сына ее, что она уже умерла («Странник», 1861).

Обращенный атеист (РАССКАЗ ЕЛИЗАВЕТЫ БОГДАНОВОЙ)

В городе Гродно есть явленный образ Остробрамской Божией Матери. Название свое эта икона получила от того, что явилась на остроконечном шпиге Остробрамских ворот города. Вскоре после явления последовало столько чудесных исцелений, что жители Гродно уверовали всей душой в свою небесную Покровительницу и до сих пор берегут с нелицемерной любовью данное им небом сокровище. Снимок с этой чудотворной иконы в первый раз увидела я в доме одной моей знакомой Б. О. Лопухиной. Велико было ее упование на святой образ, потому что в собственном семействе их совершилось чудо, имевшее огромное влияние на всю жизнь одного

из ее близких родственников.

Вот как передала она мне этот случай.

«Родственник мой по матери, В. И. К-н был честен, умен, образован, богат. Только недоставало самого благородного, лучшего свойства ума и сердца, — именно веры в Бога и любви к Нему. Все священное у него легко делалось предметом хулы и кощунства, он возмутительным образом открыто проповедовал свой атеизм. Счастливым и гордым своей завидной участью он забыл, что счастьем земному, как и горю, один и тот же исход, это могила, а за ней — вечная жизнь, в которой потребуются отчет в делах жизни временной. Страшно было нам слушать его безумные убеждения. Ни советы, ни просьбы — ничто не помогало, а судьба, как нарочно, баловала закошенного безумца. Все ему удавалось; жизнь его текла светло и ровно, ни одной, кажется, горькой минуты не выпадало на его долю, и оттого он не нуждался в защите и утешении ни от Бога, ни от людей. Но, должно быть, за добрые дела и непоколебимую веру давно умершей матери его, спасение несчастного безумца приняла на Себя Сама Матерь Божия. Она ходатайством Своим удерживала до известного времени справедливо карающую руку Своего возлюбленного Сына, желая чудесным образом обратить грешника на путь истинный. Наконец, настал час вразумления заблудшего. Получив отпуск, К-н (он был военный) проездом через Гродно был у одной из своих знакомых, которая занимала антресоли высокого трехэтажного дома. Комната, в которой они находились, выходила окнами на вымощенную диким камнем мостовую. С ними сидел у чайного стола с кренделем в руках трехлетний сын хозяйки. Представьте себе их ужас, — когда вдруг послышался страшный пронзительный крик: «Горим! Горим!» — а вместе с тем внизу видны были клубы черного, густого дыма, быстро разносимого ветром! Горел бельэтаж. О спасении не было возможности и думать: длинная, выкрашенная масляной краской лестница пылала уже в двух местах. И помощи им не от кого было ждать: вверху, кроме них троих, не было никого. И теперь-то, в первый раз в жизни болезненно забилося сердце К-на. Он до того растерялся, что даже забыл об угрожавшей им опасности. Но у хозяйки квартиры чувства материнской любви к сыну пересилили чувства ужаса и отчаяния: она схватила своего ребенка и со словами: «Матерь Божия, вручаю Тебе моего сына, спаси его!», — бросила его в окно на каменные плиты мостовой, а сама упала без сознания в той же комнате. Тут только К-н пришел в себя: «Помоги и мне, неверующему, да уверю в Тебя, Святая Заступница», — в свою очередь вскричал К-н и, подхватив безчувственную г-жу Н., бросился вниз по пылающим ступеням лестницы.

И спасла его Матерь Божия, не отринув мольбы грешника. Спасла не только тело его от временных страданий, но и душу от будущих вечных мук. Вполне вразумился К-н на мостовой, когда увидел невредимо сидящего и безпечно доедающего свой крендель ребенка. И дивное чудо! Младенец как будто не был брошен матерью с высоты третьего этажа, а бережно перенесен на мостовую. Пресвятая Дева сохранила и мать, с крепкою верою поручившую Ей своего младенца. С этой минуты Церковь приобрела себе верного сына в лице спасенного бо-гоотступника. К-н выменял себе небольшой из финифти образ Остробрамской Божией Матери и никогда с ним не разлучался. Образок этот спас его от смерти и в другой раз. Во время венгерской кампании в одном деле с неприятелем, в котором он участвовал, прямо направленная ему в грудь пуля отскочила, вдавив только немного в тело висевший у него на шее образок Богоматери. С тех пор К-н уже окончательно предался святому покрову Ее: он вступил в монашество и раскаяние его было так искренне, вера так глубока, что к нему, кажется, вполне могут быть применены Евангельские слова Самого Спасителя о жене грешнице: *отпущаются греси ея мнози, яко возлюби много* (Лк. 7, 47)» («Странник», 1867).

Дивный случай

В газете «Современные Известия», издававшейся несколько лет тому назад в г. Москве, некто

В. Казанцев передавал следующий примечательный случай.

Отец его был человеком, мало заботившимся о надлежащем исполнении религиозных обязанностей. Ему случайно пришлось попасть в скит Николаевской Песношской пустыни, верстах в восьмидесяти от Москвы. Дело было во время Успенского поста.

«Вхожу в храм, — рассказывал отец г. Казанцева, — вижу много говельщиков, беру свечку и дожидаюсь прибытия духовника. Наконец, в храм введен был под руку о. Савватий, управляющий скитом. Он был слеп. Как теперь вижу его словно восковое лицо и длинную, сильно пожелтевшую бороду. Сотворив обычное правило и приложившись к св. иконам, он надел епитрахиль и, введенный под руку послушником на амвон, стал на память громко читать молитву перед исповедью. На половине ее голос его прервался и он, сделав два земных поклона пред иконою Спасителя, снова начал читать. Но опять голос его прервался, тогда, обратись к народу, он сказал: «Чада святой матери Церкви! Меж нами есть один не сын ее. Подойдите каждый порознь и скажите ваши имена». Говельщиков было около шестидесяти человек; все подходили и говорили: Когда очередь дошла до меня, к только что сказал я свое имя, как лицо о. Савватия сделалось грозным: «Выйди вон, ты не сын Церкви, ты пренебрег Телом и Кровью Христовыми». Я стоял, как пораженный громом; в глазах у меня потемнело: не помню, как я вышел из церкви. После многих просьб моих о. Савватий согласился исповедать и приобщить меня, но с тем, чтобы я неделю провел с ним в его келье.

— Нечего и говорить, — заканчивает свой рассказ г. Казанцев, — что о пренебрежении к Святым Таинствам Церкви с тех пор и помину не было» («Кормчий», 1901).

Загробная стезя

Частный суд Божий над душами, по учению Церкви, предваряется истязанием, или испытанием их в так называемых мытарствах, через которые они проходят в области воздушной, и где злые духи, находясь в своей области (Еф. 6, 12), задерживают их и обличают все грехи, содеянные ими в жизни. Ученику преподобного Василия Нового (жившего в первой половине X века), Григорию, были открыты в видении обстоятельства смертного часа и хождения по мытарствам блаженной Феодоры.

Когда Григорий, просил ее рассказать о своей кончине и об обстоятельствах, сопровождавших ее смерть и последовавших за ней, то она с особенною подробностью поведала ему следующее: «Чадо Григорий! О страшной вещи спросил ты меня, о которой и вспомнать ужасно.

Когда настал час моей смерти, я увидела лица, которых никогда не видела, услышала глаголы, которых никогда не слыхала. Что скажу? Лютые и тяжкие бедствия, о которых я не имела понятия, встретили меня по причине дел моих; но молитвами и помощью отца нашего Василия я избавилась от них. Как рассказать тебе ту телесную боль, тягость и тесноту, которым подвергаются умирающие? Как бы кто совсем обнаженный, упав в великий пламень, горел, истаивал и обращался в пепел; так разрушается человек смертной болезнью в горький час разлучения души с телом.

Когда я приближалась к концу моей жизни, и наступило время моего преставления, тогда увидела я множество эфиопов, обступивших мой одр. Лица их были темны, как сажа и смола, глаза их — как каленые угли, видение так люто и страшно, как самая геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь как псы, иные выли, как волки. Смотря на меня, они ярились, грозили, устремлялись на меня, скрежеща зубами, и готовы были пожрать меня; между тем, как бы ожидая самого судию, долженствующего прийти, готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела. Убогая моя душа была объята великим страхом и трепетом. Не только томила меня горесть смертная, но и грозный вид и ярость страшных эфиопов были для меня как бы другою лютейшею смертью. Я отвращала мои очи во все стороны, чтобы не видеть страшных лиц их и не слышать голоса их, но не могла избавиться от них, — они всюду шатались; помогающего мне не было.

Когда я окончательно изнемогла, то увидела двух светлых Ангелов Божиих, в образе юношей невыразимой красоты, идущих ко мне. Лица их сияли, взор был исполнен любви; волосы их были как снег, белые с златовидным отблеском, одежды их сверкали, как молнии; они были препоясаны золотыми поясами. Приблизившись к одру моему, они стали по правую сторону его, тихо беседуя друг с другом. Увидев их, я возрадовалась и с приятностию смотрела на них.

Черные эфиопы содрогнулись и отступили несколько далее. Один из светоносных юношей, с гневом обращаясь к темным, сказал: «О, безстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем всегда предвеляете приход к умирающим, и молвою вашею устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но не очень радуйтесь, потому что здесь на найдете ничего. Есть Божие милосердие к этой душе, и нет вам в ней ни части, ни жребия». Когда Ангел перестал говорить, эфиопы зашатались, подняли крик и молву, начали показывать злые мои дела, содеянные от юности, и вопили: «Ничего в ней не имеем? А эти чьи грехи? Не она ли сделала то и то?». Так вопия, они стояли и ожидали смерти. И вот пришла смерть, рыкая как лев, видом очень страшная, человеческого подобия, но без тела, составленная из одних человеческих костей. Она принесла различные орудия к мучению: мечи, стрелы, копья, серпы, пилы, секиры и другие неведомые орудия. Узревши это, смиренная моя душа затрепетала от страха. Святые Ангелы сказали смерти: «Не медли, разреши эту душу от союзов плотских; скоро и тихо разреши: она не имеет много тяжести греховной». Смерть приступила ко мне, взяла малую секиру и отсекла мне ноги, потом руки; после другими орудиями расслабила мне все члены, отделив их по составам один от другого. Я лишилась рук, ног; все мое тело омертвело, и я уже не могла двигаться. Потом отсекла мне голову — я не могла приводить в движение головы моей, сделавшейся мне чужою. После этого она растворила в чаше какой-то состав и, приложив к устам моим, насильно напоила меня. Так горько было это питье, что душа моя не могла вынести его: содрогнулась и вышла из тела.

Светоносные Ангелы тотчас приняли ее на свои руки. Оглянувшись назад, я увидела лежащее мое тело бездыханным и недвижимым. Как бы кто, совлекшись одежды своей и кинувши ее, стоял и смотрел на нее; так и я смотрела на тело мое и удивлялась. В то время как святые Ангелы держали меня, демоны, бывшие в образе эфиопов, обступили нас, вопия: «Множество грехов имеет эта душа; пусть отвечает за них!» — и показывали грехи мои, а святые Ангелы начали искать добрые мои дела и обретали благодатию Божиею все, что при помощи ее сделано мною. Они собрали все, что я сделала когда-либо доброе: дала ли милостыню убогим, или накормила алчущего, или напоила жаждущего, или одела нагого, или странного ввела в дом и упокоила, или послужила рабам Божиим, или посетила больного и в темнице сидящего и утешила его; приходила ли с усердием в храм Божий и молилась с умилением и слезами, или внимательно слушала чтение и пение церковное, или приносила в храм ладан и свечи, или наполняла маслом церковные лампы на освещение святых икон и лобызала иконы с благоговением; или постилась и воздерживалась в среды, пятки и во все посты, или клала поклоны и ночь проводила в бдении, или воздыхала к Богу и плакала о грехах своих, или исповедовала грехи свои пред отцем духовным с сердечным сожалением о них и старалась делать за них удовлетворение; или сострадала страждущим, утешала плачущего и подавала ему руку помощи, споспешествовала кому в добром деле, а от худого отвращала; или сама отвращала очи мои от суеты и удерживала язык от клятвы, лжи, клеветы и суесловия, — и все иные, самые малейшие добрые мои дела, одно за другим, святые Ангелы собирали и готовили положить на весы против злых моих дел.

Эфиопы, смотря на это, скрежетали на меня зубами своими, потому что хотели тотчас вырвать меня из рук ангельских и низвести на дно ада. В это самое время нечаянно явился там преподобный Василий и сказал святым Ангелам: «Святые Ангелы! Эта душа много послужила к упокоению старости моей, а потому я молился о ней к Богу, и Бог даровал ее мне». Сказав это, он вынул из-за пазухи как бы мешочек с золотом и отдал его Ангелам со словами: «Вот сокровище

молитв пред Господом об этой душе! Когда будете проходить воздушные мытарства, и лукавые духи начнут истязать ее, то вы искупайте ее этим от долгов ее».

После сего ушел. Лукавые же духи, увидев дар преподобного Василия, сперва стояли в недоумении, потом подняли плачевные крики и сделались невидимы. Тогда снова явился угодник Божий Василий, неся с собою много сосудов чистого ея и драгоценного мира, которые все, один за другим, вылил на меня, отчего я исполнилась благоухания духовного и почувствовала, что я переменялась и сделалась очень светлою. И опять сказал Ангелам преподобный: «Когда вы, святые Ангелы, сделаете все, необходимое для этой души, тогда введете ее в приготовленную мне от Господа обитель, пусть там и остается». После сего стал невидимым; а святые Ангелы взяли меня, и мы по воздуху пошли на восток.

(Мытарство 1-е). Когда мы шли от земли к высоте небесной, то вначале встретили нас воздушные духи первого мытарства, на котором истязуются грехи празднословия, то есть бесед безрассудных, скверных, безчинных. Мы остановились, и пред нас вынесены были многие свитки, где записаны были все слова, произнесенные мною от юности моей непотребно и безрассудно, а особенно если они выражали что-нибудь срамное или кощунственное, как нередко бывает на языке людей молодых.

Я видела записанные там все свои бусловия, сквернословия, все мирские безстыдные песни, безчинные крики, смех и хохот. Всем этим злые духи обличали меня, указывая на время и место, когда, где и с кем занималась я суетною беседою и прогневала Бога своими непристойными словами. Я молчала, стыдилась и трепетала от страха, но Ангелы положили нечто из моих добрых дел, а недостающее восполнили из сокровища, подаренного преподобным Василием, и этим выкупили меня.

(Мытарство 2-е). Оттуда пошли мы выше и приблизились к мытарству лжи, на котором истязуется всякое слово ложное, то есть клятвопреступление, напрасное призывание имени Божия, лжесвидетельство, неисполнение данных Богу обетов* неискреннее и неистинное исповедание грехов и тому подобное. Духи этого мытарства злы и свирепы; они остановили нас и начали подробно испытывать. Но я обличена была только в двух: первое, что случилось мне иногда солгать в неважных вещах, и я даже не считала того за грех; второе, что из ложного стыда я, бывало, неискренно исповедовалась пред отцем моим духовным. А клятвопреступлений, лжесвидетельств и тому подобных беззаконий не нашли во мне, по милости Христовой. Святые Ангелы на этом мытарстве против моих грехов положили нечто из моих добрых дел, а более молитвы духовного отца моего выкупили меня, — и мы пошли выше.

(Мытарство 3-е). Достигли мы мытарства, истязующего осуждение и клевету. Тут остановили нас, и я уразумела, как тяжок грех осуждения ближнего, и как велико зло клеветать на кого-либо, осуждать, безславить, хулить, браниться и смеяться над чужими недостатками. Таких грешников лютые истязатели истязуют, как антихристов, предвосхитивших себе право суда над другими. Но во мне, по благодати Христа, немного нашли этих грехов, потому что я во все дни жизни моей прилежно старалась никого не осуждать, ни на кого не клеветать, ни над кем не смеяться и не бранить никого. . Только иногда, слушая иных, как они- осуждают, клеветают или смеются над кем-нибудь, случилось и мне немного соглашаться с ними мысленно или, по неосторожности, прибавить свое слово, и тотчас зазирала себя и останавливалась; но и самое поползновение истязатели вменили мне в осуждение и клевету. И тут Ангелы выкупив меня дарованием молитв преподобного Василия и пошли со мною выше.

(Мытарство 4-е). Дошли мы до мытарства чревоугодия, и тотчас выбежали навстречу злые духи в надежде найти добычу себе. Лица их были скаредные, похожие на лица сластолюбивых обжор и мерзких пьяниц. Обойдя нас, как псы, они тотчас показали счет всех случаев обжорства, когда я тайно еда или сверх нужды, или с утра, не помолившись и не оградив себя крестным знаменем, принималась за пищу, или во святые посты ела до совершения церковного

богослужения. Представили и все случаи моего пьянства, даже показывали те самые чаши, рюмки и прочие сосуды, из коих я упивалась в такое-то время, на таком-то пиру, с такими-то собеседниками. И всякое мое чревоугодие до подробности поставили на вид и радовались, как бы уже получив меня в свои руки. Я трепетала, видя такое обличение, и не знала, что отвечать вопреки. Но святые Ангелы, вынудив довольно из дарования преподобного Василия, положили то против моих грехов и выкупили меня. Увидев выкуп, злые духи вскричали: «Горе нам! Пропали наши труды и надежды!» — и бросили на воздух свои записки о моем чревоугодии, а я радовалась, — и мы пошли далее.

Когда мы шли, святые Ангелы беседовали между собою так: «Истинно великую помощь эта душа имеет от угодника Божия Василия, и если бы не его молитвы, то много нужды претерпела бы она в воздушных мытарствах». А я, осмелев, сказала им: «Мне кажется, святые Ангелы, что никто из живущих на земле не знает, что здесь происходит и что ожидает душу по смерти». Но Ангелы отвечали мне: «А разве не свидетельствует обо всем этом Божественное Писание, читаемое в храмах и проповедуемое священнослужителями? Только люди, пристрастившиеся к земной суете, небрегут о том, и, считая величайшим удовольствием ежедневное объядение и пьянство, всегда едят без меры и упиваются, забыв страх Божий. Имея чрево свое вместо Бога, они не помышляют о будущей жизни и не припоминают себе сказанного в Писании: *Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете* (Лк. 6, 25).

Впрочем, кто из них милостив и милосерд к нищим и убогим и помогает требующим помощи, тот легко получает от Бога прощение грехов своих и ради милосердия своего к ближним проходит мытарства без остановки. Сказано в Писании: *милостыня бо от смерти избавляет и тая очищает всяк грех; творящий милостыни и правды исполнятся жизни* (Тов. 12, 9). А кто не старается милостынями очищать грехи свои, тому невозможно избегнуть темных мытарей, которые низводят их в ад и держат в узах до страшного суда Христова. И тебе не избежать бы здесь лютой участи, если бы не получила ты сокровища молитв преподобного Василия».

(Мытарство 5-е). В такой беседе мы достигли мытарства лености, где истязуются грешники за все дни и часы, проведенные в праздности. Тут же задерживаются тунеядцы, жившие чужими трудами, а сами не хотевшие трудиться, и наемники, бравшие плату, но не исполнявшие обязанностей, принятых на себя. Там же истязуются и те, кои нерадят о прославлении Бога, ленятся в праздничные и воскресные дни ходить в храм на утреннее богослужение, на Божественную Литургию и другие священные службы. Там же испытывается вообще уныние и небрежение как мирских, так и духовных людей, и разбирается нерадение каждого о душе своей, - и многие оттуда низводятся в пропасть. И я была там много испытываема, и нельзя бы мне было освободиться от долгов, если бы святые Ангелы не восполнили моих недостатков дарами преподобного Василия.

(Мытарство 6-е). Оттуда пришли мы к мытарству воровства, где хоть и были остановлены на некоторое время, но, дав немного выкупа, пошли далее: потому что не обрелось на мне воровства, кроме весьма маловажных случаев в моем детстве, происшедших - от неразумия.

(Мытарство 7-е). Мытарство сребролюбия и скупости прошли мы без задержки, потому что я, по милости Божией, никогда в жизни моей не заботилась о многом приобретении и не была сребролюбива, довольствовалась тем, что Бог давал, и не была скупой, но, что имела, усердно раздавала нуждающимся.

(Мытарство 8-е). Поднявшись выше, мы встретили мытарство лихоимания, где истязуют дающих деньги за противозаконные проценты, и всех других, наживающихся засчет своих ближних, взяточников и присвоителей чужого. Истязатели, не сыскав на мне лихоимства, скрежетали зубами от досады, а мы, благодаря Бога, пошли выше.

(Мытарство 9-е). Перед нами открылось мытарство неправды, где истязуются неправедные судьи, из корысти оправдывавшие виновных и осуждавшие невинных, также люди, не дающие

наемникам условленной платы, или в торговле употребляющие неправильный вес или меру, и вообще все, делающие какую-нибудь несправедливость. Но мы, по милости Божией, прошли это мытарство безбедно и очень мало дали для искупления моих грехов.

(Мытарство 10-е). Мытарство зависти мы прошли ничего не заплатив, потому что я никогда не завидовала. Тут же истязуют за нелюбовь, братоненавидение, недружелюбие и ненависть; но, по милосердию Христа, Бога нашего, я оказалась невинною в этих грехах, и хотя видела ярость бесов, но уже не боялась их, и мы, радуясь, пошли выше.

(Мытарство 11-е). Прошли мы и мытарство гордости, где надменные духи истязуют за тщеславие, самонадеянность, презрение к другим и величание; тут истязуются души людей и за невоздаяние должной чести родителям, правительству и начальству, поставленным от Бога, и неповиновение им. Мы тут очень мало положили для моего искупления, и я была свободна.

(Мытарство 12-е). Восходя дальше к небу, мы встретили мытарства гнева и ярости. Счастлив человек, который, живя, не испытывал гнева. И вот опять старейший из злых духов находился здесь и сидел на престоле, исполненный гнева, ярости и гордости. Он с яростью и гневом приказал находящимся тут слугам своим мучить и истязать меня. Последние, облизываясь как псы, начали доносить на меня не только все то, что я действительно когда-нибудь с яростью или гневом сказала, или кому словом повредила, но и то, что я когда-то с гневом посмотрела на своих детей или строго наказала их. Все это они представили очень живо, указав даже время, когда что происходило, на тех лиц, на которых я когда-то свой гнев изливала, и, повторив даже подлинные мои слова, которые я тогда произносила, сказали, при каких людях это было мною произнесено. На все это Ангелы отвечали, дав из ковчежца, и мы отправились выше.

(Мытарство 13-е). За сим открылось пред нами мытарство злопамятства, где без милосердия испытуются те, которые в сердцах своих питают злобу на ближнего и воздают злом за зло. Милосердие Господне и здесь спасло меня, потому что ни против кого не злобствовала и не помнила нанесенных мне обид, а, напротив, всегда, по силе, оказывала любовь и незлобие к обижавшим меня, побеждая зло добром. Мы здесь ничего не заплатили и, радуясь о Господе, пошли далее.

Тогда я осмелилась спросить ведущих меня Ангелов: «Скажите мне, откуда эти страшные властители воздушные знают так подробно все злые дела людей" и не только явные, но и тайные?». Ангелы отвечали мне так: «Всякий христианин после святого Крещения получает от Бога приставленного к нему Ангела-хранителя, который, невидимо храня человека, наставляет его днем и ночью на всякое доброе дело и записывает все добрые дела его, за которые человек мог бы получить от Господа милость и вечное воздаяние в Царстве Небесном. И князь тьмы, желающий привлечь к гибели весь род человеческий, также назначает одного из лукавых духов, и он, ходя вслед за человеком, замечал все злые дела его и, поощряя его своими кознями к таким делам, записывал все худое, что человек сделает. Такой лукавый дух разносит по мытарствам все грехи человека, и оттого они известны воздушным князьям. Когда же душа разлучается и хочет идти к Создателю своему на небо, то лукавые духи возбраняют это, показывая ей содеянные ею грехи, и если душа имеет более добрых дел, чем грехов, то они не могут удержать ее; а если грехов найдется больше, чем добрых дел, то они удерживают душу на некоторое время, затворяют ее в темнице неведения Бога и мучат, сколько сила Божия позволит им мучить ее, пока та душа посредством молитв Церкви и милостыни ближних не получит прощения.

Люди, верующие в Святую Троицу, приобщающиеся как можно чаще Святым Тайн Тела и Крови Христа Спасителя, прямо восходят на небо, без всяких препятствий, а святые Ангелы являются защитниками, и святые угодники Божий молятся о спасении душ таких праведно проживших людей. О злочестивых же и зловерных еретиках, которые не совершают в жизни своей ничего полезного, которые живут одним неверием и ересью, никто не заботится и в защиту

их ничего Ангелы не могут сказать.

Если же какая душа окажется такою грешною и нечистою пред Богом, что не будет для нее никакой надежды спасения, то злые духи тотчас низводят ее в бездну, где и для них самих уготовано место вечного мучения. Там погибшие души содержатся до Второго пришествия Господня, а потом, по соединении со своими телами, будут с дьяволами мучиться в геенне огненной. И то еще заметь, — сказали Ангелы, — что этим путем восходят и подвергаются испытанию в мытарствах только те, которые просвещены верою и святым Крещением, а неверующие сюда не приходят, потому что еще до разлучения от тела душами своими принадлежат аду, и когда умирают, то бесы без всякого испытания берут их души, как свою надлежащую добычу и низводят в пропасть».

(Мытарство 14-е). Беседуя так, мы достигли мытарства убийства, на котором истязуют не только за разбой, но и за всякую рану, за всякий удар, нанесенный ближнему, за пихание со гневом и толчки. Мало дав тут, мы пошли далее.

(Мытарство 15-е). Прошли мимо мытарства чародейства, обаяния, отравления, призывания бесов. Здешние духи видом похожи на гадин, змей и жаб, страшны и отвратительны. По милости Божией во мне не нашли они ничего, и мы пошли далее, провожаемые криком демонов: «Вот, придешь в мытарство блуда, увидим, как освободишься оттуда!».

Когда мы поднимались выше, я осмелилась спросить святых Ангелов, все ли христиане проходят через эти мытарства, и нет ли возможности пройти мытарства без истязания и испытания? Ангелы отвечали: «Нет иного пути для душ, восходящих на небо; все идут этою дорогою, но не все бывают истязуемы, как ты, а только подобные тебе грешники, которые творили не полное исповедание грехов своих, из ложного стыда утаивая пред отцем духовным срамные дела свои. Ибо кто чистосердечно рассказывает на исповеди все свои худые дела, и жалеет и кается о сделанном, того грехи невидимо заглаживаются Божиим милосердием. И когда такая покаявшаяся душа приходит сюда, воздушные истязатели, разогнувши свои книги, не находят в них ничего записанного, и такая душа, радуясь, восходит к Престолу Божию».

Духи злые, которые тоже находятся в мытарствах, раскрыв свои писания, ничего в них не находят, ибо Святой Дух делает невидимым все написанное. Духи злые видят это, они знают, что все записанное ими изглажено благодаря исповеди, и очень скорбят тогда. Если человек еще жив, то они стараются снова на этом месте вписать какие-нибудь другие грехи.

Поистине велико спасение человека в исповеди!.. Она спасает его от многих бед и несчастий, дает возможность беспрепятственно пройти все мытарства и приблизиться к Богу. Иные не исповедуются в надежде, что будет еще время и для спасения, и для оставления грехов; иные просто стыдятся на исповеди высказать духовнику свои грехи, — вот такие-то люди будут испытаны в мытарствах строго. Есть и такие, которые стыдятся все высказать одному духовному отцу, а избирают нескольких, и одни грехи одному духовнику открывают, другие — другому и так далее; за такую исповедь они будут наказаны и немало претерпят при переходе из мытарства в мытарство.

Если б и ты сотворила совершенную исповедь о твоих грехах и получила в них разрешение, стараясь потом сделать возможное за них удовлетворение добрыми делами, то не подверглась бы этим грозным истязаниям в мытарствах. Впрочем, тебе много помогло то, что ты давно уже перестала грешить смертно и прочие лета жизни своей проводила добродетельно, а особенно помогли тебе молитвы преподобного Василия, которому ты много и усердно послужила».

(Мытарство 16-е). Беседуя таким образом, мы подошли к мытарству блуда, на котором истязуется не только всякое любодейние, но и блудные мечты, мысленное услаждение, блудные воззрения, порочные осязания и страстные прикосновения. Князь этого мытарства был облечен в нечистую и смрадную одежду, запачканную кровавой пеной, и множество бесов стояло около него. Увидев меня, они удивились, что я успела уже пройти столько мытарств, и вынесли записи

о всех моих блудных делах. Бесы обличали меня, указывая на лица, на места, на время — с кем, когда и где я грешила в юности моей. Я молчала и трепетала от стыда и страха; но святые Ангелы сказали бесам: «Она давно уже оставила блудные дела, и последнее время жизни своей провела в чистоте, воздержании и посте». А бесы отвечали: «И мы знаем, что она давно уже перестала грешить, но не искренно исповедовалась пред своим духовным отцом и не получила от него надлежащей заповеди об удовлетворении за грехи, потому она наша! Или оставьте ее нам, или выкупите добрыми делами». Ангелы положили много из моих добрых дел, а еще больше от дарования преподобного Василия, и едва я избавилась от лютой беды.

(Мытарство 17-е). Дошли мы до мытарства прелюбодеяния, где истязуют грехи людей, живших в супружестве, но не хранивших супружеской верности друг другу и не соблюдавших ложа своего нескверным, а также блудные похищения и насилия. Здесь же строго истязуются блудные грехопадения лиц, посвятивших себя Богу и обещавших жить для Христа, но не соблюдавших чистоты. И я много должна была на этом мытарстве; лукавые духи уже обличили меня и хотели вырвать из рук Ангелов, но Ангелы долго спорили с ними, представляя все мои последующие труды и подвиги, и едва искупили меня — не столько моими добрыми делами, которые положили тут все до последнего, сколько сокровищем отца моего Василия, из которого также очень много положили на весы против моих беззаконий, и, взяв меня, пошли далее.

(Мытарство 18-е). Приблизились мы к мытарству содомских грехов, на котором истязуются всякие противоестественные грехи, кровосмешения и другие скверные дела, совершаемые тайно, о коих даже и вспомнить стыдно и страшно. Князь этого мытарства был мерзостнее всех бесов, выпачкан гноем и смрадом, таковы же были и слуги его; смрад от них был нестерпим, злообразие невообразимо, ярость и лютость невыразима. Они окружили нас, но, по милости Божией, ничего не найдя во мне, побежали от нас со стыдом, а мы пошли дальше.

И сказали мне святые Ангелы: «Ты видела, Феодора, страшные и мерзкие мытарства блудные! Знай же, что мало какая душа проходит их без остановки и выкупа, потому что весь мир лежит во зле соблазнов и скверны, и все люди сластолюбивы. Мало кто бережет себя от нечистот блудных и умерщвляет в себе похоть плотскую. Потому и мало кто проходит тут свободно: весьма многие, достигнув блудных мытарств, здесь погибают. Начальники блудных мытарств хвалятся, что они более всех здешних истязателей наполняют душами людей огненную пропасть ада. А ты, Феодора, благодари Бога, что уже прошла блудные истязания, по молитвам преподобного Василия, отца твоего, и более не увидишь страха».

(Мытарство 19-е). После сего мы подошли к мытарству ересей, где истязуются неправые мудрования о вере, отступничество от православного исповедания веры, неверие, сомнения в вере, порицание святыни и прочее тому подобное. Я прошла это мытарство без испытания, и вот мы уже были недалеко от врат небесных.

(Мытарство 20-е). Но нас встретили злобные духи последнего мытарства — немилосердия и жестокосердия. Жестоки тут истязатели, и князь их лют, с виду сухой и унылый. Тут без милости истязуются души немилосердые. Если бы ты и самые великие подвиги нес, изнурял себя постами, непрестанно молился и сохранял чистоту телесную, но был немилостив, таковой из этого мытарства низвергается в адскую бездну и не получит милости вовеки. Но мы, благодатию Христовою, прошли безбедно через это место, при помощи молитв преподобного Василия.

И вот приблизились к вратам небесным; вошли в них, радуясь, что благополучно прошли горькие испытания в мытарствах. Врата эти были, как хрусталь, а здания, которые здесь находились, блистали, как звезды. Стоявшие тут юноши в золотых одеждах с радостью приняли нас, увидев, что душа избежала горьких испытаний воздушных мытарств...

Когда мы шли внутри неба, веселясь и радуясь о спасении, вода, бывшая над землей, расступилась, а позади снова соединилась. Пришли мы на одно страшное место; здесь были юноши очень красивые, в огненных одеждах. Увидев, что Ангелы несут меня, они встретили нас,

радуясь тому, что душа моя спасена для Царствия Божия; они шли вместе с нами и пели Божественную песнь.

Когда мы шли, то сначала одно облако спустилось на нас, а затем другое; пройдя еще немного, мы увидели высоту необъяснимую; на ней был престол Божий, весьма белый, просвещающий всех, стоящих перед ним. Вокруг него стояли юноши весьма красивые, блиставшие, одетые в красные одежды, и что тебе, чадо мое Григорий, рассказать об этом?.. Все там находится такое, что невозможно ни понять, ни объяснить; ум омрачается недоумением, и память исчезает, и я забыла, где я нахожусь.

Святые Ангелы подвели меня к Престолу Божию, и я поклонилась невидимому Богу; затем услышала голос, говорящий: «Пройдите с нею и покажите ей все души праведных и грешных и все обители святых, находящиеся в раю, и нечестивых в преисподних ада, и потом дайте ей покой, где укажет угодник Мой Василий».

Мы отправились по неведомому пути и пришли в обитель святых. Что о них скажу? Нахожусь в недоумении... Там были различные палаты, искусно и красиво устроенные; конечно, они сотворены рукою Божию, как говорится в Писании: «На месте хладне, на месте злачне, на месте покойне».

Видя все это, я изумилась, была весьма весела и с радостью на все смотрела. Святой Ангел, показывая мне, пояснял: «Это — обитель апостолов, а то — пророческая и иных мучеников, а другие обители — святительские, преподобных и праведников». Все они были подобны царскому городу.

Когда мы вошли внутрь и очутились посреди этих прекрасных обителей, то святые встретили нас и облобызали. Все здесь было полно славы и радости духовной, благовонных цветов, мира и аромата.

Были здесь палаты различные, устроенные только Духом Божиим. Там мы увидели множество младенцев, ликующих и веселящихся. Я спросила водивших меня Ангелов: «Что это за собор светоносных младенцев, ликующих вокруг этого святого старца?». Мне Ангелы отвечали, что это патриарх Авраам, а собор младенцев — суть христианские младенцы.

Затем мы отправились осматривать окрестности рая, красоту которых просто невозможно описать. Если я начну все рассказывать о том, что я видела и слышала, то на меня нападет страх и трепет.

Затем меня повели в преисподнюю, где Господь заключил сатану, связав его. Там видела я ужасные муки. Оттуда меня повели на запад, и там я видела такие же страшные муки, которые приготовлены для грешников. Все это показывали мне Ангелы, говоря: «Видишь, от каких бедствий ты спасена, благодаря молитвам святого угодника».

В страшных муках грешники кричали и молили о помиловании их. Я видела многие мучения, о которых тяжело и рассказывать.

Когда мы прошли все это и рассмотрели, то один из Ангелов, сопровождавших меня, сказал: «Знаешь, Феодора, что в мире есть обычай: в сороковой день после смерти оставшиеся - в живых творят память по умершим; так вот там, на земле, сегодня поминает тебя Василий преподобный».

Итак, теперь, духовное чадо мое, Григорий, после сорока дней разлучения моей души с телом, я нахожусь в этом месте, которое уготовано для преподобного отца нашего Василия. Ты еще в мире и преподобный Василий тоже; он наставляет всех, приходящих к нему, на путь истины и, заставляя покаяться, многих обращает ко Господу.

Иди за мной, мы войдем во внутренний мой покой, в котором я нахожусь, и ты рассмотришь его. Здесь недавно, перед твоим приходом, был преподобный Василий*. Я пошел за ней, и мы вместе вошли туда. Когда мы шли, то я видел, что ее ризы были белы, как снег.

Мы вошли во дворец, который был украшен золотом; посреди него были различные деревья с прекрасными плодами и, посмотрев на восток, я увидел роскошные палаты, светлые, высокие.

Здесь был большой трапезный стол, на котором стояли золотые сосуды, весьма дорогие, вызывающие удивление. В сосудах этих находились овощи разных сортов, от них исходили прекрасные благовония.

Здесь был и преподобный Василий. Он сидел на чудном престоле. Здесь же возле трапезы стояли люди, но не такие, какие живут на земле и имеют тело, нет! Эти были окружены как бы солнечными лучами, только образ человеческий имели они.

Когда ели от трапезы этой, то она снова наполнялась. Всем им прекрасные юноши подавали кушанья. Когда кто из возлежащих за трапезой желал пить, то, вливая питье в уста свои, испытывал сладость духовную. Долгие часы они проводили за трапезой. Служившие же им юноши были препоясаны ремнями золотыми, а на главах их были венцы, сделанные из дорогого камня.

Феодора, подойдя к преподобному, молила его обо мне. Преподобный, посмотрев на меня, с радостью подозвал к себе. Я приблизился, поклонился ему, по обычаю, до земли. Он тихо сказал мне: «Бог помилует тебя и простит, чадо мое!.. Он — Всемилостивый наградит тебя всеми небесными благами». Подняв меня с земли, он продолжал: «Вот Феодора. Ты так сильно желал ее видеть, и так сильно просил меня об этом; вот ты ее теперь видишь, где она, и какой чести сподобилась ее душа в этой загробной жизни; смотри же теперь на нее».

Феодора, с радостью посмотрев на меня, сказала: «Брат Григорий! Милостивый Господь за то, что ты думал обо мне смиренно, исполнил твое желание, благодаря молитве преподобного отца нашего Василия».

Преподобный, обратившись к Феодоре, сказал ей: «Иди с ним и покажи сад мой: пусть увидит красоту его». Взяв меня за правую руку, она привела меня к стене, в которой были золотые ворота и, открыв их, ввела меня внутрь сада. Я увидел там замечательно красивые деревья; листья на них были золотые, они были украшены цветами и издавали необыкновенно приятное благоухание.

Таких прекрасных деревьев было бесчисленное множество; их ветви преклонялись до земли от тяжести плодов. Меня все это поразило. Феодора, обратившись ко мне, спросила: «Чему ты удивляешься?.. Вот, если бы ты видел сад, который называется раем, который насадил Сам Господь на востоке, как бы тогда удивился! Наверно ты поражен был бы его величием и красотой; этот против рая — ничто».

Я умолял Феодору сказать мне, кто насадил этот сад. Подобного я никогда не видел... Она отвечала, что я не мог видеть ничего подобного, так как я нахожусь еще на земле, а здесь все неземное, и жизнь они здесь все проводят неземную.

Только жизнь полная трудов и пота, которую проводил преподобный отец наш Василий от юности до глубокой старости, только усиленные молитвы и лишения, какие он переносил, спав на голой земле, претерпевая часто зной и мороз, питаясь подчас только одной травой, прежде чем вошел он в Константинополь, — только такая жизнь подвижническая послужила во спасение ему самому и через него многим из людей; только за такую жизнь и за молитвы подобных подвижников Бог дает в загробной жизни эти обители.

Кто в земной своей жизни много переносит скорбей и напастей, кто оберегает строго заповеди Господни и в точности выполняет их, тот получает награду и утешение в жизни загробной. Святой псалмопевец Давид сказал: «Плоды трудов своих снеси».

Когда Феодора сказала, что жизнь на небе отличается от жизни земной, то я невольно осязал себя, как будто желая узнать, во плоти ли я еще и, конечно, убедился в этом. Чувства и помыслы мои были чисты и дух мой радовался всему, виденному мною. Я захотел возвратиться во дворец теми же воротами, через которые вошел. Войдя туда, я за трапезой никого не нашел.

Поклонившись Феодоре, я возвратился домой, и в это самое мгновение я проснулся и размышлял: где я был, что было все то, что я видел и слышал.

Встав с одра своего, я отправился к святому Василию, чтобы от него узнать, было ли это видение от Бога или от бесов. Придя к нему я, по обычаю, поклонился до земли. Он благословил меня, приказал сесть вблизи себя и спросил: «Знаешь ли, чадо, где ты был в эту ночь?».

Представившись незнающим, я отвечал: «Нигде, отче, я не был: я спал на своем одре». Преподобный сказал: «Верно, ты действительно телом почивал на своем одре, но духом ты был в другом месте и знаешь все, что показано тебе в эту ночь».

Ты видел Феодору; когда ты подходил к вратам Небесного Царства, она тебя встретила с радостью, ввела внутрь этого дома, показала тебе все, рассказала о своей смерти и о всех мытарствах, которые прошла.

Не по моему ли велению ты пошел во двор, где видел чудную трапезу и дивное устройство ее; не ты ли видел там овощи: какова их сладость, каковы цветы, каково питье, и какие юноши служили у трапезы?

Не стоял ли ты, смотря на красоту этих палат?.. Когда я пришел, не показал ли я тебе Феодору, которую ты так желал видеть, чтобы от нее узнать, что она удостоилась получить за свою благочестивую жизнь?

Не взяла ли она тебя, по повелению моему, и не она ли ввела во святой град?.. Не это ли было в видении твоём в сию ночь? Как же ты говоришь, что ничего этого не видел?». Когда я услышал это от святого, то уже нисколько не сомневался, что это было не мечтание, что это был не сон, но действительное видение, посланное Господом Богом.

Я размышлял сам с собою: как велик у Бога сей праведник, который был там и телом и душой, и все виденное и слышанное мною он знает. Я прослезился и сказал: «Правда, святой отче, все было так, как ты рассказывал, и я благодарю Человеколюбца Владыку, Господа нашего Иисуса Христа, сподобившего меня видеть все это, насладиться видением таких великих чудес и наставившего меня прибегнуть к тебе, чтобы постоянно находиться под охраной твоих молитв».

Святой сказал мне: «Если, чадо Григорий, ты совершишь свой жизненный путь правильно, не уклоняясь от Божественных заповедей, то после смерти злые духи, живущие в мытарствах воздушных, ничего не успеют сделать тебе, как ты сам слышал от Феодоры; пройдя мытарства, ты будешь блажен и будешь принят с радостью там, где был недавно духом и где видел Феодору, где и я, многогрешный, надеясь на Христа, обещавшего мне даровать Свою благодать, думаю получить виденную тобою обитель».

Слушай, чадо, что я говорю тебе, но сохрани тайну отца твоего, так как я хочу раньше тебя умереть, а затем уже ты последуешь за мной, спустя долгое время, воспитав себя в добром деле, как сказал мне Господь».

Соблюдай все, сказанное мною, пока я жив, чтобы никто не узнал ничего из слышанного тобой».

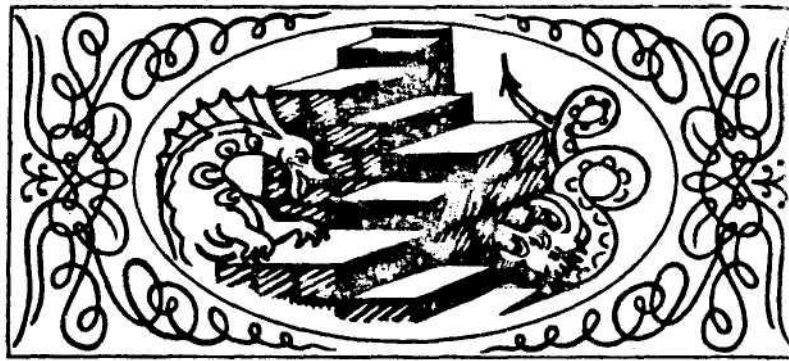
Ты же, если хочешь потрудиться и мою скромную жизнь не без памяти оставить, как в обычае вообще описывать жизнь тех, которые подвизались в добродетелях, то опиши ее».

Опиши, собственно, не мою жизнь, но ту божественную благодать, которая меня наставляла и укрепляла в течение всей моей жизни, которая давала мне возможность творить не только добрые дела, но и чудеса».

Ты воспроизведи все, виденное тобой и слышанное, чтобы и читающим и слушающим все послужило на пользу. Прежде же всего передай в своем писании, что Господь, если захочет, всем содействует и совершает великие чудеса, и об этих-то чудесах, тобой виденных, расскажи все по порядку, чтобы узнавшие прославили Бога, щедро в благих делах».

Береги себя от сетей лукавого во всякое время дня и ночи, пока не призовет тебя Господь».

Преподобный, рассказав мне об этом и еще о многом другом, совершил молитву и отпустил меня. («Четьи-Минеи», 26 марта).



Учение о мытарствах

Правосудие Божие совершает суд над христианскими душами, отшедшими из тел своих, посредством Ангелов — как святых, так и злых. Первые, в течение земной жизни человека замечают все его добрые дела, а вторые замечают все его худые дела. Когда душа христианина начинает восходить к небу, руководимая святыми Ангелами, тогда темные духи представляют ей грехи ее, не изглаженные покаянием.

Сущность учения о мытарствах можно видеть в Слове святого Кирилла, архиепископа Александрийского, об исходе души, которое обыкновенно печатается при одной из книг церковных — «Следованной Псалтири».

«При разлучении души нашей с телом, — говорится здесь, — предстанут пред нами, с одной стороны, воинства и силы небесные, с другой — власти тьмы, злые миродержители, воздушные мытареначальники, истязатели и обличители наших дел... Узрев их, душа возмутится, содрогнется, вострепещет и в смятении и ужасе будет искать себе защиты у Ангелов Божиих, но, и будучи принята святыми Ангелами и под кровом их протекая воздушное пространство и возносясь на высоту, она встретит различные мытарства (как бы некие заставы или таможни, на которых взыскиваются пошлины), кои будут преграждать ей путь в Царствие, будут останавливать и удерживать ее стремление к оному.

На каждом из сих мытарств востребуется отчет в особенных грехах. Первое мытарство — грехов, совершаемых посредством уст и языка; второе мытарство — грехов зрения; третье мытарство — грехов слуха; четвертое мытарство — обоняния; пятое мытарство — всех беззаконий и мерзких дел, учиненных посредством рук. К дальнейшим мытарствам относятся прочие грехи: злоба, ненависть, зависть, тщеславие и гордость... Кратко сказать, — каждая страсть души, всякий грех подобным образом будут иметь своих мытарей и истязателей. При этом будут присутствовать и божественные силы, и сонм нечистых духов: и как первые будут представлять добродетели души, так последние — обличать ее грехи, учиненные словом или делом, мыслью или намерением. Между тем, душа, находясь среди них, будет в страхе и трепете волноваться, пока, наконец, по своим поступкам, делам и словам или будучи осуждена, заключится в сковы, или, будучи оправдана, освободится (ибо всякий связывается узами собственных грехов). И если за благочестивую и богоугодную жизнь свою она окажется достойною, то ее воспримут Ангелы, и тогда она уже неизбежно потечет к Царствию, сопровождаемая святыми силами... Напротив, если окажется, что она проводила жизнь в нерадении и невоздержании, то услышит страшный голос: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10), тогда оставят ее Ангелы Божий и возьмут страшные демоны; и душа, связанная неразрешимыми узами, низвергнется в страну мрачную и темную, в места преисподние, в узилища подземные и темницы адские...

Нельзя изъяснить крайнего одного бедствия; невозможно изречь тех болезней, которыми

поразятся души, там пребывающие и заключенные; никакие уста человеческие не в силах выразить их страха и трепета и никакое слово человеческое не в состоянии изобразить плачевного их положения. Они будут стенать непрестанно и непрерывно, и никто их не помилует; будут взывать из бездны и никто их не услышит.

Тогда — где похвалы мира сего? Где тщеславие? Где пища, где наслаждение? Где довольство и пресыщение? Где мечтательные планы? Где покой? Где мир? Где благодарение? Где красота? Где мужество плоти? Где красота женская, обманчивая и губительная? Где дерзость бесстыдная? Где красивые одежды? Нечистая и гнусная сладость греха? Где водимые мерзкою мужеложественною страстию? Где помазывающие и окуривающие себя миром и благовониями? Где пирующие с тимпанами и гусями?

Куда скрылось высокомерие живших без всякой боязни? Где пристрастие к деньгам и имуществу и происходящее от них немилосердие? Где безчеловечная гордость, гнушающаяся всеми и внушающая уважать только одного себя? Где пустая и суетная человеческая слава? Где нечистота и ненасытное вожделение? Где величие и господство? Где царь? Где князь? Где настоятель? Где начальник? Где гордящиеся множеством богатства своего, несострадательные к нищим и Бога презирающие? Где театры, зрелища и увеселения? Где кощунники, смеходеи и насмешники и безпечально живущие? Где мягкие одеяния и мягкие постели? Где высокие здания и широкие ворота? Где пожившие в безстрашии?

Тогда, увидев себя без всего, ужаснутся; ужаснувшись, воскликнут; смутившись, подвигнутся; трепет обнимет их и болезни, как рождающую, и, уносимые бурным вихрем, сокрушатся. Где мудрость мудрых, благоязычие ораторов и суетная ученость? Увы, *смятошася, подвигошася, яко пияный, и вся мудрость их поглощена* (Пс. 106, 27). *Где мудрец, где книжник? где со-вопросник века сего?* (1 Кор. 1, 20).

О, братья, помыслите, каковым подобает быть нам, имеющим отдать подробный отчет в каждом поступке нашем, и великом и малом. Даже за каждое праздное слово мы дадим ответ Праведному Судии (Мф. 12, 36). С другой стороны, каковыми надобно быть нам на тот час для получения милости у Бога, чтобы при разлучении нас друг от друга стать одесную Царя Небесного? В какой степени нам нужно приготовиться к той неизглаголанной радости, чтобы услышать сладчайший глас Царя царствующих к тем, которые будут по правую сторону Его: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). Тогда наследуем блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9); и тогда-то уже не будет тревожить нас никакая печаль, никакая болезнь и опасение. Будем чаще помышлять об этом.

Будем представлять себе и безконечную муку грешников и то, какой они будут испытывать стыд пред праведным Судиею, когда, приведенные на страшное судилище, не будут в состоянии сказать ни одного слова в свое оправдание. Какому подвергнутся сраму, когда будут отделены на левую сторону Царя! Какой мрак покроет их, когда Господь *возглаголет к ним гневом Своим и яростию Своею смятет я* (Пс. 2, 5), когда скажет « ним: *Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его.* (Мф. 25, 41).

Увы мне, увy мне! Какая скорбь и болезнь, какая теснота, какой страх и трепет обнимет дух их, когда услышат грозный глас всех сил небесных: *Да возвратятся грешницы во ад* (Пс. 9, 18). О горе, горе! Какой поднимут плач, вопль и рыдание ведомые на горькие вечные муки! Как будут стонать, биться и терзаться!

Увы мне, увy мне! Каково то место, где плач и вопли, скрежет зубов, так называемый тартар, которого и сам диавол трепещет! О горе! Какова та геенна с неугасимым огнем, который горит и не освещает!

Увы мне, увy мне! Каков тот неусыпающий и ядовитый червь! Увы, увy! Какова тамошняя тьма внешняя, никогда ничем не освещаемая! Увы мне, увy мне! Каковы те немилостивые и

жестокосердные ангелы, которые приставлены находиться при муках, ибо они жестоко по-срамляют и люто бьют!

Мучимые усиленно взывают там, и нет никого, кто бы спас их; воззовут ко Господу — и не услышит их. Тогда уразумеют, что все земное, житейское — пустота, и то, что считали они благом, здесь опротивеет: чем они услаждались, то окажется горче желчи и всякого яда.

Увы грешникам! Вот праведники стоят одесную Царя, а они скорбят. Теперь, когда грешники рыдают, праведники ликуют, праведники в прохладе, грешники в томлении и бедствии. Увы грешникам! Они осуждаются, праведники прославляются. Увы грешникам: когда праведники наслаждаются всякими благами, они во всяком лишении бедствуют. Увы грешникам: когда праведники ублажаются, они унижаются. Праведники во святине, грешники же в поругании. Праведники во святых обителях, грешники в вечном изгнании. Праведники услышат: *Приидите, благословенный Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34).

Праведники — в раю, грешники — в неугасимом огне. Праведники наслаждаются, грешники злостраждут. Праведники ликуют, грешники мучаются связанные. Праведники поют, грешники плачут. Праведники возглашают трисвятую песнь, грешники оплакивают свое триокаянство. Праведники вкушают сладость пения, грешники терпят свою бедственную погибель. Праведники в недрах Авраамовых, грешники в кипучих волнах велиара.

Праведники — в спокойствии, грешники — в смущении. Праведники орошаются, грешники опаляются пламенем. Праведники веселятся, грешники иссыхают в горькой печали. Праведники — в величии, грешники — в тлении. Праведники возвышаются, грешники глубже низлагаются. Праведники окружаются светом, грешники пребывают во мраке.

Праведники блаженствуют, грешники мнутся. Праведники наслаждаются созерцанием Бога, грешников сокрушает пламень огненный. Праведники — сосуды избранные, грешники — сосуды геенны. Праведники — очищенное золото, испробованное серебро, драгоценные камни; грешники — дрова, стебли, сено, подгнета для огня.

Праведники — царская пшеница, грешники — погибельные плевелы. Праведники — избранное семя, грешники — плевелы, пища огня. Праведники — Божественная соль, грешники — смрад и зловоние. Праведники — чистые Божий храмы, грешники — скверные жилища демонов.

Праведники — в светлом чертоге, грешники — в бездонной пропасти. Праведники — в сиянии лучезарного света, грешники — в бурном мраке. Праведники — с Ангелами, грешники — с демонами. Праведники ликуют с Ангелами, грешники рыдают с демонами. Праведники — среди света, грешники — среди тьмы. Праведники утешаются Святым Духом Параклитом, грешники раздираются в муках с демонами.

Праведники предстоят Престолу Владыку, грешники стоят пред непроходимым мраком. Праведники всегда открыто взирают на Лице Христово, грешники безмен-но стоят пред лицом диавола.

Праведники поучаются тайнам Божиим от Ангелов, грешников научают своим тайнам демоны. Праведники возносят свои молитвы, грешники — непрерывный плач. Праведники находятся в горних селениях, грешники пресмыкаются долу. Праведники — на небеси, грешники — в бездне.

Праведники — в вечной жизни, грешники — в погибели смертной. Праведники — в руце Божией, грешники — там, где диаволы. Праведники — в общении с Богом, грешники — с сатаною.

Увы грешникам, когда они будут разлучены с праведниками! Увы грешникам, потому что дела их обнаруживаются и помышления сердец объявляются. Увы, грешникам, потому что хитрые намерения их обличаются, и сплетения лукавых помыслов распутываются и истязуются и

мысль взвешивается! Увы грешникам, потому что они ненавистны для святых Ангелов и гнусны для святых мучеников! Увы трешникам, потому что они изгоняются из чертога! Увы, какое тогда раскаяние. Увы, какая тогдашняя скорбь, какая тогдашняя чужда, увы, какая тогдашняя буря!

Ужасно разлучаться от святых, еще ужаснее разлучаться от Бога. Безчестно быть связанным по рукам и ногам и быть вверженным в огонь. Болезненно, горестно быть отосланным во внешнюю мрачную тьму, чтобы скрежетать зубами и истаивать, тяжело непрестанно мучиться. Ужасно, когда запекается язык от пламени; безотрадно просить каплю воды и не получать. Горько быть в огне, вопить и не получать помощи.

Непроходима дебрь и неизмерима пропасть. Заключенный не убежит оттуда; не будет выхода держимому, непроходима темничная стена: жестоки стражи; темница мрачна, узы неразрешимы, оковы неснимаемы.

Слуги того адского пламени дики и свирепы. Ужасны и мучительны орудия: ногти тверды и несокрушимы; жилы воловьей жестоки; смолы мутны и кипучи; гнойная площадь зрелища; одры раскалены до красноты угля; жар невыносимый; червь смраден и зловонен. На приговор нет извета к оправданию. Лица сильных посрамлены. Властители стали убоги, цари нищи. Мудрецы стали невеждами. Сладкоречивые ораторы — немые и неприятными, богатые — безумными.

Не слышно притворных речей льстецов. Кривизны лукавства объявлены. Неправда лихоимцев обнаружена. Смрад душист обоняние сребролюбцев. Разоблачена скрытая гнилость лицемеров, Соразмерены с виною наложенные язвы — все обнаружено и объявлено. Увы грешникам, потому что они нечисты, скверны и мерзки пред Богом!

Как оземленели и осквернили их души. Как смердят их тела от блуда, от ненасытности блудной и блудного пресыщения! Как они осквернили тело и душу, не соблюдая одежды святого Крещения! Как без стыда и срама предавались объядению и распутству, пьянству, наполняя безмерно свое чрево; не пребывали в воздержании и не удовлетворялись нужным удовлетворением своих потребностей, но, употребляя богатство свое на чувственные удовольствия, как свиньи валялись в сладости чувственной, провели дни и годы своей жизни в скверных помыслах, злых намерениях, празднословии и песнях блудных!

Как в ослеплении изменили свое сердце, не приняв в ум того, что сочетались со Христом и отреклись от диавола. Как отделились от прямого пути, ходившие во тьме неведения, предавшись сну лени и погрузившись на дно геенны! Как отчуждались света добродетелей, возлюбив греховную тьму, чтобы ходить им широким и просторным путем злобы!

Как они забыли пришествие Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Его безчисленные и неисследимые благодеяния! И, очистившись водою Божественного крещения, освятившись Святым Духом и украсившись миром духовного радования, ради ничтожной, гнусной и не стоящей внимания сладости, пренебрегли столь великими дарами и поработили себя духу и блуда и прелюбодейства?

Увы, оставившим усыновление Богу и предавшимся сладостям мира! Увы, следующим мирским мудрованиям! Увы, ходящим в ночи греха!

Увы, оставляющим светлый день Боговедения! Увы, предающимся злему обычаю смеха!. Увы, украшающим для того чтобы уловить души в нечистые наслаждения блуда! Поистине, приукрашения себя есть уда диавола; для тех, которые желают и ищут спасения, оно неизвестно.

Увы, клеветующим друг на друга! Горе наушникам и производящим раздоры и мятежи! Увы, клянущимся ради сластолюбия! Увы, клятвопреступникам! Увы, чревоугодникам, *имже Бог чрево* (Флп. 3, 19).

Увы, пьяницам! Блажен, кто в здешней жизни уничижает и смиряет себя ради Бога; он возвеличен будет Всевышним Богом, прославлен Ангелами и не станет на Суде ошуйю!

Блажен человек, который пребывает в молитвах, терпелив в постах, с радостью предстоит на бдениях, борется и прогоняет сон, преклоняет колена на Божие славословие, ударяет в перси,

возносит руки горе, возводит очи на небо ко Господу, размышляет о *Сидящем на престоле славы, о Испытующем сердца и утробы* (Откр. 2, 23; 4, 10).

Ибо такой насладится вечными благами и соделается другом, братом, сыном и наследником Божиим; лицо его воссияет, как солнце в день судный в Царствии Небесном. Кто любит истину, тот становится другом Божиим, а кто постоянно лжет, тот друг демонов. Ненавидящий лесть избавляется от проклятия.

Кто терпит искушение, тот венчается, как исповедник, пред престолом Христовым. Кто в напастьях ропщет и негодует, в приключившейся скорби унывает и хулит, тот впал в прелесть и не имеет упования.

Кроткий, тихий, смиренномудрый Богом похваляется, Ангелами ублажается и людьми почитается. А человека гневливого, ярого и желчного Бог ненавидит; таковой питается плодами горечи бесовской, пьет вино змеиной ярости и неизлечимый яд аспида.

Чистые сердцем созерцают славу Божию; осквернившие же ум свой и соделавшие зло видят диавола. Помышляющие о непотребном и вредном для ближнего устраняют себя от приобщения Божественного. Намазывающиеся благовонными мазями, притирающие лица свои белилами и нарумянивающиеся и обвешивающиеся камнями с целью уловить и прельстить души других в нечистые пожелания и непотребные похоти, в сатанинские угождения — таковым в день судный нет места между благочестивыми и верными; но будут они мучиться наряду с презрителями заповедей Божиих.

Кто страстно взирает на чужую доброту и красоту, тот лишается райской красоты. Радующиеся грехопадению других, сами впадают в грех. Желавшие чужого лишаются своего и погибают. Гордые, тщеславные, человекоугодники осуждаются с диаволом. Лицемеры мучаются с сатанюю.

Питающие тело свыше меры и потребности оставляют душу голодною. Кто грешит в разуме и без принуждения и не кается, тот мучается с неверными. Те, которые говорят: «В молодости погрешим, в старости покаемся», находятся в поругании и прельщении у демонов, потому что сознательно и свободно согрешают, или соизволяют на грех, — и покаяния не сподобляются, но в молодых годах серпом смерти пожинаются, как Аммон, царь Иудейский, который прогневал Бога своими нечестивыми намерениями и скверными мыслями (4 Цар. 21, 19-24).

Осуетились в умствованиях своих и омрачилось несмысленное сердце у тех, которые говорят: «Завтра покаемся, а сегодня погрешим»; таковые погубляют и настоящий день, растлевают и оскверняют тело, грязнят свою душу, и омрачают ум, затмевают мысль и заглушают совесть, — а не подумают, что завтра они, может быть, будут похищены смертью.

Кто не оплакивает падения блудного, кто не рыдает над грехом прелюбодеяния, кто не болезнует за осквернение мужеложеством и горько не плачет за мерзость малакии (рукоблудия), никто из таких грешников не способен искренно каяться в прежних грехах и избегать будущих. Те, которые не ищут того, что потеряла душа их, не приобрели и того, что обращается во спасение; те, которые не рассчитывают, как прибавляют убыток к убытку, не только не получают прибыли, но и головы теряют; те, которые не трудятся разумно и не бодрствуют в молитвах, попадают в плен своих суетных и студных помыслов, а плененные, нехотя и не по воле, работают злему обычаю.

Кто невнимательно участвует в богослужении, тот весьма многого лишается. Кто не слушает с охотою и вниманием Божественное Писание, но предается сну лености, тот вместе с пятью юродивыми девами заключится вне чертога Небесного Жениха.

Пренебрегающие постом, как средством ко спасению, погружаются в чревоугождение и одолеваются грехом, борющимся похотью блудною. Несоблюдающие заповедей Божиих уязвляются от демонов и осуждаются в геенне огненной.

Удаляющиеся от Святой Церкви и причастия Святых Тайн бывают врагами Божиими и

друзьями демонов. Ереси безбожных еретиков будут посрамлены, род неверных погибнет, равно и полчища иудеев, уста богобор-ных евреев заградятся.

Когда воссядет судить Испытующий сердца и утробы, острейший паче всякого меча обоюдоострого. Доходящий даже до разделения плоти и духа, членов и мозгов, и Судящий помышления и мысли сердечные, — тогда увидишь не часть какую-нибудь из многого, но все открытым, все обнаруженным.

Тогда волка не укроет овечья шкура и внешняя наружность дел не прикроет внутренних помышлений. Нет создания, которое бы не было известно Создавшему, но *вся нага и объявлена пред очами Его*.

Ополчимся же Божиими заповедями против страстей плоти, смирим гордые помыслы; подвигнемся на брань с диаволом, озарим мысль духовною бодростию, подавим греховные вожеления, позаботимся приобрести готовность и любовь к молитве, трезвенный ум, бодренную мысль, чистую совесть, всегдашнее воздержание, усердный пост, нелицемерную любовь, истинную чистоту, нескверное целомудрие, нельстивое смирение, постараемся приобрести непрестанное псалмопение, чтение без тщеславия, коленопреклонение без гордости, моление не скудное, житие чистое, правду в словах, усердное странноприимство, милостыню без размышлений, благоугод-ное терпение.

Остановим потоки желчи, истребим гнев, удалим от себя уныние, пресечем ярость, отринем печаль, иссушим сребролюбие, чтобы не убояться нам общей смерти, этого жнеца рода человеческого, не убоимся губителя чело-веков. Истинная смерть та, которая удаляет душу от Бога. Бог есть живот; кто отлучает себя от Него, тот умирает, и не имеет дерзновения к Богу, потому что отдалился от Живота.

Истинная смерть — от диавола. Отец смерти — диавол — стоит, как крепко вооруженный ратоборец, чтобы напасть на нас во святые дни и повергнуть в свою власть, и потом сказать: победил Христовых воинов, показав им женскую красоту; прельстил их слух; погубил в гордости и чревоугождении, запутал в похотях: соблазнил пьянством; отринул их от Бога, и поверг в пропасть блудодействия.

Не дадим нечистым демонам посмеяться над нами; мы имеем Бога, Который есть наш Спаситель, а демонов погубитель. Имея на себе это мертвенное тело, мы не избежим смерти, но не смутимся, и да подвигнемся мужественно на победу с нечистыми демонами.

Если мы будем иметь в сердце страх Божий, и в душе будем носить память о смерти, то пусть вооружаются на нас все демоны, но не причинят нам никакого вреда; а они окажутся овнами, без успеха бьющими стену, потому что стену нашу найдут несокрушимою, так как с нами будет Господь Бог наш, Которому принадлежит слава, честь и власть во веки веков. Аминь (Свт. Кирилл Александрийский, из «Слова на исход души»).



Рассказы о прохождении святыми мытарств

Проходят мытарства и души святых, угодивших Богу своею благочестивою жизнью. Но они покрываются благодатию Божиею и проходят воздушные мытарства с необыкновенною быстротою и великою славою. Их возносит на небо Святой Дух, Который во время их земного странствования непрестанно внушал им желание разлучиться от тела и *быть со Христом* (Фил. 1, 23).

О Марке Фраческом говорится, что он прошел поднебесную, как молния, в течение одного часа («Четьи-Минеи», 5 апреля, также см. стр. 88).

Самое подробное повествование о прохождении мытарств можно читать в житии преп. Василия Нового («Четьи-Минеи», 26 марта, также стр. 160).

Когда скончался преподобный Макарий Великий, демоны выстроились рядами на своих мытарствах, чтобы созерцать шествие духоносной души. Она начала возноситься. Темные духи, далеко стоя от нее, кричали с мытарств своих: «О, Макарий! Какой славы ты сподобился!». Смирennemудрый муж отвечал им: «Нет! Еще боюсь, потому что не знаю, сделал ли я что доброе!». С других, высших, мытарств опять кричали воздушные власти: «Точно, ты избежал нас, Макарий!» — «Нет, — отвечал он, — я еще нуждаюсь в бегстве». Когда же он вступил в небесные врата, они, рыдая от злобы и зависти, кричали: «Точно, избежал ты нас, Макарий!». Он отвечал им: «Ограждаемый силою моего Христа, я избежал ваших козней» («Скитский Патерик»).

В житии св. Антония Великого находим следующее повествование. Однажды перед вкушением пищи около девятого часа, встав помолиться, св. Антоний ощущает в себе, что он восхищен умом, а что всего удивительнее, видит сам себя, будто бы он вне себя, и кто-то как бы возводит его по воздуху, в воздухе же стоят какие-то угрюмые и страшные лица, которые хотят преградить ему путь к восхождению. Путеводители Антониевы сопротивлялись им, требовали отчета, не подлежит ли Антоний какой-либо ответственности перед ними, но так как обвинители не могли ни в чем уличить его, то свободен и невозбранен сделался ему путь. И вдруг видит он, что как бы возвращается и входит сам в себя, и снова делается прежним Антонием. Св. Антоний удивился, увидев, со сколь многими врагами предстоит нам брань, и с какими трудами должно человеку проходить по воздуху. И тогда пришло ему на память, что в сем именно смысле сказал Апостол: *по князю власти воздушныя* (Еф. 2, 2), ибо враг имеет в воздухе власть вступать в борьбу с проходящими по нему (то есть по воздуху), покушается преграждать им путь. Почему наипаче и советовал Апостол: *Примите вся орудия Божия, да возможете противиться в день лют* (Еф. 6, 13), чтобы посрамился враг, *ничтоже имея глаголати о нас укорно* (Тит. 2, 8). (Из Жития св. Антония Великого).

Преподобный Зосима, словонецкий подвижник, прошел мытарства в десять дней: явившись после смерти своей в десятый день ученику своему Даниилу, он сказал, что прошел все

мытарства и вошел в лик преподобных («Четьи-Минеи», 12 апреля).

О посмертном состоянии наших душ открыто нам в слове Божиим и учении Церкви столько, сколько нужно для нас; а неоткрытое — потому не открыто, что не нужно; что излишне для нас в настоящей жизни, а также потому, что осталось бы непонятным, невместимым. Святой апостол Павел, при земной еще жизни удостоившийся проникнуть в тайны будущей, когда восхищен был в рай, сказал, что слышал там неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2 Кор. 12, 4).

Православная Церковь учит, что душа человека по разлучении с телом приводится к Богу на суд, который, в отличие от всеобщего, последнего суда, называется частным, потому что совершается не торжественно пред лицом всего мира и имеет целью не вечность, как суд последний, а только время до всеобщего воскресения. А что этот суд действительно будет происходить, мы уверяемся из Священного Писания. Апостол Павел сказал: *Человекам положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9, 27). Из притчи Спасителя о богатом и Лазаре также ясно открывается, что по смерти тотчас следует известное решение участи, смотря по делам умершего, следовательно, происходит суд. Несомненная действительность такого суда вытекает еще как из понятия о земной жизни, поприще испытания, так и из понятия о Боге, Творце, Судии и Мздовоздаятеле нашем; потому и говорит сын Сирахов, приводя верование Церкви ветхозаветной: *Яко удобно есть пред Богом, в день смерти воздати человеку по делом его* (Сир. 11,26).

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от самого неба стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведует особым видом греха и истязует в нем душу, когда душа достигает этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в Отеческих писаниях мытарствами.

Это учение о мытарствах, изложенное св. Кириллом Александрийским, существовало в Церкви и прежде св. Кирилла и после — во все последующие века.

Отсюда очевидно, что мытарства — это не что иное, как частный суд, который совершает над человеческими душами невидимо Сам Господь Иисус посредством Ангелов, допуская к тому и клеветников братии наших (Откр. 12, 10), злых духов, — суд, на котором припоминаются душе и безпристрастно оцениваются пред нею все ее дела, и после которого определяется ей известная участь.

О состоянии праведных душ до всеобщего суда так говорит Священное Писание: во-первых, они вслед за исходом награждаются за подвиги жизни земной блаженством; так, праведный Лазарь тотчас по смерти отнесен был на лоно Авраама, и на кресте покаявшемуся разбойнику сказал Господь: *Днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 16, 19-22; 23, 43). Во-вторых, они будут наслаждаться покоем и свободой от скорбей и страданий, находиться в общении с праведниками и Ангелами, и служить Богу хвалебным славословием и молитвенным ходатайством о живущих на земле. Но это состояние еще не есть состояние окончательное. Полная слава и блаженство каждого, по его заслугам, последует только после всеобщего суда, когда придет Господь в назначенный день и объявит суд решительный, которого приговоры никогда не переменятся.

О состоянии душ грешных открыто, что они удалены от лица Божия, заключены в темницу падших духов, или в ад — место темное и мучительное, сознают и чувствуют потерю блаженства, чувствуют упреки совести и напрасно стараются сами улучшить свое бедственное положение (Лк. 16, 24-31).

Но неодинаково будет состояние их, а соответственно нравственному состоянию каждой отдельной души. И опять, это состояние их не есть решенное навсегда и окончательное, а переходное — для одних в ожесточение и вечную нераскаянность во зле, а для других — в упование на помилование от Бога и жизнь вечную.

Молитва, по учению Писания, может оказывать влияние и на мир отшедших от нас душ, простирает свою силу и на область ада. Мы привели выше слова Апостольские о грехе смертном; и Спаситель сказал, что есть грех, который не прощается ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12, 32). Следовательно, как есть грех смертный, о котором бесполезно и молиться, который не простится ни в настоящей, ни в будущей жизни, так есть грехи не смертные, о которых молитва может быть вполне благодатна.

В назидание друзьям

Написал я эти строки в назидание вам, друзья. В них таится смысл глубокий, уверяю в том вас я. Вам приятно жить с здоровьем, делить радости семьи, Обладать свободой полной и богатствами земли. Эти дары драгоценны, но есть лучше много раз У Творца всея вселенной дары радости для нас. Если станете стремиться вы к Нему, и всей душой, Ваша жизнь преобразится, мир откроется иной. Эта сутолока земная омерзает тогда вам, Сердца ваши запыхают тут любовью к небесам. Никакое тогда горе вам вреда не принесет, И корабль житейским морем ваш безбедно поплывет.

И.Ф. Чудин.



Важность поминовения усопших

Святая Православная Церковь, как попечительная мать, заботится о своих чадах, при жизни испрашивает им у Бога здоровья, во всем благопоспешства и оставления грехов, и по смерти возносит о них частые моления к Богу, например, на полунощнице, утрени, вечерни и повечерии она просит о прощении грехов и упокоении их со святыми.

Но особенно на Божественной Литургии святая Церковь вопиет к Богу за умерших¹, твердо веруя, что Честною Кровию Божественного Искупителя нашего Господа Иисуса Христа отмываются грехи всех поминавшихся за Литургией. Это поминовение преимущественно важно в течение первых сорока дней по кончине, потому что в сороковой день изрекается определение Божие о душе, решающее участь ее до Страшного суда. Потому-то и советуется служить и заказывать о скончавшихся «сорокоусты». Польза, важность и сила этого поминовения засвидетельствована многими примерами не только в житиях святых, но и в устных и письменных сообщениях от начала христианства и до настоящего времени.

Однажды великий подвижник св. Макарий Египетский, идя в пустыне, увидел человеческий

череп на дороге. «Когда я, — говорит он, — дотронулся до черепа пальмового палкою, то он что-то *сказал* мне. Я спросил его:

— Кто ты? — Череп отозвался:

— Я был начальником языческих жрецов.

— Каково вам, язычникам, на том свете? — спросил Макарий.

— Мы в огне, — отвечал череп, — пламя охватывает нас с ног до головы, и мы не видим друг друга; но когда ты молишься о нас, тогда мы начинаем видеть несколько один другого, и это доставляет нам отраду» («Христианское Чтение», ч. 2, 1821).

* * *

Святой Григорий Двоеслов рассказывает такой случай. Один брат, бывший в его монастыре, за нарушение обета нестяжания, в страх другим, лишен был по смерти церковного погребения и молитвы в продолжение тридцати дней, а потом из сострадания к его душе тридцать дней приносима была за него Безкровная Жертва с молитвою. В последний из этих дней усопший явился в видении оставшемуся в живых родному брату своему и сказал: «Доселе я жестоко страдал, теперь же мне хорошо, и я нахожусь во свете, ибо сегодня вступил в общение». Таким образом, через спасительную Безкровную Жертву усопший брат избежал наказания («Собеседования Григория Двоеслова», кн. 4, гл. 55).

* * *

Во время жизни преподобного Венедикта, — рассказывает св. Григорий Двоеслов, — были две постницы, которые, славясь святостию жизни, имели несчастную страсть говорить много, и много ложного и вредного. Святой старец умолял их удерживать свой язык и за непослушание угрожал им даже отлучением от Церкви. Но страсть ко лжи так укоренилась, что и угроза не остановила их. Спустя несколько дней они умерли.

Погребены они были в церкви. Когда диакон во время Литургии возглашал: «Оглашении, изыдите», — они, как отлученные, выходили вон из церкви, что видели некоторые благочестивые из христиан. Когда сообщили об этом преподобному Венедикту, то святой муж послал в церковь, где они были погребены, просфору, приказав вынуть из нее часть за упокой душ их и поминать их. После этого уже никто не видел, чтобы они выходили из церкви, и верные поняли, что молитвы умиливали Бога, и они получили от Него прощение («Собеседования Григория Двоеслова», кн. 2, гл. 23).

* * *

В «Прологе» повествуется, что у блаженного Луки был родной брат, который и по вступлении в монашеский чин мало заботился о душе своей. В состоянии такой беспечности постигла его смерть. Блаженный Лука, скорбя, что брат его не приготовился, как должно, к смерти, молил Бога открыть его участь

Однажды видит старец душу брата во власти злых духов и тотчас после видения посылает осмотреть келью его. Посланные нашли там деньги и вещи, из чего старец уразумел, что душа его брата страдает, между прочим, за нарушение обета нестяжания. Все найденное старец раздал нищим за упокой души его.

После, во время молитвы, старцу открылось в видении судилище: Ангелы света спорят с духами злобы о душе усопшего брата. Старец слышит вопль злых духов: «Душа наша, она творила дела наши!». Но Ангелы говорят им, что она избавляется от их власти милостынею, розданною за нее. На это духи злобы возразили: «Разве усопший раздал милостыню? Не этот ли старец?» — и указали на блаженного Луку. Подвижник отвечал: «Да, я сотворил милостыню, но

не за себя, а за сию душу». Поруганные духи, услышав ответ старца, рассеялись, и старец, успокоенный видением, перестал скорбеть об участи брата («Пролог», 12 августа).

* * *

В житии преподобной игумений Афанасии мы находим следующее повествование. Игуменья Афанасия перед смертью своей завещала сестрам своего монастыря кормить нищих в память ее до сорока дней. Между тем, сестры приглашали нищих лишь десять дней, а затем, по нерадению, не исполнили завещания своей бывшей начальницы. И что же? Игуменья Афанасия явилась сестрам, говоря: «Да будет всем известно, что творимые до сорока дней за душу усопшего милостыни и питание алчущих умилоствляют Бога. Если грешны души усопших, то через это они получают от Господа отпущение грехов; а если праведны, то благотворительность за них служит ко спасению благотворителям» («Четьи-Минеи», 12 апреля).

* * *

Много есть примеров, из которых видно, что усопшие ожидают молитв за себя, являясь во сне или в бодрственном состоянии, просят о них, показывая это в различных знамениях или образах.

Так св. Григорий Двоеслов рассказывает, что некий пресвитер имел обычаем мыться в теплицах. Однажды придя в баню, он застал там какого-то незнакомого ему мужа, который стал ему помогать раздеться. Незнакомец снял с пресвитера сапоги, и взял его одежду на хранение. Когда пресвитер вышел из бани, то он подал ему полотно отереть пот, помог ему одеться, и все это делал с великим почтением.

Так повторялось несколько раз, то есть пресвитер этот приходил в баню, встречал незнакомого человека, который, молча, делал ему услужение. Желая выразить благодарность за усердие, пресвитер однажды, идя в баню, взял с собою две просфоры, чтобы дать их незнакомцу; и вот, по обыкновению, он встретил его. Затем, когда выходил из бани, просил принять просфоры в знак любви к нему.

Незнакомец с плачем сказал ему: «Для чего даешь их мне, отче? Это святой хлеб, я не могу вкушать его. Ты видишь пред собой бывшего некогда владельца этого места, но за грехи мои я осужден на служение здесь после смерти. Если же хочешь наградить меня, принеси этот хлеб за грехи мои в жертву Всемогущему Богу. И когда придешь сюда мыться и не найдешь меня, знай, что молитва твоя услышана Богом». Сказав это, незнакомец мгновенно стал невидим.

Тогда пресвитер понял, что незнакомый человек, доселе являвшийся в баню для услуги ему, был дух. Пресвитер провел по нем целую неделю в слезах и молитвах о прощении его грехов, принося каждый день безкровную жертву. Через неделю он пришел снова в баню, и уже более не нашел здесь знакомого, и после никогда не встречал его («Собеседования Григория Двоеслова», кн. 4, гл. 55).

Просьба умерших о поминовении их и благодарность за молитвы живых

«Возвратясь от заутрени в первый день Пасхи, — передает А. Т. Б., — я легла спать и едва забылась, как у самого изголовья услышала, что кто-то горько плачет. Сердце сжалось у меня от жалости; боясь открыть глаза, я робко спросила: «Надя, это ты, моя родная?» — и страшилась услышать ответ, ибо мне пришло в голову, что, может быть, сестра моя Надя, давно скончавшаяся, не получив блаженства в вечной жизни, явилась мне для испрашивания молитвы, но на мой вопрос нежным грустным девичьим голосом, дрожащим от рыдания, послышался ответ:

— Нет, я не Надя.

— Кто же вы? — спросила я. — Скажите, что вам

нужно? Я все сделаю.

Тогда рыдания усилились и плачущая отвечала:

— Я Варвара Н. Ради Бога, помолитесь обо мне, помяните меня за Литургией!

Я обещалась и рыдания утихли. Я открыла глаза, в комнате уже было светло, и никого не было.

Когда приехали к нам родственники В. Н., я спросила зятя мужа моего, как звали его сестру, скончавшуюся недавно в Москве? Он отвечал: «Варварой Николаевной». Тогда я передала мое видение. Он был поражен рассказом и немедленно озаботился о поминовении сестры своей» («Душеполезные размышления», 1882, №5).

* * *

«Моя племянница Юленька живет у нас уже семь лет, — рассказывает г-жа Д. — Я взяла ее трехлетним ребенком тотчас после смерти ее матери, а моей сестры. Теперь ей минуло десять лет. До последнего времени она была девочка здоровая и веселая и хорошо училась. Раз утром она говорит мне: «Тетя, я видела во сне мою мамашу, она обещала прийти ко мне наяву, и сказала, чтоб я не боялась ее».

Три дня спустя, тоже утром, Юля твердила урок из географии. Вдруг она встала и пошла по направлению к двери, как бы к кому-то навстречу, сказав при этом: «Мамаша пришла». Затем протянула руку и подняла голову, как бы для получения чьего-то поцелуя, и села на стул рядом с другим, на который, как нам сказала, присела ее мать.

Потом Юля говорила, что мать велела передать мне то-то и то-то. При этом заговорила о таких вещах, которые были ей совершенно неизвестны, а главное — недоступны в ее лета. Например, она рассказала факты из прошлого, известные только покойной сестре и мне, и передавала такие рассуждения от ее имени, каких ни один десятилетний ребенок не только не мог бы придумать, но даже и передать с толком. Впоследствии мы вели с покойной сестрою через Юлю целые разговоры. Явления эти повторялись часто в продолжении целых шести месяцев и мы совершенно привыкли к ним. Одно место в зале было, по-видимому, любимым у посетительницы из загробного мира, — на него она обыкновенно садилась и начинала разговор с дочерью.

«Скажи тете, — сказала она однажды, — что я могла бы сделаться видимою и для нее, но она не вынесет и может заболеть, потому-то я и говорю с нею через тебя дети меньше нас боятся, чем взрослые». Очень часто она просила молиться о ней, и как-то раз даже заказала отслужить по ней заупокойную обедню и панихиду.

Мы все тогда отправились в церковь. Наш священник уже привык к нашим рассказам и перестал им удивляться. Только что началась обедня, как Юленька сказала: «Вот и мамаша пришла со своей подругой», — и при этом она пошла к кому-то, для нас невидимому, встречу, с кем-то поздоровалась и, вернувшись на свое место, прибавила, «они обе стали на колени пред царскими вратами». Вначале панихиды Юленька сообщила: «Мамаша сказала, что ей не такую надо панихиду, а сугубую». Я подошла к священнику и повторила ему просьбу покойницы причем спросила, действительно ли есть сугубая панихида. «Так она не называется, — сказал священник, — но все равно я понимаю, что вам нужно, — это очень пространная заупокойная служба, отправляемая больше по монастырям. Хорошо, я отслужу такую».

Когда запели «Со святыми упокой», Юленька сказала: «Мамаша плачет, молится и говорит: куда уже мне со святыми, хотя бы немного успокоиться».

В одно из своих явлений она сказала Юленьке: «Отец твой скоро женится, но ты не пугайся, мачеха твоя будет добрая и очень тебя полюбит; даже оставит в наследство тебе все свое состояние». Предсказание это исполнилось буквально.

По прошествии шести месяцев она объявила, что миссия ее окончена и она более приходить

не будет. Под конец своих посещений сестра приходила с одной приятельницей, тоже умершей, совсем неизвестной Юле, но хорошо знакомой мне, и от той я не раз получала привет, все через Юленьку. Сестра постоянно просила меня молиться за нее, хотя до той поры мы, откровенно сказать, были не особенно богомольны, а тут по просьбе сестры стали очень часто ходить в церковь» («Ребус», 1884, № 41).

* * *

Архимандрит Симеон, живя в Екатеринославе, был дружен с одним благородным семейством. Отец этой семьи умер в феврале 1844 года. В это время о. Симеон уже служил в Воронеже. В числе осиротевшей семьи была дочь Любовь, которая страдала чахоткою. 6 августа того же года больная приобщилась Св. Тайн, не снимая с себя траура. Мать заметила ей, зачем она ради причастия не сняла с себя траура, на что она ответила: «Я 15-го числа наряжусь». И действительно, в день Успения Божией Матери она надела на себя полное венчалное убранство, послала за священником и снова приобщилась Св. Тайн. Потом попросила читать ей отходные молитвы, и во время чтения их, обращаясь к умершему отцу своему, как бы явившемуся ей, сказала: «Папенька, милый папенька, подождите». С последним словом отходной улетела душа ее.

В тот же день и час, когда она умерла в Екатеринославе, о. Симеон увидел в Воронеже наяву отца скончавшейся девицы, который сказал ему: «Вам в Екатеринославе надо утешить скорбных, а Любонька со мною, но вы и нас не забывайте» («Монастырские письма», 1884, п. 17).

* * *

2 июля 1893 года к преосвященному Мартиниану, епископу Таврическому и Симферопольскому, явились настоятель Петропавловской церкви о. Димитрий Койко и один из местной интеллигенции, человек с высшим образованием. Они рассказали владыке о следующем.

В ночь на 30 июня означенному лицу приснился сон, что к нему подошел какой-то офицер с окровавленной повязкой на голове и просил его передать священнику Петропавловской церкви вопрос, почему тот не молится за него, а равно не молится тем угодникам Божиим, мощи которых находятся в пожертвованной им иконе, причем прибавил, что 20 июля, на Илию, образу этому исполнится двести лет. Видевший сон, немедленно утром отправился к настоятелю Петропавловской церкви и сообщил ему свое сновидение. На это о. Димитрий заметил, что в церкви нет двухсотлетней иконы, так как самая церковь существует лишь с 1805 года, а равно нет икон с частицами мощей, но что его удивляет явление офицера во сне, так как в церкви есть икона, которую, как рассказывал ему предшественник его, протоиерей Руднев, ныне уже умерший, во время Крымской компании привез какой-то офицер и оставил в церкви с условием, что если он возвратится из Севастополя, то возьмет икону обратно, если же не возвратится, то жертвует ее в храм.

Неизвестный офицер не возвратился и икона осталась в церкви. Это совпадение побудило о. Димитрия Койко осмотреть эту святыню, причем о. Димитрий, как лицу, передававшему сон, так впоследствии и владыке, засвидетельствовал, что, состоя четырнадцать лет при церкви, он ни разу не открывал того образа. Немедленно послали за диаконом и все три лица отправились в церковь для осмотра иконы.

Икона представляла кипарисную доску, на которой старинной живописью изображена Пресвятая Троица, а также" лики нескольких угодников. В особом углублении помещался серебряный крест. Когда его с большим трудом вынули, то оказалось, что он раздвигается и в середине его находятся частицы мощей св. Лазаря, св. великомученика Феодора Стратилата, св. апостола и евангелиста Луки и св. первомученика и архидиакона Стефана.

Надписи указывали, что тут были еще и другие частицы, в том числе первомученицы Феклы.

Но осматривающих ждало еще большее удивление: внизу креста чуть заметной вязью стояла вырезанная надпись, гласившая: 7201 год от сотворения мира, а следовательно, иконе исполнилось двести лет. Когда об этом было доложено преосвященному Мартиниану, то владыка сделал распоряжение, чтобы в этой церкви ежедневно были совершаемы заупокойные ектений о воинах, павших на поле брани за Веру, Царя и Отечество («Свет», 1893).

* * *

В одном приходе по случаю смерти священника место его занято было другим. Но, к прискорбию прихожан, вновь назначенный иерей через несколько дней после первого богослужения, совершенного им в церкви, отошел в вечность.

Назначен был новый священник. По приезде в приход он вступил в должность, и в первый же воскресный день отправился в церковь для богослужения. Войдя в алтарь, священник невольно был страшно поражен: вблизи престола стоял незнакомый ему священник в полном облачении, но скованный по рукам и ногам железными цепями. Не понимая, что это значит, новый священнослужитель, однако, не потерял духа и приступил к совершению Божественной Литургии.

Лишь только окончена была служба, к новому удивлению служившего обедню, привидение исчезло. Священнодействовавший иерей понял, что виденный им священник есть обитатель загробного мира; но что означало необычайное явление его в таком устрашающем виде, не мог разгадать. Одно только заметил: что незнакомый ему узник и собрат, в продолжение всей службы, не вымолвил ни слова, и только, время от времени приподнимая скованные руки, указывал на одно место в алтаре, на котором, по-видимому, ничего особенного не было. То же самое повторилось и в следующую службу, с той лишь разницей, что новый священник по входе в алтарь прежде всего обратил внимание на то место, на которое указывало привидение. В углу на полу, поблизости от жертвенника, он заметил старый небольшой мешок. Когда он развязал его, то нашел в нем немалое число записок с именами умерших и живых лиц, какие обыкновенно подаются для поминовения на проскомидии. Как бы по внушению свыше священник понял, что записки эти при жизни стоявшего тут скованным собрата его, бывшего настоятелем этой же церкви, вероятно, остались не прочитанными им в свое время. Посему, начав службу, он первым делом помянул на проскомидии имена живых и умерших, сколько было их в записках и тут же увидел, какую важную услугу он оказал загробному обитателю, ибо едва только успел окончить чтение поминальных записок, как железные оковы в одно мгновение спали с рук и ног узника, а сам он подошел к служащему священнику и, не говоря ни слова, поклонился ему в ноги («Странник», 1867, т. 1).

* * *

У секретаря тверского Приказа общественного призрения Селинина в 1850 году скоропостижно скончался родитель его, дьячок одной сельской церкви. Сын, узнав о кончине отца, впал в сильную тоску. Долго тяготила она его сердце. Но спустя год по смерти родителя своего, побывав в родном селе, Селинин несколько утешился, особенно тем, как сказывал сам, что видел могилу отца близ самого клироса, на котором певал покойник. Однако безпокойные думы о загробной участи покойного родителя не покидали его до тех пор, пока не явился ему отец во сне.

Однажды в Духов день, у обедни, он особенно усердно молился за отца, и в ту же ночь ему приснился покойный, который, подойдя, поклонился в ноги. «Помилуйте, батюшка, за что вы кланяетесь в ноги сыну своему?» — спросил Селинин. Но тот, не отвечая, поклонился второй и третий раз и потом уже сказал: «Спасибо, любезный сын, что ты меня не оставляешь», — и сделался невидим. («Странник», 1864).

* * *

28 февраля 1831 года скончался в Москве генерал от инфантерии Степан Степанович Апраксин. В молодых годах он коротко познакомился с князем Василием Владимировичем Долгоруковым. Оба они служили в одном полку: первый — в чине полковника, второй — майора. Долгоруков умер в 1789 году в совершенной бедности, так что не было средств похоронить его. Друг его Степан Степанович Апраксин устроил на свой счет погребение и поминовение князя; казалось, он отдал последний долг, как родному брату.

На третий день после похорон умерший Долгоруков явился к своему благодетелю. Таинственный гость предсказал сердобольному другу долгую и благополучную жизнь на земле и обещал явиться незадолго до его кончины. После того Апраксин был особенно внимателен к нуждам бедных и радовался всякий раз, когда представлялся ему случай к благотворительности.

Прошло сорок два года и, верный своему обещанию, князь Долгоруков вторично посетил старца-генерала. Прежде всего, князь напомнил о себе и о том благодеянии, какое ему было оказано много лет тому назад, потом увещевал своего друга готовиться к смерти через двадцать дней, обещал еще раз посетить его за три дня до кончины и вышел из комнаты. Апраксин поверил словам загробного вестника: исповедался, причастился и освятился елеем. За три дня до смерти он пригласил к себе на ночь одного своего друга. В одиннадцать часов ночи явился Долгоруков и вступил в беседу с Апраксиным. Присутствовавший друг после рассказывал многим, что во время разговора Апраксина с Долгоруковым он ощущал невольный страх, хотя явившегося князя не видел, но голос его слышал. Через три дня Апраксин скончался («Душеполезное Чтение», 1867, ч. 1).

* * *

«В стране моей, — говорит блаженный Кир-Лука, — умер князь и был погребен, как должно. Однажды, проходя мимо кладбища, я увидел стоящего у одной могилы человека, черного, как потухший уголь. Он звал меня к себе. Я подошел и вот что услышал: «Я написал в завещании моем раздать бедным оставленные деньги за спасение моей души, и это завещание мое не исполнено до сих пор. Скажи, чтобы раздали непременно, а иначе я останусь навсегда в том положении, в каком ты меня видишь» («Пролог», 24 августа).

* * *

Йлиний младший рассказывает, что в Афинах был очень красивый дом, в котором, однако, никто не жил, так как в нем являлось привидение. Однажды в этот город прибыл философ Афинагор и узнав, что указанный дом продается очень дешево, купил его и переехал жить. В первую же ночь, когда Афинагор, по обыкновению, читал и писал, вдруг раздалось бряцание как бы железа и потом явился старик, скованный цепями. Старик подошел к Афинагору, но тот не обратил на него внимания, продолжая писать. Привидение сделало знак, чтобы Афинагор следовал за ним, но философ, с своей стороны, сделал ему знак, чтобы явившийся обождал, и, по-прежнему, продолжал писать. Потом взял свечу и последовал за явившимся стариком.

Вышли на двор, и здесь вдруг в одном месте привидение исчезло в землю. Афинагор, несколько не испугавшись, заметил это место, вырвав немного травы. На другой день он известил о случившемся городские власти. Когда начали рыть в указанном месте землю, открыли кости скованного цепями человека. Кости преданы были обычному погребению, и в дом с тех пор старик в цепях больше не являлся («Душеполезные размышления», 1883).

* * *

Один священник с особенным усердием поминал за Литургией покойников, так что если кто

раз подал ему записку о поминовении, он выписывал имена усопших в свой синодик и, не говоря о том подавшему, поминал всю жизнь. При соблюдении этого правила у него составилась синодик с таким многотысячным перечнем имен, что пришлось ему разделить его на отделы и поминать по очереди.

Случилось, что он впал в какую-то погрешность, так что ему угрожало устранение от прихода. Дело было передано Московскому митрополиту Филарету, и когда преосвященный уже собирался наложить резолюцию об устранении его, вдруг почувствовал какую-то тяжесть в руке. Митрополит отложил подписание до следующего дня. Ночью он видит сон: перед окнами собралась толпа народа разного звания и возраста. Толпа о чем-то громко толкует и обращается с какою-то просьбою к митрополиту.

— Что вам нужно от меня? — спрашивает архипастырь. — И что вы за просители?

— Мы отшедшие души и явились к тебе с просьбой: оставь нам священника и не отстраняй его от прихода.

Впечатление от этого сновидения так было велико, что Филарет не мог отделаться от него по пробуждении и велел позвать к себе священника. Когда тот явился, митрополит спросил его:

— Какие ты имеешь за собою добрые дела? Открой мне.

— Никаких, владыко, — отвечал священник, — достоин наказания.

— Поминаешь ли ты усопших? — спросил его митрополит.

— Как же, владыко, у меня правило: кто подаст, раз записку, я уже постоянно на проскомидии вынимаю частички о них, так что прихожане ропщут, что у меня проскомидия длиннее Литургии, но я уже иначе не могу.

Преосвященный ограничился переводом священника в другой приход, объяснив ему, кто был ходатаем за него («Странник», 1862, май).

* * *

Один из афонских подвижников открыл святогорцу, известному отцу Серафиму, следующее: «Причиной моего вступления в монашество было видение во сне загробной участи грешников. После двухмесячной болезни я пришел в сильное изнеможение. В этом состоянии я вижу двух юношей, вошедших ко мне. Они взяли меня за руки и сказали: «Следуй за нами!» Я, не чувствуя болезни, встал, оглянулся на свою постель и увидел, что тело мое лежало спокойно на постели. Тогда я понял, что оставил земную жизнь и должен явиться в загробный мир.

В лице юношей я узнал Ангелов, с которыми и отправился. Мне показаны были огненные места мучений; слышал я там вопли страдальцев. Ангелы, показывая мне за какой грех какое назначено огненное место, прибавили: «Если и ты не бросишь своих привычек к греховной жизни, то — вот и твое место наказания!».

Затем один из Ангелов восхитил из пламени одного человека, который был черен, как уголь, весь обгорел и с ног до головы окован. Тогда оба Ангела приступили к страдальцу, сняли с него оковы — и вместе с ними исчезла вся его чернота: он стал чист и светел, как ангел. Потом Ангелы облекли его в блестящее одеяние, подобное свету.

«Что значит это изменение сего человека?» — решил я спросить Ангелов. «Это грешная душа, — отвечали Ангелы, — была отлучена от Бога за свои грехи и должна была вечно гореть в этом пламени; между тем, родители этой души подавали много милостыни, делали частые поминовения за Литургиями, отправляли панихиды, и вот ради родительских молитв и молитв святой Церкви, Бог умилился и грешной душе даровано совершенное прощение. Она избавлена вечного мучения и теперь предстанет пред лице своего Господа и будет радоваться со всеми Его святыми».

Когда видение кончилось, я пришел в себя и что же увидел? Вокруг меня стояли и плакали, приготовляя тело мое к погребению» («Странник», 1862, май).



Явление умерших родным и друзьям с известием о своей смерти

Замечательный мыслитель, светский, но глубоко знающий богословскую литературу, передал преосвященному Никанору, архиепископу Одесскому следующее.

Один кавказец сидел ночью у себя в квартире и читал книгу. Поднимает голову, — и видит напротив себя в углу туман. Машет рукою, чтобы туман рассеять, но из тумана выделяется светлая фигура его невесты, которая была в эту минуту далеко в России. Он невольно падает пред тенью на колени. Невеста кладет ему венок на голову и исчезает в тумане. (Он долго чувствовал на голове как бы круг венка.) Идет сейчас же к твоим родителям и рассказывает о видении. Записали день и час, и что же? В этот день его невеста умерла («Странник», 1887).

* * *

Один известный деятель Славянского благотворительного общества, рассказывал преосвященному Никанору, о своем брате офицере. Брат его в одном городе ехал с товарищем домой с вечерней пирушки в экипаже. Приехал и вошел в свою квартиру, а товарищ поехал дальше в свою квартиру. Входит брат в кабинет, сопровождаемый денщиком, а за письменным столом, к ним спиною, сидит его товарищ, с которым он только что расстался. Денщик говорит: «Вот и не заметил, как они вошли». Брат заглянул в лицо сидящему, и видит ужасное мертвенное лицо товарища. В ту же минуту слуга товарища прибежал доложить, что барин только что воротился домой и умер («Странник», 1887, сентябрь).

* * *

У Евдокии Петровны Елагиной занемог сын Рафаил. Мальчику, горячо любимому, было около двух лет. Он сильно страдал, и мать, не сводя с него глаз, сидела подле его кровати. Нечаянно она взглянула на дверь и в это мгновение видит входящую Марью Андреевну Мой-ер (урожденную Протасову), свою подругу. Евдокия Петровна вдруг вскакивает со стула, и бежит к ней навстречу с восклицанием: «Маша!». Но в дверях уже никого нет. С Евдокией Петровной сделалось дурно. В эту самую ночь и в этот самый час Марья Андреевна скончалась в Дерпте, как после было получено известие (Из сочинений В. А. Жуковского, т. 4).

* * *

«В 1858 году, находясь на службе в Москве, — рассказывает Владимир Энгельгард, — я в начале февраля был командирован в Архангельск по делам службы. Перед самым отъездом я

написал письмо моей матушке, жившей в Петербурге, убедительнейше прося ее заочно благословить меня в путь-дорогу. Затем немедленно я отправился. Остановившись на одной станции отдохнуть и не успев лечь на диван, я, к крайнему моему удивлению, вдруг вижу в нескольких шагах от меня матушку мою в сопровождении сестры моей, скончавшейся в 1846 году. Пораженный этим непостижимым видением, я не мог ни пошевелиться, ни тронуться с места, но пристально и, признаюсь, с каким-то непонятным страхом, смотрел на явившихся мне дорогих лиц. Матушка совершенно как живая благословила меня крестным знаменем. Я внезапно взял спичку, и зажег свечу, и в светлой комнате не стало видения!.. Это событие произошло с 12-го на 13 февраля 1858 года в третьем часу утра. Прибыв в Архангельск, я получил письмо от зятя с известием, что в эту самую ночь матушка моя скончалась» («Душеполезное Чтение», 1870).

* * *

Когда Ломоносов плыл морем из заграницы в свое отечество, случилось с ним происшествие, которое он никогда не мог забыть. Михаил Васильевич видел во сне своего отца, выброшенного кораблекрушением на остров в Белом море, памятный ему с юности, потому что он некогда был прибит к нему бурей с отцом своим.

Лишь только он приехал в Санкт-Петербург, как поспешил справиться об отце у своих земляков и узнал, что он еще прошлой осенью отправился на рыбную ловлю и с тех пор не возвращался, а потому полагают, что с ним случилось несчастье.

Ломоносов так был поражен этим известием, как прежде своим сновидением, и дал себе слово отправиться на родину, отыскать тело несчастного отца на том самом острове, на котором он ему приснился и с честью похоронить. Но так как занятия в Санкт-Петербурге не позволяли Ломоносову исполнить это намерение, то он с купцами, возвращавшимися из Санкт-Петербурга на его родину, послал к тамошним родным своим письмо и поручил брату исполнить это предприятие.

Желание его было исполнено в то же лето: ватага холмогорских рыбаков, пристав к указанному острову, действительно отыскали мертвое тело. Василия Ломоносова, которое и предали земле («История Импер. Акад. Наук», С.-Пб., т. 2, с. 312).

* * *

Графиня Елисавета Ивановна, супруга Владимира Григорьевича Орлова, до замужества была фрейлиной императрицы Екатерины II. В бытность Высочайшего двора в Царском Селе (1767 г.) Елисавета Ивановна занималась как-то своим туалетом в присутствии нескольких молодых подруг, в том числе графини Елисаветы Кирилловны Разумовской.

Веселые шутки и смех оживляли их беседу. Между тем, в полном рассеянии Елисавета Ивановна устремила взор свой на окно с приметной тревогой на лице, взглянула еще раз с большим удивлением и, посмотрев в третий раз, вдруг вскочила с кресла, говоря: «Батюшка приехал! Он подходит к окну». Побежали в сад, но тщетно искали везде Стакельберга, его не было ни в доме, ни в саду.

Глубокая печаль сменила радость на челе нежной дочери. Напрасно подруги старались разуверить ее, что видение было следствием игры воображения. Молодая Стакельберг повторила, что она три раза видела отца своего, что сначала сама не хотела верить своим глазам, и продолжала тосковать.

За обеденным столом у императрицы фрейлины забавлялись насчет легковерной подруги. Государыня пожелала узнать предмет их разговора, и князь И. С. Барятинский исполнил ее волю. «Успокойся, — сказала Государыня, — отца твоего нет в Петербурге. Он не мог бы приехать сюда без моего позволения. Тебе это показалось. Советую, однако, для любопытства записать

сие видение». Через несколько дней получено было известие из Риги о кончине Стакельберга, и оказалось, что он умер в тот самый день и час, когда явился дочери («Словарь достопамятн. людей русской земли»).

* * *

«Вскоре по выпуске в офицеры, дядя мой, Логгин Иванович Греч, отправился к армии, действовавшей против турок, — рассказывает в своих записках Н. И. Греч. — Умер он в 1772 году от моровой язвы в Яссах. Он был любимцем своей матери и, как говорит семейное предание, явился ей в минуту своей смерти. Моя бабушка, а его мать однажды после обеда легла отдохнуть; вскоре выбежала она из своей спальни встревоженная и спрашивала у домашних: «Где он?». Я еще не спала. «Кто?» — спрашивают ее домашние. «Как кто? Сын мой, Логгин Иванович! Я начала было засыпать, вдруг услышала шорох, открыла глаза и вижу, что он проходит бережно, с остановкой, мимо дверей спальни, чтобы не разбудить меня. Где он? Не прячьте его». Ее уверили, что Логгин Иванович не приезжал, и что ей это пригрезилось, и она со слезами убедилась в своей ошибке. В это время вошел в комнату зять ее Безак. Узнав о случившемся, он призадумался и, вынув из кармана записную книжку, записал день и час этого случая. Через две недели было получено письмо: в этот самый час Логгин Иванович скончался» (Из записок Н. И. Греча).

Сила церковного поминовения (РАССКАЗ ПРОТ. ГРИГОРИЯ УТРОБИНА)

Одна благочестивая старица по имени Параскева, разговаривая со мною о разных религиозных предметах, рассказала мне следующее событие из своей жизни: «Отец мой, — говорила она, — к несчастью, умер внезапной смертью без исповеди и причастия Св. Тайн Христовых.

Зная, что покойный был человек грешный, как и все мы, подверженный разного рода немощам, особенно нетрезвости, от чего, думаю, и последовала ему внезапная кончина, я в течение сорока дней с особенным усердием молилась об упокоении его души, подавала каждодневно посильную милостыню нищим и, в особенности, просила служащих священников вынимать частицы за его упокоение при совершении Литургии, а служба у нас, как знаете, совершается ежедневно. В конце сороковых дней вижу я сон: мне представилось какое-то обширное темное место, в конце которого в углу стоит мой отец, но только малого роста против того, какой он имел при жизни. Вдруг он говорит мне весьма внятно:

— Паша! Ведь я жив!

— Да зачем ты так мал? — спросила я.

— Мал я за грехи мои, — сказал он, — только ты продолжай молиться Богу за меня, корми голодных, особенно не забывай проскомидию, и я вырасту.

И еще что-то говорил, но я теперь этого не припоминаю. В заключение еще сказал громко: «Пашенька! Молись же Богу; ведь я жив!». Тем видение мое и кончилось».

Нужно ли к этому прибавлять что-нибудь? Ничего, кроме того, что мы обязаны молиться о всех усопших отцах и братьях наших, да помилует их Господь по велицей Своей милости, особенно же не оставлять молитв наших о них при совершении Божественной Литургии. Слышал этот рассказ давно, но записал на память 26 декабря 1870 года («Странник», 1880).

Участие умерших в судьбе живых и особенно родных и друзей

Один архиепископ, жестоко страдавший меланхолическими припадками, усердно просил себе помощи у Бога. Раз во время вечерней молитвы он заметил, что в передней его комнате разлился свет, который постепенно усиливался и, наконец, окружил его самого. Тут он увидел какую-то

женщину и, всмотревшись в нее, узнал покойную мать свою. «Зачем так горько плачешь, сын мой? — сказала она. — Ты понимаешь ли чего просишь у Господа? Для Господа нетрудно исполнить твое прошение, но знаешь ли чего через это лишаешь себя? Ты и сам не знаешь, чего себе просишь». И, дав ему несколько наставлений, стала невидима («Письма святогорца», п. 218).

* * *

20 апреля 1851 года в Троице-Сергиевой лавре умер иеромонах о. Симеон, которого похоронили с подобающей честью. На другой день после погребения, рано утром, один из духовных его детей М. сидел у себя на кровати, будучи обуреваем помыслами оставления обители. Но вот он чувствует, что кто-то есть около него; подняв голову, он видит о. Симеона, который, подойдя к нему с веселым лицом покачав головою говорит: «Полно тебе греховным помыслам предаваться, — борись и сопротивляйся им, а обители обеими руками держись» («Монастырские письма», п. 29).

* * *

«Это было давно, когда я еще учился в коммерческом училище, — рассказывает писатель Кельсиев. — Я жил на квартире, недалеко от училища, а отец мой с семейством жил на Васильевском острове. Он служил чиновником в таможне и занимал казенную квартиру около Биржи. Занятый службой, он посещал меня редко. Однажды ночью, когда я еще не ложился спать и читал какую-то книгу, находясь один в комнате, вижу — дверь отворяется и в комнату входит мой отец, бледный такой, печальный. Я несколько не удивился его приходу, зная его заботливость обо мне. Он прямо подошел ко мне и говорит: «Вася, я пришел тебя благословить... Живи хорошенько и не забывай рога». Сказав это, отец благословил меня, как следует, и скрылся, т.е. вышел в эту же дверь.

Это посещение не произвело на меня, как вещь обыкновенная, никакого впечатления. Но каково же потом было мое удивление? Немного спустя после ухода моего отца ко мне стучат. Отворив дверь, я увидел кучера, приехавшего за мною. Он мне сказал, что отец мой только что скончался. И действительно, как оказалось, он умер не больше часа тому назад, почти в то самое время, когда я видел его у себя в комнате. Тут для меня стало ясно: отец благословил меня уже умерший» («Ребус», 1884, № 11).

* * *

«Однажды вечером или, пожалуй, уже ночью, — рассказывал император Павел I*^{*}. — я в сопровождении князя Куракина и двух слуг шел по петербургским улицам. Мы провели вечер во дворце за разговором и табаком и вздумали для освежения сделать прогулку инкогнито при луне. Это было в лучшую пору нашей весны, конечно, не южного климата.

Разговор наш шел не о религии, и не о чем-либо серьезном, а, напротив, был веселого свойства. Куракин так и сыпал шутками насчет встречных. Лунный свет был так ярок, что при нем можно было бы читать письмо и, следовательно, тени были очень густы.

При повороте в одну из улиц вдруг вижу я в глубине подъезда высокую худую фигуру, завернутую в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза, шляпе. Он будто ждал кого-то.

Только что я миновал его, он вышел и пошел около меня с левой стороны, не говоря ни слова. Я не мог разглядеть ни одной черты лица его. Мне казалось, что ноги его, ступая на плиты

* Он был тогда еще великим князем. — *Сост.*

тротуара, производят страшный звук, как будто камень ударялся о камень. Я был изумлен, и охватившее меня чувство стало еще сильнее, когда я почувствовал ледяной холод в моем левом боку, со стороны незнакомца.

Я вздрогнул и, обратись к Куракину, сказал:

— Судьба нам послала странного спутника.

— Какого спутника? — спросил Куракин.

— Господина, идущего у меня слева, которого, кажется, можно заметить по шуму, производимому им.

Куракин раскрыл глаза в изумлении и заметил, что никого нет у меня с левой стороны.

— Как? Ты не видишь этого человека между мною и стеной дома?

— Ваше высочество, вы идете возле самой стены и физически невозможно, чтобы кто-нибудь был между вами и стеной.

Я протянул руку, и точно, ощупал камень. Но все-таки незнакомец был тут, и шел со мною шаг в шаг, и звуки шагов его, как удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрел на него внимательнее прежнего, под шляпой сверкнули глаза столь блестящие, таких я не видал никогда ни прежде, ни после. Они смотрели прямо на меня, и производили какое-то околдовывающее действие.

— Ах, — сказал я Куракину, — я не могу передать тебе, что я чувствую, но только во мне происходит что-то особенное.

Я дрожал не от страха, но от холода. Я чувствовал, как что-то особенное пронзало все мои члены и мне казалось, что кровь замерзла в моих жилах. Вдруг из-под плаща, закрывавшего рот таинственного спутника, раздался глухой и грустный голос: «Павел!». Я был во власти какой-то неведомой силы и машинально ответил: «Что вам нужно?» — «Павел!» — сказал опять голос, на этот раз, впрочем, сочувственно, но с еще большим оттенком грусти. Я не мог сказать ни слова. Голос снова назвал меня по имени, и незнакомец остановился. Я чувствовал какую-то внутреннюю потребность сделать то же.

— Павел! Павел! Бедный князь!

Я обратился к Куракину, который также остановился:

— Слышишь? — спросил я его.

— Ничего не слышу, — отвечал тот, — решительно ничего. — Что касается меня, то этот голос и до сих пор раздается в моих ушах. Я сделал отчаянное усилие над собою, и спросил незнакомца, кто он и что ему нужно?

— Кто я?.. Бедный Павел! Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе, и кто хочет, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не долго останешься в нем. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести: для благодарной души нет более чувствительного наказания.

Он пошел снова, глядя на меня все тем же пронзительным взором. И если прежде я остановился, когда остановился он, так и теперь я почувствовал необходимость пойти, потому только, что пошел он. Он не говорил и я не чувствовал особенного желания обратиться к нему с речью. Я шел за ним, потому что он теперь направлял меня.

Это продолжалось около часа. Где мы шли, я не знаю. Наконец, мы пришли к большой площади, между мостом через Неву и зданием Сената. Он пошел прямо к одному, как бы заранее отмеченному месту площади, где в то время воздвигался монумент Петру Великому; я, конечно, следовал за ним и затем он остановился.

— Прощай, Павел! — сказал он. — Ты еще увидишь меня.

При этом шляпа его поднялась, как бы сама собою, и глазам моим представился орлиный взор, смуглый лоб и строгая улыбка моего прадеда Петра Великого. Когда я пришел в себя от страха, его уже не было предо мною».

К какому именно времени относится это видение определить можно только приблизительно. Великий князь рассказывал его 10 июля 1782 года в Брюсселе в присутствии Оберкирх, которая, записав его рассказ, свидетельствует, что Павел Петрович был искренно и глубоко убежден в реальности представившегося ему видения. Так как спутником цесаревича во время этого видения был князь Куракин, вернувшийся в Петербург из заграничного своего путешествия только в 1772 году, то видение Павла Петровича должно было иметь место в 1773-1782 годах («Русский Архив», 1869, № 3).

* * *

Митрополит Платон передает следующий случай из своей жизни: «Когда я епископствовал на Дону, явился мне император Николай Павлович, это было в конце сорокоуста по скончавшемся государю. Сажу я у себя, время было около полуночи, под воскресенье, сажу и читаю очередную проповедь одного священника, в которую и было погружено все мое внимание. Стало быть, воображение бездействовало и ни к чему меня не приготавливало. По правую сторону от моего стола находилась дверь в приемную и она по обыкновению настежь была отворена. Сажу я, с углублением читая проповедь, кое-что мараю в ней, и вдруг чувствую, что меня что-то ударило в правый бок, ударило слегка, как будто детским резиновым мячиком, брошенным из растворенной двери. Я не мог не взглянуть в эту сторону, взглянул и что же представилось глазам моим?

В дверях стоит во всем своем царском величии, немного склонясь в сторону, государь император Николай Павлович, устремляя на меня свой орлиный взор. И это не было какое-нибудь туманное, призрачное явление, нет, я вижу незабвенного моего царя как живого и все в нем, до мельчайших подробностей, явилось мне в осязаемых очертаниях. Мог ли я не прийти в трепетное смущение?

Смотрю на явившегося возлюбленного царя, и он пронизательно, величественно и, вместе с тем, добродушно смотрит на меня. И это было не на мгновение. Невольно возник в душе моей вопрос: встать ли мне и поклониться? Но как кланяться привидению? А с другой стороны, как не поклониться царю?

Привстаю, и в эти секунды ясный, дивный образ великого из царей земных стал мало-помалу переходить в туманный призрак, стал исчезать, не двигаясь с места, и исчез; но я не заплакал и вот с той поры реже стали падать из глаз моих слезы при воспоминании о незабвенном царе Русского царства.

Не знаю, — добавил митрополит, обратившись к слушавшим рассказ, — поверите ли вы этому? Но не забывайте, я старик и хотя недостойный, но служитель алтаря Господня, и мне нет никакой надобности говорить ложь или вымысел» («Новое Время», 1893, апрель).

* * *

«17 сентября явился я к митрополиту Филарету с обычным докладом о состоянии обители, — рассказывает наместник, архимандрит Антоний (митрополит был в это время в Троице-Сергиевой лавре). — После моего доклада, преосвященный говорит:

— Я ныне видел сон и мне сказано: «Берегись 19-го числа».

На это я заметил ему:

— Владыка святой, разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Как же можно притом обращать внимание на такое неопределенное указание? Девятнадцатых чисел в году бывает двенадцать.

Выслушав это, он с чувством сердечной уверенности сказал мне:

— Не сон я видел, мне явился родитель мой и сказал те слова, я думаю с этого времени

каждое 19-е число причащаться Св. Тайн. — Я сказал, что это желание доброе.

Через два дня после сего, 19-го сентября, во вторник на Литургии в домовая церкви он причастился Св. Тайн. В октябре он был в Москве и 19-го числа, в четверг, там причастился Св. Тайн в своей домовая церкви. Вскоре наступил ноябрь, в котором роковое 19-е число приходилось на воскресенье.

Пред тем все время владыка чувствовал себя хорошо и легко, принимал посетителей, ревностно занимался делами, выезжал иногда из дома. На неделе перед 19-м числом принимал он одного из своих почитателей, который при прощании передал ему просьбу одной почтенной дамы, так уважавшей святителя, что она желала бы быть у него и принять его благословение. Владыка сказал: «Пусть приедет, только прежде 19-го числа». Так глубоко засела в нем мысль о 19-м числе.

18 ноября, в субботу, владыка говорит своему келейному иеродиакону Парфению, что завтра он будет служить Литургию в своей домовая церкви, и чтоб все было приготовлено к служению. Старик Парфений, отличавшийся прямою и откровенностью, решил заметить старцу-митрополиту, что тот утомится от служения и не сможет, пожалуй, служить в Введенев день*, что лучше бы тогда отслужить. Но владыка заметил ему: «Это не твое дело, скажи, что я завтра служу». Он отслужил Литургию и в тот же день, 19-го числа, скончался» («Простая речь о мудреных вещах», М. Погодин).

* * *

Затворник Георгий (Машурин) рассказывает в записке, найденной в его бумагах после смерти, следующий факт.

«Когда все покоилось в мирной тишине в самую глухую ночь, и мать моя почивала на ложе своем, вдруг озарился весь ее покой светом. Отворилась дверь, увеличился свет, явился священник, бывший ее духовником и уже три года почивавший во гробе, и принес в руках своих икону. Тихо он приблизился к одру ее и благословил образом стоявшую в радостном трепете и объятую страхом свою духовную дочь и возвестил ей вожделенные слова сии: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Бог даст тебе сына Георгия. Вот тебе и образ святого великомученика Георгия».

Несказанно обрадованная Божиим благословением, она приложилась к святому образу и, приняв на свои руки, поставила в божницу. Сим видение окончилось».

Дивный сон этот сбывся: от Анны родился сын Георгий. Историю чудного сновидения затворник Георгий оканчивает словами: «Все это я имел счастье слышать от самой родительницы моей» (Из записок затворника Георгия).

* * *

Иеромонах Аникита (в миру князь Сергей Шахматов), услышав о болезни своей благочестивой матери, отправился к ней, чтобы проститься и получить благословение на вступление в монашество, но застал ее уже бездыханною.

Горько он плакал о том, что она не успела благословить его. Благочестивая мать не замедлила утешить его своим явлением. Во время легкого сна она явилась к нему со светлым лицом и сказала: «Благословить много, а дозволить можно» (О жизни и трудах иеромонаха Ани-киты).

* * *

«Я была еще маленькой девочкой, — рассказывает одна дама, — когда мне случилось быть свидетельницей необыкновенного следующего случая, который до самой смерти сохранился в

*22 ноября по ст. ст. — *Изд.*

моей памяти. Однажды вечером, только что я легла в постель, погасив свечи, вдруг вижу, к величайшему моему удивлению, перед камином, не совсем еще погасшим, сидит какой-то священник и греет себе руки. По своему телосложению, наружности и осанке он походил на одного из наших дядей, протоиерея, недалеко жившего от нас. Я тотчас сообщила об этом сестре, которая спала вместе со мною. Она взглянула на камин и увидела то же самое явление, причем в сидевшем также признала нашего дядю.

Невыразимый ужас тогда овладел нами, и мы изо всех сил стали кричать и звать на помощь. Наш отец, спавший в соседней комнате, разбуженный этими отчаянными криками, вскочил с постели и прибежал к нам со свечою в руках. Привидение исчезло. На следующее утро мы получили письмо, из которого узнали, что наш дядюшка протоиерей скончался в тот самый день и час, когда мы его видели» («Петербургский Лист», 1883).

* * *

Накануне праздника Святой Пятидесятницы преосвященный Тульский Димитрий видел сон, что он находится в одесском кафедральном соборе. На архиерейском амвоне стоит архиепископ Одесский Иннокентий, со свитком бумаг. Вручая свиток епископу Димитрию, он сказал: «Отец Димитрий, докончите». Оказалось потом, что архиепископ Иннокентий умер накануне Пятидесятницы и преосвященный Димитрий был назначен преемником ему (Прибавление к «Херсонским епарх. ведом.», 1887).

* * *

В г. Свенцянах, Виленской губернии, один шляхтич похоронил свою жену, умершую на последнем месяце беременности. Ребенок, по заключению врачей, умер тоже, и шляхтич таким образом сразу лишился двух дорогих ему существ... Потеря эта подействовала на него чрезвычайно... Вернувшись с похорон домой, он пошел к себе в комнату и лег на диван, стараясь уснуть для того, чтобы хотя немного успокоиться от горч. Вместо облегчения сон принес ему, однако, нечто совершенно другое...

Только что он закрыл глаза, как вполне ясно увидел около дивана свою жену вместе с ребенком. Из глаз ее капали слезы, она протягивала к мужу руки и жалобным голосом говорила: «Зачем ты похоронил нас живыми?.. Зачем?». Шляхтич вскочил; на лбу его выступили крупные капли холодного пота. В комнате не было никого. Он перекрестился и, думая, что ему просто показалось, снова лег на диван.

Через несколько секунд видение снова повторилось. На этот раз лицо жены было искажено ужасным страданием... Ребенок лежал у ее ног мертвый, широко раскинув ручки, с посиневшим лицом и выкатившимися из орбит глазами. Шляхтич не знал, что ему делать. Похороны жены его происходили утром и он до глубокой ночи ходил по комнатам в доме своем, боясь заснуть и увидеть ужасную картину.

Наконец, ночью физическая усталость и душевное потрясение взяли свое. Он не мог более бороться со сном, лег и в третий раз увидел жену и ребенка. Жена стояла перед ним и укоризненно шептала: «Ты похоронил нас живыми, ты живыми нас похоронил». Шляхтич не выдержал. Утром чуть в окна показался свет, он побежал на кладбище и заставил могильщиков разрыть могилу. Когда открыли гроб, глазам присутствовавших представилась ужасная картина: женщина в могиле разрешилась от бремени и лежала мертвая лицом вниз, судорожно впившись зубами в подушку... Ребенок тоже был мертв («Петербургская газета», 1893, № 208).

* * *

По большей части умершие являются в момент своей смерти только одному лицу, но случается, что их видят несколько человек одновременно. «Несколько лет тому назад, —

рассказывает В. Стрит, — я сидел у себя дома с товарищами на площадке лестницы, которая вела из наших верхних комнат в большие сени, куда выходили комнаты отца, матери и сестры. Вдруг все мы слышим громкий стук в дверь. Мать тоже слышала его и крикнула мне, чтобы я шел отворить. Не успел я сбежать с лестницы, как дверь отворилась сама и в сени вошла моя тетка, старшая сестра моей матери. Она направилась прямо в гостиную. «Почему это тетка Тальбот прошла прямо в гостиную?» — удивились мы все, и пошли за нею в гостиную. Но там, к великому нашему удивлению, мы никого не нашли.

«Наверное мы услышим о ее смерти», — сказал отец, записывая день и час явления ее. Вечером того же дня мы получили депешу, извещавшую нас о смерти тетки. Она скончалась в три часа дня, именно в тот час, когда мы видели явление ее» («Петербургский Листок», 1892, № 112).

* * *

У помещика В. Дроцянского, жившего в деревне Кутилове, был брат, давно больной чахоткою. В то время, когда у Дроцянского гостило несколько соседей, им было получено письмо от жены больного брата, которая писала, что болезнь ее мужа приняла угрожающий характер, и просила немедленно приехать к умирающему. Письмо это он показал гостям и сказал, что завтра же утром поедет к брату.

Выйдя из гостиной в переднюю, чтобы отдать нужные приказания прислуге, он с удивлением увидел в передней своего брата, который снимал с себя пальто. «Какая мистификация, — воскликнул он и возвратился в комнату, чтобы объявить своим домашним о приезде брата и показать последнему только что полученное им письмо. Спустя минуту он возвращается в переднюю к брату, но не находит его ни там, ни во всем доме. Дроцянский спрашивает прислугу и гостей, причем оказалось, что эти последние и, особенно, один из гостей, именно Жель, совершенно ясно видели брата в передней, но объяснить, каким образом он мог вдруг исчезнуть, они не могли.

На другой день, поутру, Дроцянский получил телеграмму о кончине брата в одиннадцать часов вечера накануне, как раз в то время, когда он явился («Ребус», 1893),

* * *

«Моя служба заставляет меня дежурить в госпитале, — рассказывает доктор Вакуловский. — Дежурства эти продолжаются в течение суток и иной раз бывают чрезвычайно утомительны, так что ночью не удается и выспаться: то позовут к больному, то привезут человека, требующего немедленной помощи. Однажды, во время дежурства, это было в минувшую зиму, я только что улегся спать, как вдруг стучит кто-то. Отворяю дверь, — вижу фельдшера:

— Ваше благородие, в пятой палате такой-то больной очень плох.

— Хорошо, — сказал я, — сейчас иду. Поднимаюсь по лестнице и вижу — стоит больной, в халате. «Зачем не спишь?» — оказал я, и вдруг его не стало. Неприятно сделалось. Прихожу в палату, а фельдшер говорит: «Сейчас умер». Прикладываю руку ко лбу — холодный, щупаю пульс — не бьется, кладу руку на сердце — все тихо. Умерший — вылитое лицо того, что попался мне навстречу на лестнице. Я не передавал никому об этом, только внес этот случай в свою записную книжку. Вернувшись в дежурную, я не мог тотчас же лечь спать, а сел писать и написал статью по поводу столетия со дня рождения В. А. Жуковского, появившуюся потом в Русинской газете «Слово». Очевидно, мозг мой не был вовсе настроен к чему-либо фантастическому, о чем не замедлили бы говорить иные, если бы я вздумал рассказывать им этот факт. Значит не галлюцинация было то, что я увидел перед собой умершего больного» («Ребус», 1882, № 49).

* * *

«В год кончины моей матушки, — рассказывает ветеран, служивший в конной артиллерии в начале нынешнего столетия, — я получил от нее письмо, в котором она извещала меня, что собирается на все лето пожаловать ко мне. Это было в конце зимы. Я отвечал ей, что буду чрезвычайно рад и приготовлю все для ее полного спокойствия.

Зная, как она любит цветы и всякого рода роскошь, я отделал заново большую половину дома, обращенную к саду и прилегавшую к оранжерее, а себе оставил половину, выходящую окнами во двор. Вечера еще были довольно долги и я, по обычаю своему, каждый вечер после чая отдыхал на своей постели и что-нибудь читал. Однажды, лежа в спальне, вдруг вижу, дверь моей комнаты отворяется и входит матушка. Я мгновенно вскочил с постели и, запахнув халат, бросился к ней навстречу, говоря: «Матушка, как я рад, что вы пожаловали», совершенно забывая, что это еще зима и что в доме не было никакого предварительного движения, возвещавшего ее прибытие. Она сделала несколько шагов ко мне, пристально посмотрела на меня и исчезла. Я был поражен. В первую минуту даже не мог сообразить, что у нас только конец зимы, а когда пришел в себя, то готов был уверять, что это точно матушка была у меня, так было реально это видение.

Спустя недели две после этого случая, я получил письмо от сестры Прасковьи Ивановны, которая извещала, что матушка умерла как раз в тот день и час, когда она явилась мне в тульской деревне» («Ребус», 1887, № 1).

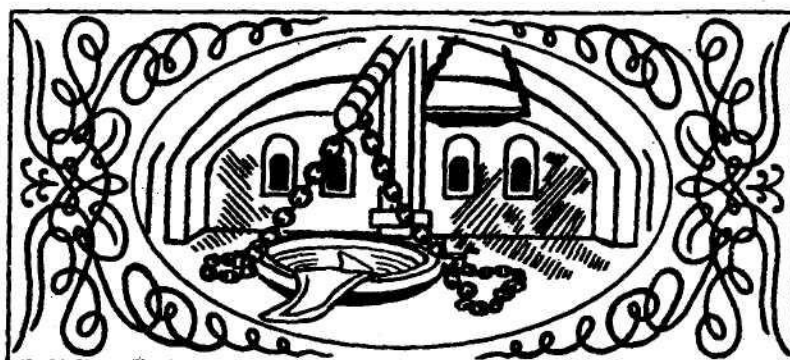
* * *

В Соединенных Штатах Америки, в городе Филадельфия, был дом, известный как «неспокойный», так что никто не решался жить в нем. Однажды, в этот город приехали две сестры с намерением остаться жить здесь. Они искали себе квартиру и кто-то указал им на этот дом. Хозяин беспокойного дома согласился пустить их без всякой платы, не скрывая, однако, причины, по которой он остается давно без жильцов. Сестры переехали на жительство в страшный дом.

В первые два-три дня ничего особенного не заметили. Но вот однажды ночью, когда они уже легли было спать, в доме поднялся какой-то непонятный шум, так что они поневоле перепугались. Встав с постели, одна из них спросила: «Кто здесь и что нужно?». Вдруг, как будто из земли, явился незнакомый мужчина и говорит: «Вот так давно бы спросили меня, поэтому я и давал о себе знать всякими способами. Я прошу вас помочь мне, а в чем именно, выслушайте меня. Несколько лет тому назад я был хозяином этого дома. Однажды, ко мне приехал мой племянник-сирота, которому я предложил жить у меня. Он был человек бедный. У меня было намерение оставить ему все состояние, так как кроме него у меня никого не было из родных. Я полюбил его и ничего от него не скрывал, так что он знал, что у меня были большие деньги. Однажды ночью он зарезал меня и труп мой скрыл в этой самой комнате под полом, а деньги, сто тысяч долларов, украл, и в ту же злосчастную ночь уехал из этого города по железной дороге и теперь живет под чужим именем вдали отсюда.

Прошу вас заявить об этом полиции, которая найдет мой труп под полом и предаст надлежащему погребению, и я тогда уже успокоюсь».

На другой день сестры заявили об этом кому нужно, и действительно был найден под полом скелет человека, который и предан был земле по христианскому обряду. С тех пор в доме стало спокойно (Сообщено устно одним интеллигентным лицом). Спустя два года после этого видения, он, коленапреклоненный на молитве, тихо и мирно скончался («Душеполезное Чтение», 1868).



* * *

Одна благочестивая жена перед своей смертью рассказала своему другу следующее.

«В прошлую ночь явилась мне во сне покойная моя сестра.

— Любезная моя, ты слишком страшишься близкой твоей смерти, — сказала она, — хочешь ли узнать, что такое смерть?

— Да, хочу.

— Хорошо, сестра, я покажу тебе, что такое смерть. Смотри, вот она!

Тут явившаяся тихо склонилась на софу, и тотчас из ее тела вышел чрезвычайно тонкий светлый образ человеческий: то была смерть. Тут я пробудилась» («Душеполезные размышления», 1882, № 5).

* * *

В «Могилевских епархиальных ведомостях» помещено описание следующего случая из жизни митрополита Платона.

«В моей жизни, — говорил преосвященный, — есть один случай, при котором я видел тень другого человека, да притом же так живо и отчетливо, как вот вас вижу теперь. Это было в тридцатых годах, когда я состоял инспектором Санкт-Петербургской духовной академии. У нас был в числе студентов Иван Крылов, из Орловской семинарии, известный мне, когда я был там наставником. Учился он недурно, был хорошего поведения и благообразного вида. Раз он приходит ко мне и просит, чтобы позволил ему отправиться в больницу. Я думаю себе: «Верно он истощал, пусть там покормят его получше и он поправится. А может быть и курсовое сочинение там напишет. Проходит несколько времени, я о нем ничего не слышу, доктор ничего не говорит. Но вот, однажды, лежу я на диване и читаю книгу, смотрю — стоит Крылов и прямо смотрит на меня. Лицо его вижу так ясно, вот как вас, но тело его было, как бы в тумане или облаке. Я взглянул на него. Он... Меня передернуло. Призрак точно понесся к окну и скрылся. Я еще раздумывал, что бы это значило, слышу стук в мою дверь, входит больничный сторож и говорит мне:

— Студент Крылов Богу душу отдал.

— Давно ли? — спросил я в изумлении.

— Да вот минут пять, я только собрался к вам.

Вот извольте разгадать эту тайну, — сказал архипастырь, обращаясь ко всем присутствовавшим при рассказе. Все молчали. — Все это, — заключил владыка, — несомненно доказывает нам какую-то таинственную связь между нами и душами умерших» («Могилевские Епархиальные Ведомости», 1883).

* * *

«Идя по скиту, — так рассказывает один из монашествующей братии Троице-Сергиевой лавры, — зашел я к умирающему Вуколу, послушнику покойного схимонаха Моисея. В тот день, когда я был у него, его соборовали маслом. Увидав его в благодушном состоянии, я спросил:

— Что, о. Вукол, видно, в путь собираешься?

— Да, батюшка, помолись, да пошлет мне, грешному, Господь Свою милость.

— Кланяйся от меня своему о. Моисею.

— Я ныне, — говорит больной, — виделся с ним, он был у меня и вот здесь читал акафист Богоматери, а меня, как и прежде бывало, заставил петь припевы, и так все правило совершил у меня. И сказал мне с радостью: «Мы с тобою и там вместе будем жить, мне позволено прийти проводить тебя туда». Помолились мы еще с ним, и я как бы совершенно был здоров, перекрестил он меня и отошел. Так я, батюшка, жду не дождусь, когда пошлет Господь перевести меня отсюда. Отец Моисей сказал, что там несказанно хорошо» (Монастырские письма, 35).

* * *

В одном селе жила почтенная чета: старик, заштатный священник, отец Г., и старушка, жена его. Жили они очень долго на свете и, как говорится, душа в душу. Отец Г. приобрел свою жизнью уважение - у многих в окрестности. Это был человек доброго старого времени, хлебосол, приветливый и добрый. Но всему бывает на свете конец: отец Г. занемог, слег в постель и, напутствованный христианскими Таинствами, тихо и мирно перешел в вечность, оставив горько оплакивавшую его спутницу жизни. Вот уже минул и год после его смерти. Старушка, жена его, накануне годовщины о нем поминовения после разных хлопот легла немножко отдохнуть. И вот видит во сне покойного мужа. С радостью бросилась она к нему и начала его расспрашивать, что с ним и где он теперь находится? Покойник отвечал: «Хотя я и не обязан с тобою говорить, но так как при жизни не было у меня от тебя никаких тайн, то скажу, что, по милости Божией, я не в аду; скоро и ты последуешь за мной, готовься к смерти через три недели после этого дня».

Покойник медленно удалился, как бы не желая с нею расстаться, а старушка, проснувшись, радостно стала всем рассказывать о своем свидании с покойным мужем. И действительно, ровно через три недели она мирно скончалась («Душеполезное Чтение», 1868, ч. 1).

* * *

«Один из богоносных отцов, — как записал св. Иоанн Дамаскин, — имел ученика, жившего в безпечности. Когда сей ученик застигнут был смертию в таком нравственном состоянии, то человеколюбивый Господь, после молитв, принесенных старцем со слезами, показал ему ученика его, обьятого племенем до шеи. Когда же старец его много подвизался и молился о прощении грехов усопшего, то Бог показал ему юношу, стоящего в огне по пояс. Потом, когда благостный муж приложил к трудам своим новые труды, то Бог в видении явил его старцу совершенно избавленным от мучений» (Слово о почив, в вере, «Христианское Чтение», ч. 26, 1827).

* * *

«Отец мой знал о своей кончине за несколько лет, — передает некто С, — и вот как это ему было открыто. Накануне именин своих с 31 декабря на 1 января увидел он во сне своего отца, Михаила Васильевича, который объявил ему о скором их свидании в лучшем мире.

— Ты умрешь, — сказал ему мой дедушка, — 2 января в день и моей смерти.

— Как! — вскричал мой отец, — так скоро?

— Нет, ты умрешь в среду.

И действительно, спустя несколько лет, в первую случившуюся среду, которая совпадала со вторым днем января, мой отец умер» («Душеполезное Чтение», 1862, апрель).

* * *

В конце прошлого столетия помещик З., человек еще не старый, обремененный многочисленным семейством и имевший при этом довольно ограниченное состояние, служил для семьи своей единственной опорой.

Но вот однажды З. отчаянно заболел и видимо начал приближаться к смерти; врачи отказались лечить. Убитая горем жена оплакивала больного мужа, как умершего, представляя свое безвыходное положение. Видя все это, безнадежный больной начал мысленно просить Бога продлить ему жизнь, пока он пристроит старших сыновей и таким образом, оставит на их попечение младших своих детей. После этой молитвы он уснул и проспал довольно долго. Проснувшись, немедленно зовет к себе жену и радостно сообщает ей, что видел в сне архипастыря Белгородского Иоасафа Горленко, которого помнил еще в живых. Архипастырь в сонном видении сказал ему, что по милосердию Божию, ради невинных малюток дается ему еще двадцать лет жизни. Но через двадцать лет, ровно в этот день Господь призовет его к Себе.

Рассказав свое сновидение, больной попросил жену все это со слов его записать в молитвенник, что и было исполнено, и безнадежный дотоле больной З. начал, к удивлению семьи и лечивших его врачей, быстро поправляться и вскоре совсем выздоровел.

Ровно через двадцать лет, в назначенный день, З. почил вечным сном на руках своих сыновей и дочерей, уже пристроенных и обеспеченных, с благодарной молитвой на устах.

Молитвенник его с записью доселе хранится у его потомков, как фамильная ценность («Душеполезное чтение», 1868).

* * *

«Родители наши большею частью жили в своем имении, — рассказывает графиня Г. Ч-ова, — и так любили друг друга, что пережили один другого очень ненадолго. Вскоре по их кончине наступил храмовый праздник в нашем имении. Я и все мои сестры были уже замужем, но к этому дню мы собирались всей семьей в это имение, чтобы помолиться вместе о наших дорогих покойниках. Это было летом. У всех нас были хорошие голоса и мы обыкновенно пели на клиросе.

Накануне праздника, после обеда, все мы сидели в большом зале, из которого стеклянная дверь выходила на террасу, а с террасы был вход в сад. Сестры Спевались, готовясь петь на другой день за обедней в память родителей любимый их концерт. Я же была не совсем здорова и в спевке не участвовала, а сидела в конце залы против стеклянной двери, разговаривая с двоюродным братом. Пели в этот день сестры необыкновенно хорошо; слушая их, я думала: вот, если бы живы были наши родители, как они были бы довольны, слушая этот концерт. Смотря на брата, что-то мне говорившего, я вдруг безотчетно взглянула на дверь, выходящую на террасу и о, ужас! В дверях стоит моя мать в простом белом капоте и белом чепчике с оборочкой, как была похоронена, и пристально смотрит на меня. Не веря своим глазам и думая, что это воображение мне рисует ее образ, я стала смотреть вниз; через минуту подымаю глаза, а она тихо приближается ко мне.

Я встала и пошла к ней навстречу. Как только я двинулась, она стала отступать к двери, лицом ко мне, не оборачиваясь. Я приблизилась к ней, а она все отступала, продолжая пристально смотреть на меня. Так она спустилась с террасы в сад и я за нею. В аллее она остановилась. Я также остановилась и хотела взять ее за руку, говоря: «Я за тобой». Но она отчетливо сказала: «Не прикасайся ко мне, тебе еще не время». Потом она произнесла еще несколько слов, повторять я их не могу; затем улыбнулась, лицо ее точно просветлело каким-то блаженством, и она тихо стала отделяться от земли, подыматься вверх, становясь все воздушнее и исчезла в пространстве» («Современные Известия», 1874, № 19).

* * *

Когда умерла шведская королева Ульрика в своем замке и положена была в гроб, то в передней комнате отряд лейб-гвардии держал печальный караул. В полдень явилась в приемную любимая королевою графиня Стенбок из столицы Стокгольма и начальник стражи проводил ее к телу королевы. Так как она долго не возвращалась, капитан гвардии отворил дверь и от ужаса остолбенел. Тогда поспешили к нему присутствовавшие офицеры и ясно увидели через открытую дверь королеву, сидевшую в своем гробу и обнимавшую графиню Стенбок. Видение казалось как бы плавающим в воздухе, но скоро превратилось в густой туман; но когда туман рассеялся, тело королевы лежало в гробу по-прежнему, а графини Стенбок нигде не оказалось в замке. Тотчас же послали курьера с известием об этом в Стокгольм и был привезен ответ, что графиня Стенбок не оставляла столицы, но умерла в то время, когда ее видели в объятиях королевы. Тогда составлен был об этом событии протокол и подписан всеми, видевшими это явление («Исторический и статистический журнал», 1815).

* * *

В Теофиоле случился такой факт. Издавна здесь в одиночестве проживала всеми уважаемая, чрезвычайно набожная вдова почтенных лет. А. Она особенно близка была с подругой своих юных лет Д. Но неожиданно неразлучные друзья настолько крупно поссорились, что А., внезапно заболев, приказала своим родным не пускать на похороны Д., если последняя к ней, мертвой, придет прощаться. Священник, призванный в одиннадцать часов ночи напутствовать заболевшую, узнал о непримиримой вражде почтенной вдовы с ее прежней приятельницей и стал уговаривать больную простить в душе Д. и тогда только приступить к принятию Св. Тайн. Больная послушала своего духовного отца. В ту же ночь Д., ничего не зная о внезапной болезни А., среди крепкого сна пробуждается от ощущения чьего-то реального присутствия и слышит умоляющий о прощении голос А. Проснувшись, она зажгла свечу, но никого не нашла в своей комнате. В скором времени она снова уснула. Но вдруг Д. слышит крик дочери своей, девушки четырнадцати лет. «Мама, иди сюда, здесь А. ходит. Вот она, вот пошла, смотри!». Д. зажгла свечу и опять никого и ничего. Часы показывали три часа ночи. Мать и дочь совершенно явственно ощущали присутствие А. На другой день Д. получает известие, что А. умерла ровно в три часа ночи. После погребения, священник, согласно распоряжению покойной, вместе с понатыми описал все ее имущество, лучшие вещи сложил в сундуки и отправил в церковный дом до приезда сына, оканчивавшего Академию Художеств; разные же коробочки и мешочки побросали в угол, как ненужный хлам. Через два дня после смерти А., является к священнику испуганная, взволнованная племянница покойной и говорит: «Сегодня мне явилась тетка моя А. и велела вам, батюшка, передать, что вы нехорошо распорядились имуществом ее, нажитое потом и кровью для сына, побросали в угол».

Пошли в дом, стали перебирать коробочки и нашли среди лоскутов пятьсот рублей. Через несколько дней, кажется на шестой после смерти, А. является с той же реальною осязательностью священнику и, как бы в благодарность, говорит: «Не бойся болезни своей, а опасайся вот чего», — и сделала ему предостережение. Действительно, по свидетельству почтенного священника, предсказания ее сбылись («Херсон. Епарх. Вед.», 1886).

Господь приемлет и грешников кающихся

При греческом императоре Маврикии был во Фракии разбойник свирепый и жестокий. Поймать его никак не могли. Блаженный император, услышав о том, послал разбойнику крест свой и повелел ему сказать, чтобы он не боялся, — чем означалось прощение всех его злодеяний, с условием исправиться. Разбойник умилился, пришел к царю и припал к ногам его, раскаиваясь

в преступлениях своих. После немногих дней, он впал в недуг, и помещен был в странноприимный дом, где видел во сне Страшный суд.

Пробудившись и примечая усиление болезни и приближение кончины, он обратился с плачем к молитве и говорил в ней так: «Владыко, человеколюбивый Царю! Спасший прежде меня подобного мне разбойника, яви и на мне милость Твою: приими плач мой на смертном одре. Как принял Ты пришедших в единонадесятый час, ничего не совершивших достойного; так приими и мои горькие слезы, очисти меня ими и прости. Больше этого не взыскай от меня ничего; уже я не имею времени, а заимодавцы приближаются. Не ищи и не испытывай, — не найдешь во мне никакого добра; предварили меня беззакония мои, я достиг вечера; безчисленны злодеяния мои. Как принял Ты плач апостола Петра, так прими этот плач мой, и омой рукописание грехов моих. Силою милосердия Твоего истреби мои прегрешения». Так исповедуясь в течение нескольких часов и утирая слезы платком, разбойник предал дух.

В час смерти старший врач странноприимного дома видел сон: к одру разбойника пришли как бы мурины* с хартиями, на которых были написаны многочисленные грехи разбойника; потом два прекрасных юноши-царедворца принесли весы. Мурины положили на одну чашу написанное на разбойника, эта чаша перетянула, а противоположная ей поднялась кверху. Святые Ангелы сказали: «Не имеем ли мы здесь чего? И что можем иметь, — возразил один из них, — когда не более десяти дней, как он воздержался от убийства? Впрочем, — прибавили они, — поищем что-нибудь доброго».

Один из них нашел платок разбойника, намоченный его слезами, и сказал другому: «Точно, этот платок наполнен его слезами». Положим его в другую чашу, а с ним человеколюбие Божие, и посмотрим, что будет? Как только положили платок в чашу, она немедленно потянула и уничтожила вес рукописания, бывших в другой. Ангелы воскликнули в один голос: «Поистине победило человеколюбие Божие!». Взяв душу разбойника, они повели ее с собою; мурины зарыдали и бежали со стыдом.

Увидев этот сон, врач пошел в странноприимный дом; придя к одру разбойника, он нашел тело его еще теплым, оставленным душою; платок, наполненный слезами, лежал на глазах его. Узнав от находившихся при нем о покаянии, принесенном Богу, врач взял платок, представил его императору и сказал ему: «Государь! Прославим Бога, и при твоей державе спасся разбойник».

Однако, — заключает повесть эту весьма благоразумно передавший нам ее, — гораздо лучше благовременно готовить себя к смерти и предварять страшный час ее покаянием» («Пролог», 17 октября).

* * *

В прошедшем столетии в К. скончалась женщина, лет тридцати, Мария Н. Двадцати лет она выдана была в замужество за мастерового А. Н.; через год после свадьбы муж ее поступил в солдаты, и бедная молодая женщина, прожив после этого года четыре скромно и честно, увлеклась потом соблазном и повела жизнь беспорядочную. Духовный отец Марии нередко увещевал ее обратиться к жизни чистой и раскаяться в прежних проступках, но всегда получал кроткий ответ: «Постараюсь, батюшка, исправиться, постараюсь». Но несмотря на обещания и, без сомнения, действительное старание исправиться, поток соблазна и искушений снова увлекал ее в грех. Таким образом, бедная женщина провела немало лет попеременно, то в грехе, то в раскаянии, то опять в грехе. Но вот в один день зовут духовника Марии для ее напутствования. «Давно ли Мария больна?» — спрашивает он и узнает, что она месяца три уже страдает грудною водянкой и часто о чем-то грустит и плачет.

При исповеди духовник нашел Марию в сердечном сокрушении, и, вместе с тем, сверх чаяния,

** Негры. — *Изд*

в великом, почти радостном уповании на милосердие Спасителя. Она рассказала, что в эти три месяца своей болезни, она много страдала от угрызений совести при воспоминании о своих грехах и при мысли, что не воспользовалась в свое время наставлениями своего духовного отца и одного благочестивого старца-странника, что не могла исправиться от своей слабости; нередко доходила до уныния и совершенного отчаяния, но в то же время, при этих мрачных помыслах, чувствовала, что какой-то голос говорил в ее сердце: «Ты лучше поплачь о грехах своих, — авось, Господь милосердный и простит тебя; ведь у Него милости больше, чем в море капель».

Это был голос благодати Божией, призывающий душу к покаянию и дающий надежду на милосердие Спасителя грешным. И Мария плакала, плакала от глубокого покаянного чувства целые дни и ночи, и еще молила Господа даровать ей целое море слез. И становилось легко на душе ее после многих и обильных слез.

«В прошлую ночь, — прибавила она, — особенно тяжело было мне. Враг силился отнять у меня всякую надежду на спасение. Я томила и уже не знала, что делать, как вдруг, не знаю, — в сонном ли забытии, или наяву, — явился мне старец, которого с год тому назад приняла я к себе больного и изможденного, покоила как отца и, по выздоровлении его, обшила, обмыла и, отдав ему на дорогу свою шубенку, далеко проводила, слушая его мудрые наставления и прося его молиться о мне, грешной. Этот старец сказал мне строгим голосом: «Мария, ты грешишь еще и против Божия милосердия?.. Взвзвешивая на Себя грехи всех человеков, разве не может подъять и твоих? Пострадавший за грехи наши, разве радуется гибели бедных грешников? Или не знаешь, как милостиво принимал Он и прощал великих грешников, прибегнувших к Его милосердию».

Молись и надейся. Посмотри на меня. Вот и я представляю Ему в ходатайство за тебя успокоенную тобою мою старость и эту одежду, драгоценнейшую царских порфир; узнаешь ли ее? Она одна у тебя и была, но ты пожертвовала ею ради Христа Спасителя и ради любви к ближнему, — *пребывали в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16), — говорит возлюбленный ученик Христов. Неужели думаешь, что у Спасителя менее любви для тебя, чем сколько ты могла оказать ее для странного нищего и для Него?».

Тут я пристальнее взглядела в старца и увидела на его кротком и светлом лице радостную улыбку, а шубу мою на нем, блистающей подобно лучам солнечным. «Мир тебе, дочь моя», — сказал еще старец и скрылся...

С тех пор, батюшка, ощущаю я в себе какое-то дивное, необъяснимое спокойствие и, предчувствуя близкий конец свой, пожелала исповедаться во многих и тяжких моих грехах и получить ваше благословение и прощение в том, что многогрешная не слушалась ваших советов и наставлений. Простите, батюшка, простите меня, Бога ради, — или я вовек буду плакать о том».

Что оставалось тут делать духовнику, как не плакать вместе со смиренною и кающеюся грешницею, или нет, — уже омывшею многими слезами глубокого, сердечного раскаяния, грехи свои, уже оправданною пред судом Возмужающего грехи мира, но еще желающую во веки оплакивать их?

Мария в вечер того же дня скончалась в мире. Вскоре, по уходе духовника, она простилась со всеми при ней бывшими, и более уже не говорила ни с кем ни слова, потому ли что лишилась языка, или, потому что мыслью своею была в глубине своего пламенеющего любовию сердца, — и никто не видел и не слышал, как предала она Помилователю грешных свою смиренную душу...

Некто из святых сказал: «Смирение и любовь суть два великих крыла, на которых возносятся на небеса» («Душеполезное чтение», 1861).

* * *

В Египте некоторая девица, именем Таисия, оставшись сиротою после родителей, задумала

обратить дом свой в странноприимный для скитских иноков. Прошло много времени, в течение которого она принимала и успокаивала отцев. Наконец, ее имение истощилось, и она начала терпеть недостаток. С нею познакомились неблагонамеренные люди и отвратили ее от добродетели; она начала проводить худую жизнь, даже развратную.

Отцы, услышав это, очень опечалились, они призвали авву Иоанна Колова и сказали ему: «Мы слышали о сестре Таисии, что она разорилась. Когда она была в состоянии, оказывала нам свою любовь; и мы ныне покажем нашу любовь к ней и поможем ей. Потрудись посетить ее».

Авва Иоанн пришел к ней и сказал старице, стоявшей на страже у ворот, чтобы она доложила о нем госпоже своей. Она отвечала: «Вы, монахи, поели все имение *ее*». Авва Иоанн сказал: «Доложи ей; я доставлю ей большую пользу». Старица доложила. Юная *госпожа* сказала ей: «Эти иноки, постоянно странствуя при Черном море, находят жемчуг и *драгоценные камни*; поди, приведи его ко мне».

Авва Иоанн пришел и сел возле нее и, взглянув на лицо ее, преклонил голову и начал горько плакать. Она *сказала* ему: «Авва, что ты плачешь?». Он отвечал: «Вижу, что сатана играет на лице твоём, и как мне не плакать? Чем не понравился тебе Иисус, что ты обратилась на противные Ему дела?». Она, услышав это, затрепетала и сказала ему: «Отец! Есть ли для меня покаяние?». Он отвечал: «Есть». — «Отведи меня, куда хочешь», — сказала она ему и, встав, пошла вслед за ним.

Иоанн, заметив, что она не распорядилась, даже не сказала ни одного слова о доме своем, удивился. Когда они достигли пустыни, уже смеркалось. Он сделал для нее возглавие из песка, такое же другое, в некотором расстоянии, для себя. Оградив ее возглавие крестным знаменем, сказал: «Здесь усни». А сам, исполнив свои молитвы, тоже прилег отдохнуть.

В полночь Иоанн проснулся и увидел, что образовался некий путь, от места, где почивала Таисия, до неба, и Ангелы Божий возносят ее душу. Тогда он встал и начал будить ее; но она уже скончалась. Иоанн повергся на землю и услышал голос: «Един час ее покаяния принят паче долговременного покаяния многих, не оказывающих при покаянии такого самоотвержения»- («Патерик скитский»).

Что есть адские мучения?

Были два друга, сказано в некоторой священной повести, переданной Святогорцем, один из них, тронутый словом Божиим, вступил в монастырь и проводил жизнь в слезах покаяния, другой остался в мире, проводил рассеянную жизнь и, наконец, пришел в такое ожесточение, что начал дерзко насмехаться над Евангелием.

Среди такой жизни кончина постигла мирянина. Узнав о его смерти, монах, по чувству дружбы, начал молить Бога, чтобы загробная участь почившего ему была открыта.

По прошествии некоторого времени, в тонком сне является иноку друг его. «Что, каково тебе? Хорошо ли?» — спросил монах явившегося. — «Горе мне, злочестивому! Неусыпающий червь точит меня, не "дает и не даст мне покоя чрез целую вечность».

«Какого рода это мучение?» — продолжал вопрошать монах. «Это мучение невыносимо! — воскликнул умерший. — Но нет возможности избежать гнева Божия. Ради молитв твоих дана мне свобода и, если хочешь, я покажу тебе мое мучение. Тебе не вынести, если б я открыл его так, как оно есть, вполне; но, хотя отчасти, узнай его».

При этих словах почивший приподнял одежду свою до колена. И — о ужас! Вся нога была покрыта страшным червем, снедавшим ее, и от ран выходил такой зловонный смрад, что потрясенный монах в ту же минуту" проснулся. Но адский смрад наполнил всю келью, и так сильно, что монах в испуге выскочил из нее, забыв затворить за собой двери, отчего смрад проник далее и разлился по монастырю, все кельи переполнились им, а так как и самое время не уничтожило его, то иноки должны были совершенно оставить монастырь и переселиться в

другое место; а монах, видевший адского узника и его ужасную муку, во всю жизнь свою не мог избавиться от прилепившегося ему зловония, ни отмыть его от рук, ни заглушить никакими ароматами («Вечные загробные тайны», изд. Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне).



Видение обителей Царствия Небесного

Многие из угодников были Духом Святым восхищены в рай и из него проникли на небо, в небеса небес, к самому Престолу Господа, окруженного пламенными Серафимами и Херувимами. Так, преподобный Симеон Дивногорец видел в раю чудные сады, видел там душу праотца Адама и душу благоразумного разбойника, первого из человек, введенного Богом в рай по искуплении (Житие преп. Симеона Дивногорца, 24 мая).

Из известных нам видений святых отцов, зревших рай, особенной живостью и подробностью отличается видение святого Андрея, Христа ради юродивого, продлившееся вышеестественно в течение двух недель. Он поведал сотаиннику своему Никифору об этом видении следующее: «Я увидел себя в раю прекрасном и удивительнейшем и, восхищаясь духом, размышлял: что это?.. Знаю, что живу в Константинополе, как же очутился здесь, — понять не могу. Я был в недоумении: в теле ли я, или вне тела — Бог знает это. Но видел себя облеченным в самое светлое одеяние, как бы сотканное из молний, венец был на главе моей, сплетенный из великих цветов, и я был опоясан поясом царским. Радуюсь этой красоте, дивясь умом и сердцем несказанному благолепию Божия рая, я ходил по нему и веселился. Там были многие сады с высокими деревьями; они колебались вершинами своими и увеселяли зрение; от ветвей их исходило великое благоухание. Одни из деревьев непрестанно цвели, другие украшались златовидными листьями, иные имели на себе различные плоды несказанной красоты и приятности. Невозможно те деревья уподобить ни одному дереву земному: Божия рука, а не человеческая насадила их. Птиц в этих садах было безчисленное множество: иные сидели на ветвях райских деревьев и пели прекрасно; от сладкого пения их я не помнил себя — так услаждалось мое сердце; и казалось мне, что глас пения их достигал даже до высоты небесной. Стояли те прекрасные сады рядами, как бы полк против полка.

В то время как я ходил между ними в восхищении сердца, увидел реку великую, текущую посреди них и их напоющую. На другом берегу был виноградник, которого лозы, украшенные золотыми листьями и златовидными гроздьями, широко раскидывались. Дышали там от четырех стран ветры тихие и благоухающие, от их дыхания колебались сады, производящие дивный шум листьями своими».

Так как святой Андрей был восхищен не только в рай, но, подобно святому апостолу Павлу, и до третьего неба, то вслед за вышеприведенным повествованием о рае, он продолжал сказание

так: «После этого напал на меня ужас, и я ощущал, что стою превыше небесной тверди. Юноша с лицом подобным солнцу предшествовал мне. Я последовал за ним, и вот — увидел Крест прекрасный и великий, видом похожий на радугу.

Вокруг него стояли певцы огнезрочные, как пламень, и пели песнь сладкую, прославляя Господа, распявшегося на кресте. Предшествовавший мне юноша приступил ко Кресту, облобызал его и подал мне знак, чтобы я сделал то же: я припал ко Кресту, со страхом и радостью великою, и усердно лобызал его. В то время, как я его лобызал, насытился духовной неизреченной сладости и обонял большее благоухание, нежели в раю.

Миновав Крест, я посмотрел вниз и, увидев под собою бездну, — потому что мне казалось, что я хожу по воздуху, — начал пугаться и возопил к водившему меня: «Боюсь, чтобы мне не низвергнуться в глубину!» Он, обратясь ко мне, сказал: «Не бойся, нам должно взойти выше», — и подал мне руку. Когда я схватился за его руку, — мы очутились выше второй тверди; я увидел там дивных мужей и покой их, и радость праздника их, неизглаголанного языком человеческим.

После сего мы вошли в чудный пламень, который нас не опалял, но только просвещал. Я начал ужасаться, и опять руководивший меня обратился ко мне и подал мне руку, говоря: «Нам должно взойти и еще выше». С этим словом мы очутились выше третьего неба, где я услышал множество небесных Сил, поющих и славословящих Бога.

Мы пришли пред завесу, блиставшую как молния, пред которою стояли страшные великие юноши, подобные пламени огненному; лица их сияли паче солнца, и в руках их было огненное оружие; кругом со страхом предстояло безчисленное множество небесного воинства. Руководивший меня юноша сказал мне: «Когда отыметя завеса и увидишь Владыку Христа, тогда поклонись Престолу славы Его».

Услышав это, я вострепетал и возрадовался; меня объяли ужас и неизъяснимая радость; я стоял и смотрел, когда отыметя завеса. Ее отъяла некая пламенная рука, и я увидел Господа моего, как некогда Исаия пророк, сидящего на Престоле высоком и превознесенном, окруженного Серафимами. Он был облечен в багряную одежду, лицо Его сияло неизреченным светом, и Он с любовью обратил ко мне Свои очи.

Увидев Его, я пал пред Ним и на лицо свое, поклоняясь пресветлому и страшному Престолу славы Его. Какая же тогда от видения лица Его объяла меня радость, того невозможно выразить, так что и ныне, поминая это видение, исполняюсь неизреченной сладости. В трепете лежал я пред Владыкою, удивляясь толикому Его милосердию, что попустил мне, грешному и нечистому человеку, прийти пред лице Его и увидеть Божественную лепоту Его.

Я исполнился умиления, размышляя о моем недостойнстве и величии моего Владыки, и повторял в себе слова пророка Исаии: «О, окаянный аз, яко сподобихся, человек сый и нечисты устне имый, Господа моего очима моима видети!» (Ис. 6, 5).

И услышал я, что премилосердый Творец мой изрек ко мне пречистыми и сладчайшими устами Своими три Божественные слова, которые столько усладили мое сердце и столько разожгли любовь к Нему, что я весь таял, как воск, от действия теплоты духовной, и исполнились надо мной слова Давида: *Бысть сердце мое, яко воск тая посреди, чрева моего.*

Потом все воинства небесные воспели песнь предивную и неизреченную. После этого, не знаю как, я очутился опять ходящим по раю. Пришла мне потом мысль, что я не видел Госпожи Пресвятой Богородицы; и вот вижу некоего мужа, светлого как облако, несущего крест и говорящего мне: «Ты захотел видеть здесь Пресвятую Царицу Небесных Сил? Ныне нет Ее здесь. Она ушла в многобедственный мир помогать человекам и утешать скорбящих. Я показал бы тебе Ее святое место пребывания, но теперь уже не время: тебе должно возвратиться туда, откуда ты пришел, — так повелевает Владыка». Когда он говорил это, мне показалось, что я нахожусь на том же самом месте, где был прежде» («Четьи-Минеи», 2 октября).

Влияние умерших на жизнь близких им людей

Сто лет тому назад, в г. Владимире, на Клязьме, у Золотых ворот, помещалась парикмахерская некоего Павла Васильевича Карова. У этого парикмахера в Москве был родной брат Сергей Васильевич Каров, тоже парикмахер. Брат этот Сергей на пятой неделе Великого поста опасно заболел и умер. Его родная сестра, жившая при нем, тотчас сообщила о смерти его брату Павлу во Владимир. Но так как железной дороги в то время еще не было, а распутица и бездорожье были страшные, то Павел Васильевич не счел возможным ехать на похороны к брату.

Наступила Пасха. В первый день праздника, часов около десяти вечера, Каров прилег на диван и безотчетно задумался. Вдруг отворяется снаружи дверь и входит в комнату покойный Каров, брат Павла, который, перекрестясь пред иконами, подошел к Павлу и сказал: «Христос воскрес, Паша!».

Тот страшно испугался, но когда Сергей подошел поцеловаться, Павел ответил ему:

— Воистину воскрес, — и поцеловались. Затем покойник сел рядом с братом на диван.

— Мать наша тебе кланяется, ей там хорошо, — сказал явившийся брату.

— Да ведь ты. Сережа, умер³ — спросил Павел брата.

— Да, действительно, я умер.

— Как же ты пришел?

— А нас отпускают.

Кое-как ободренный Павел Каров встал, взял трубку, положил табак и, закулив ее, предложил брату; но Сергей отказался, сказав: «У нас не курят». Не веря своим глазам, Павел начал тихонько ощупывать сюртук Сергея и оценивать, какого он качества. Оказалось, что сюртук был драповый, известного покроя, и у Павла не осталось более сомнения, что перед ним сидит именно его брат Сергей.

Побеседовав, Сергей изъявил желание пойти домой и, выйдя от Павла, направился прямо к церкви Николая Зарядного, где в колоннах паперти и скрылся совершенно.

Во время беседы с Павлом, Сергей сообщил ему следующее: «Когда меня похоронили, то сестра, взяв в свою пользу все мое добро, до настоящего-то не добралась. У меня в сундуке моем двойное дно, и сделано так незаметно, что не зная, его нельзя найти. Вот ты и возьми себе этот сундук; в нем положено сто пятьдесят рублей и расписка князя Голицына за год за бритве. Он тебе деньги выдаст». Таким образом, Павлу Васильевичу оставалось только проверить сказанное братом.

В воскресенье на Фоминой неделе он выехал в Москву. Явившись к сестре, похоронившей Сергея Васильевича, Павел расспросил о последних днях брата, а равно и о том, в чем брат был похоронен. Сестра рассказала, что она положила брата в сюртуке таком-то, панталонах таких-то, манишке такой-то, словом, она подтвердила все то, что видел сам Павел на брате. Затем, справляясь о том, по-христиански ли брат окончил жизнь, получил ответ, что он был соборован маслом, исповедан и приобщен Св. Тайн накануне смерти.

Относительно же имущества, оставшегося после Сергея, она показала пустой сундук. Павел попросил у нее этот сундук себе на память. Сестра охотно согласилась отдать его. Привез Павел Васильевич сундук в свой номер и начал осматривать его дно. Действительно, оказалось, что очень тонкая доска сверху дна привинчивалась к настоящему дну и поднималась, а под нею оказались ассигнации на сумму ровно полторы сотни рублей и расписка на девяносто рублей князя Голицына. С этою распискою Павел Каров явился к князю и тот, не сказав ни слова, выдал ему девяносто рублей.

Об этом происшествии Павел Васильевич Каров сообщил своему духовному отцу Гавриилу Ястребову. Отец Гавриил задумался над этим явлением. Спустя некоторое время, когда о. Гавриил пришел к Карову со святою водою и вновь просил рассказать об этом событии, Павел Васильевич охотно повторил этот рассказ и в присутствии причта. Вскоре Павел Васильевич

тяжко заболел и позвал напутствовать себя своего духовного отца.

Желая вновь узнать истину, о. Гавриил в третий раз спросил Карова, правду ли он, Каров, рассказывает о явлении ему брата Сергея? Тогда Павел Васильевич, указывая на святые иконы и помня близкий смертный час, удостоверил отца Гавриила, что все сказанное о явлении ему брата Сергея есть сущая правда, и что ему не было нужды вводить о. Гавриила в заблуждение, что беседа и христосование с мертвым были вполне реальны («Современные Известия», № 80, 1887).

* * *

«Года за полтора до кончины Алексея Петровича Ермолова, — так рассказывает С. С., — я приехал в Москву для свидания с ним. Погостив несколько дней, я собирался в обратный путь к месту моей службы и, прощаясь, не мог удержаться от слез при мысли, что, вероятно, мне уже не придется еще раз увидеть его в живых, так как в то время он был дряхл, а я не раньше, чем через год имел возможность вернуться в Москву. Заметив мои слезы, Алексей Петрович сказал:

— Полно, я еще не умру до твоего возвращения сюда.

— В смерти и животе Бог волен, — ответил я ему.

— Я тебе положительно говорю, что не умру через год, а позднее.

На моем лице выразилось сильное изумление, даже страх, за нормальное состояние всегда светлой головы Алексея Петровича, что не могло укрыться от него.

— Я тебе сейчас докажу, что я еще не сошел с ума и не брежу.

С этими словами он повел меня в кабинет, вынул из запертого ящика исписанный лист бумаги и поднес его к моим глазам.

— Чьей рукой писано? — спросил он меня.

— Вашей, — отвечал я.

— Читай.

Это было нечто вроде послужного списка Алексея Петровича, начиная с чина подполковника, с указанием времени, когда произошел каждый мало-мальски замечательный случай из его богатой событиями жизни. Он следил за моим чтением и, когда я подходил к концу листа, закрыл рукой последние строки.

— Этого читать тебе не следует, — сказал он, — тут обозначен год, месяц и день моей смерти. Все, что ты прочел здесь, написано давно и все сбылось до мельчайших подробностей. Вот как это случилось. Когда я был еще в чине подполковника, меня командировали для производства следствия в уездный город Т. Мне пришлось много работать. Квартира моя состояла из двух комнат: в первой помещались находившиеся при мне писарь и денщик, во второй — я. Войти в мою комнату можно было не иначе, как через первую.

Раз ночью я сидел за своим письменным столом и писал. Кончив, я закурил трубку, откинулся на спинку кресла и задумался. Подымаю глаза — предо мной какой-то неизвестный человек, судя по одежде мещанин. Прежде чем я успел спросить, кто он и что ему нужно, незнакомец сказал: «Возьми лист бумаги, перо и пиши».

Я безусловно повиновался, чувствуя, что нахожусь под влиянием неотразимой силы. Тогда он продиктовал мне все, что должно случиться в течение моей жизни, и кончил днем моей смерти.

С последним словом он исчез, но как и куда — не знаю. Прошло несколько минут, прежде чем я опомнился, первой моей мыслью было, что надо мною подшутили. Я вскочил с места и бросился в первую комнату, миновать которую не мог незнакомец. Там я увидел, что писарь сидит и пишет при свете сального огарка, а денщик спит на полу, у самой входной двери, которая оказалась запертою на ключ. На вопрос мой: «Кто сейчас вышел отсюда?» — удивленный писарь ответил, что никто не выходил.

До сих пор я никому не рассказывал об этом, — заключил Алексей Петрович, — зная наперед, что одни подумают — я выдумал это, а другие сочтут меня за человека, подверженного

галлюцинациям, но для меня это факт, не подлежащий сомнению, видимым и осязательным доказательством которого служит вот эта бумага. Теперь надеюсь, ты не усомнишься в том, что мы еще раз увидимся.

Действительно, через год после того мы опять увиделись. После смерти я отыскал в его бумагах таинственную рукопись и увидел из нее, что Алексей Петрович Ермолов скончался в тот самый день и даже час, как ему было предсказано лет за пятьдесят» («русская Старина», 1875, май).

* * *

В тридцатых годах в Севастополе служили два офицера, отличные моряки П. и Т., очень дружные между собою. Последний, отправляясь в какую-то экспедицию, приходит к своему товарищу и говорит ему:

— Послушай, я отправляюсь в море. Мало ли что может случиться. Дай мне слово исполнить то, о чем я попрошу тебя.

— Можешь ли ты сомневаться во мне? — отвечает П. — Скажи, что ты хочешь?

— В случае моей смерти, женись на моей вдове и будь отцом моему сыну.

— Помилуй, что ты бредишь! Экспедиция твоя небольшая. Ты воротись, да ты же и мастер плавать.

— Толковать об этом нечего — я прошу тебя, и ты должен дать мне слово.

— Пожалуй, если тебе это нужно для твоего успокоения.

Друзья расстались. Прошло несколько месяцев. Вдруг П. видит во сне Т., который говорит ему: «Ты должен исполнить свое обещание и жениться». Проснувшись, он счел этот сон действием воображения. Между тем об экспедиции ничего не было слышно. Вскоре он увидел во сне опять друга, который снова ему напоминал о женитьбе, и тогда же было получено в Адмиралтействе известие, что друг его утонул (Погодин, «Простая речь о мудреных вещах»).

* * *

Блаженный Августин рассказывает следующее: В бытность его в Милане один молодой человек постоянно был преследуем своим заимодавцем. Долг, который тот требовал от него, был собственно долг его отца, в это время уже умершего, и уплачен был им еще при жизни, но сын не имел об этом никакого письменного документа. Отец явился сыну и указал место, где лежала квитанция, из-за которой перенес он так много беспокойства (Из сочинения Кал мета).

* * *

В деревне Студенке, Дубенского уезда, Волынской губернии, жил зажиточный крестьянин Олейник, мужик здоровый, крепкого сложения. Было ему от роду около пятидесяти лет. В ноябре 1868 года он сильно заболел, а спустя недели две и Богу душу отдал. После него остались жена и сын Антон, парень около двадцати лет от роду.

Спустя шесть недель после смерти мужа, раз ночью жена покойного, проснувшись и, лежа на печи, слышит, что кто-то плачет. В избе кроме нее и сына никого не было. Прислушивается и узнает, что плачет покойный муж ее. Зажигает лучину и, действительно, видит своего мужа, который стоит около спавшего сына и плачет. Как ни испугалась она, все-таки собралась с духом и говорит:

— Что ты, Семен, пришел? Ведь ты, сдастся, не был чаровником? *

— Нужно было прийти к тебе, я и пришел, а ты напраслину, баба, не болтай, это дело не твоего разума.

* Колдуном. — *Изд*

— Чего ж ты плачешь, стоя над сыном?

— А того я плачу, что ты за сыном не смотришь.

— Как так?

— А так: Антон полюбил католичку и хочет с нею обвенчаться.

— Это, Семен, неправда твоя.

— Как неправда? Мне, ведь, все известно. Ты лучше, баба, не спорь со мною, а поговори с сыном, может быть, ты, как мать, и урезонишь его. Ежели ж ты не успеешь его отговорить, то через десять дней я его возьму к себе.

Баба взвыла. Сын проснулся. Видение исчезло. Мать давай расспрашивать сына, правда ли, что он полюбил девицу. Тот стал отнекиваться, а потом сознался, что полюбил Адельку, дочку эконома, родители которой ни за что не разрешили бы выйти замуж за крестьянина, и вдобавок за православного. А потому парень и дивчина порешили тайно бежать в Галицию и обвенчаться у священника униатского. Бежать порешили через десять дней. Наконец, наступил роковой день. Рано утром, когда мать еще спала, Антон тихо вышел из избы. Невеста его уже поджидала на своем огороде. Вот он уже вывел из конюшни лучшего жеребца, на котором редко приходилось ездить, но увы! лошадь лягнула его в правый бок, Антон потерял сознание, а вечером Богу душу отдал («Из загробного мира: явления умерших от глубокой древности до наших дней»).

* * *

«Недавно я пользовал одного из наиболее выдающихся граждан нашего города, — рассказывает врач. — Во время моего докторского визита больной рассказал мне следующий случай.

Один доктор в Филадельфии после многочисленных визитов сидел в своем кабинете; когда пробила половина девятого, он подумал, что пора ему закончить прием и отдохнуть, и встал со своего кресла, чтобы запереть дверь, но в эту минуту дверь отворилась, и в комнату вошла девочка, худенькая и бледная, с большим платком на голове; и так обратилась к доктору: «Доктор, пожалуйста, навестите мою мать, — она очень больна». Доктор спросил у девочки имя ее и матери, а также их адрес, на что та отвечала ему совершенно внятно, и он подошел к своему письменному столу, стоявшему в глубине комнаты, чтобы записать ее слова. Записывая, ему пришло в голову идти к больной тотчас же вместе с девочкой, но когда он повернулся, чтобы сказать ей это, ее уже не было в комнате. Быстро отворив двери, он вышел на подъезд, посмотрел во все стороны, — девочки нигде не было. Немало удивленный ее быстрым исчезновением, он наскоро взял свою шляпу и палку и отправился к больной. Без труда нашел он дом по данному адресу, и был введен к больной.

— Я врач, — сказал он, — вы посылали за мной?

— Нет, не посылала, — ответила больная.

Доктор подумал, что он ошибся адресом и, проверяя в своей записной книжке, спросил, так ли ее имя? И получил утвердительный ответ.

— А есть у вас дочь, такая-то?

На этот вопрос больная ответила не тотчас же, в глазах ее блеснули слезы:

— У меня была дочь, которую звали этим именем, но она умерла полтора часа тому назад.

— Умерла? Где умерла? — спросил доктор.

— Здесь, — ответила мать.

— Где же лежит ее тело?

— В соседней комнате.

Старшая дочь больной повела туда доктора, и он узнал в умершей ту девочку, которая приходила звать его к больной матери.

— Ну, доктор, — прибавил мой пациент, — что вы об этом думаете? Мне это происшествие

кажется в высшей степени чудесным!

— А мне — так совершенно естественным, — возразил я. — Как вы думаете, тело ли девочки являлось к доктору?

— Конечно нет, — ответил мой пациент, — это могла быть только душа ее.

С этим мнением согласился и я» («Из загробного мира: явления умерших от глубокой древности до наших дней», Свящ. Д. Булгаковский).

* * *

«В двадцати верстах от нашего имения, — рассказывает О. Д-цкий, — жил в селе Вишневец, Волынской губернии, священник, который был в большой дружбе с моим отцом. Этот священник, овдовев, остался с шестнадцатилетней дочерью. По его просьбе, отец мой отпустил на короткое время свою дочь Степаниду, чтобы отвлечь осиротевшую девушку от тяжелых впечатлений, по случаю смерти ее матери. Прошло около двух недель, Степанида не возвращалась, а потому отец со мною (мне тогда было около десяти лет) отправился в Вишневец с целью проведать своего друга, вдовца о. Г. и взять сестру домой. Было это в июне 1860 года.

Мы приехали вечером, около десяти часов, священника не застали, но дома были девушки, моя сестра и дочь священника. Мне захотелось побегать в сад, однако вглубь сада я боялся идти и присел на лавочке, недалеко от дома.

Смотрю — идет по аллее какая-то дама в черном платье. Поравнявшись со мною, она посмотрела на меня с улыбкою и направилась в дом священника через крыльцо, которое выходило в сад. Это было около одиннадцати часов вечера.

Спустя несколько минут, я побежал к тому крыльцу, где сидели мой отец и девушки. «Какая-то дама вошла в дом через садовое крыльцо», — сказал я. Сестра и подруга ее при этих словах переглянулись и, как будто встревожились, так что отец спросил их, что с ними и чего они беспокоятся? Они отвечали, что по моему описанию и по одежде, эта дама — покойная матушка, которая ходит ежедневно в дом, и все ее видят. Так как отец мой не верил в подобного рода явления, то он посмеялся над девушками.

Священник долго не возвращался домой, мы порешили пить чай без него. Все сели в гостиной, а сестра Степанида занялась приготовлением чая в соседней комнате, так что мы ее видели из гостиной. Вдруг сестра вскрикнула и уронила чайник с кипятком. На вопрос отца, что с нею, она отвечала, что матушка прошла мимо нее.

Не дождавшись хозяина дома, мы легли спать; я лег с отцом в одной комнате, рядом с кабинетом священника, а девушки в другой. Около двух часов ночи я проснулся, сам не знаю отчего, и слышу в кабинете разговор. Мужской голос говорит:

— Что ты сегодня так поздно пришла?

— Я была здесь раньше, — слышится женский голос, — видела гостей наших, хотела обнять мальчугана в саду, но тот убежал от меня, потом хотела поблагодарить Степаниду за дружбу с нашей дочерью, но она так испугалась, когда я прошла около нее, что уронила чайник, и наделала шуму на весь дом, так что я скрылась.

— Почему же ты не подготовила ее?

— Нам строго запрещено являться тем, кто пугается нас, под угрозой лишения права на дальнейшие свидания с живыми.

Услыхав это, я страшно испугался, потому что догадался, что разговор идет между покойницей и священником, мужем ее, и прямо прыгнул на кровать к отцу, который, видимо, еще не спал, предупредив, чтобы я не мешал ему слушать разговор загробного существа с живым.

На другой день за утренним чаем отец мой направил разговор на ночное посещение и высказал на счет его сомнение, подозревая совсем что-то другое.

— Угодно верить или нет, — отвечал о. Г., — но я, как честный человек и служитель святого алтаря, сказываю вам, что нахожусь в духовном общении со многими умершими и, в том числе, с моей женой. Они часто обращаются ко мне с просьбами молиться за них, и когда я исполняю их просьбы, лично благодарят меня. Жена же моя покойная почти каждый день посещает мой дом и часто выражает интерес ко всему окружающему, как живой человек. На все мои вопросы об условиях загробной жизни, она каждый раз уклоняется от прямых ответов, заявляя, что им, умершим, воспрещено отвечать на все вопросы живых, особенно на праздные («Из загробного мира: явления умерших», Свящ. Д. Булгаковский).

Из мира таинственного

«В наш век безверия часто слышишь и видишь — сколько людей себя лишили жизни: одни отравляются, другие бросаются в воду, чтобы утонуть, третьи вешаются.

Отчего все это происходит? Перестали молиться, поститься, иссякла вера в Бога, явилось искушение, что со смертью всему будет конец: и горю, и бедности и разным бедам, а о будущей же жизни и не помышляют. Для вразумления некоторых хочу предложить вниманию одно обстоятельство, случившееся 1 января 1909 года.

Муж мой Леон Н. Ив. скончался с 30 на 31 декабря 1908 года. 1 и 2 января он лежал в гробу. В это время я была нездорова, оставалась в постели, комната моя была отдалена, и мне не было хорошо слышно моление во время панихид. Поэтому я просила служащих отворять дверь и говорить, когда начинается моление, чтобы я могла в постели молиться. 1 января, вечером, забыли ко мне прийти, — вдруг я слышу внятно голос моего мужа, голос, мне столь знакомый: «Дорогая Оничка, привстань, помолись за меня, уже началось моление». Я так обрадовалась, услышав голос мужа и как будто живому, спешно говорю: «Сейчас, Леон, буду за тебя молиться, да где же ты?». Смотрю направо, откуда был слышен голос, но ничего не увидела, начала вслушиваться: в самом деле, шла панихида, и я начала молиться, молилась я усердно; мне стало легче на душе, зная, что Леон с нами.

Это чудо загробной жизни меня так поразило, не могу до сих пор вспоминать без особого умиления, — вдруг услышать голос умершего человека... Муж много читал о явлении умерших душ, при жизни мне говорил, что если будет возможно, он мне заявит о бессмертии души. Если мой добрый муж, который был хорошей жизни, скончался, как святой, исполнив все церковные обряды, соборовался, несколько дней сряду приобщался, и ему требовалась молитва; что же станет с людьми, себя погубившими насильственной смертью,— страшно подумать.

Может быть, мой правдивый рассказ коснется сердец неверующих, и они, будучи искушаемы, прибегнут к Господу с молитвою и намерением все терпеть в жизни, чтобы получить блаженную вечную жизнь, где нет ни плача, ни печали, ни воздыхания. Помогите им, Господи!» («Колокол», № 1568).

Дивная кончина христианского отрока

В городе Твери отцем диаконом Николаем Орловым рассказан следующий случай: в сентябре 1860 года были тяжело больны скарлатиной дети тверского мещанина Сергея Павловича Блинова. 15-го числа умер от этого маленький сын его Арсений, одного года; потом, через неделю, умерла дочь Мария, трех лет; наконец, дня через три, 25 сентября, стал умирать и двенадцатилетний сын его Николай.

Нужно заметить, что этот сын был старший в семействе и очень полезный помощник отцу в его торговых занятиях, а главное — с быстрым умом не по летам он соединял доброту сердца, искреннюю любовь и нежность к родителям, сестрам и братьям и привлекательную сладкоречивость и почтительность в обращении со всеми посторонними, особенно старшими по возрасту. За это особенно любили его все: и родители, и родные, и знакомые.

Очень горько было отцу и матери видеть своего дорогого сына при последних минутах жизни; но они, сколько возможно, скрывали от умирающего горькие свои слезы и усердно молили Господа за жизнь его.

По его желанию поскорее исповедаться и приобщиться Святых Тайн призван был священник. При его приходе больной встал с постели и, стоя на ногах, со всем чистосердечием и умилением исповедался и потом внимательно слушал краткие молитвы перед приобщением и усердно молился. Когда священник велел ему повторять за собой: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистинну Христос, Сын Бога живаго...» и «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими...», тогда больной, осенив себя крестным знамением и воодушевившись, произнес эти молитвы с таким жаром любви и веры в Сына Божия Иисуса Христа, с таким сильным желанием вечной жизни и единения с Богом, что удивил священника. По принятии Святых Тайн, он с глубоким чувством благодарности обратился к иконе Спасителя и сказал: «Слава Тебе, Боже. Слава Тебе!».

После благодарственной причастной молитвы священник пожелал ему здравия души и тела и сказал: «Многие больные, принимающие Святые Тайны с верою, скоро выздоравливают от своей болезни. И ты теперь по своей вере получишь здоровье. Дай Бог тебе выздороветь. Тебе надобно жить. Ты еще молод». Но юный избранник Божий, поблагодарив духовного отца за пожелание, сказал ему:

— Нет батюшка, я уж не буду жить в здешнем мире; я умру, непременно умру.

— Как же ты говоришь: умру! Почему тебе знать? Только один Бог знает это и определяет каждому время жизни и смерти.

— Так, батюшка. Да я от Бога-то и узнал, что я умру. Он зовет меня к Себе, и я пойду к Нему. После этого священник, заметив в нем слабость сил, оставил его в покое, простился с ним и его родителями. А больной лег в свою постель. Это было в шесть с половиною часов вечера.

Не прошло потом и полчаса, как отрок, лежа на своей постели, с какою-то поспешностью и старанием стал тихо читать молитвы, какие знал — Спасителю и Богоматери и святым угодникам — и, осеняя себя крестным знамением, начал постепенно ослабевать, и, мало-помалу забываясь, перестал дышать и скончался.

Родители умершего, до сего времени едва-едва удерживавшиеся от громкого плача, дали теперь полную свободу своим слезам и рыданиям. То отец, то мать, то сестра матери и брат, то другие бывшие тут родственники, друг перед другом громко высказывали жалобы о потере навсегда дорогого, ненаглядного сына и племянника. А тот, кого оплакивали, лежал бездыханным и безчувственным к плачущим и рыдающим.

В этих рыданиях прошло около часа. Наконец, мать несколько успокоилась и стала смотреть со вниманием на черты лица умершего сына, как бы желая при последней разлуке с ним запечатлеть эти черты в своем сердце. Отец же вышел в другую комнату посмотреть на других двух больных детей своих, чтобы дать им нужное лекарство по совету врача.

Остановив глаза свои на бездыханном сыне, мать вдруг заметила как будто какое-то легкое колебание груди его. Принимая это за обман зрения от слез и мерцания свечей и лампадок пред иконами, она продолжала внимательно смотреть на него. И грудь покойника опять едва заметно заколебалась. Тогда она пошла к мужу и тихо сказала ему об этом. Оба, затаив дыхание, внимательно стали следить за остатками жизни сына. Еще полминуты, и настоящий вздох вышел из груди его и показал, что отрок жив. Спустя несколько секунд, он уже открыл тихо глаза свои.

Не желая беспокоить его своим расстроенным видом, они незаметно отошли потихоньку и несколько в сторону от него. Но он стал искать их глазами, и потом, с усилием поднявшись, сел на постели и, увидев отца, сказал ему: «Батюшка! Подойдите ко мне ближе! Мне нужно сказать вам несколько слов».

Когда отец подошел к нему, отрок сказал: «Я воротился сюда, чтобы с вами проститься. Я

видел Машу, и Ар-синьку, и Сашу (сестру семилетнюю, умершую десять лет назад), и отца моего крестного (умершего двенадцать лет назад) и говорил со всеми ними. Вы думаете, что они умерли? Нет! Они все живы! И как прекрасно место, где они живут!

Какой у них там свет блестящий, яркие прекрасные цветы и деревья, а звезды какие большие! Что наш дом? Втрое больше дома каждая звезда там, и какое от них радостное сияние! Вот я и увидел там сестриц и братца, и крестного, и когда подошел к ним, крестный сказал мне:

— Здравствуй, Николая! Зачем ты здесь?

— Побывать к вам пришел, увидиться с вами, — отвечал я.

— Хорошо, — промолвил крестный, — побудь здесь и погуляй с сестрами и братом, а не то — совсем оставайся у нас.

— Останься с нами! — сказали мне сестры и брат. — Видишь, как тут хорошо!

— И вправду я останусь с вами, — прибавил я, — у вас так прекрасно!

В это время сестра Маша взяла меня за руку и сказала: «Ах, как хорошо, и Николая с нами остается!» — и радостно повела меня по цветистому лугу мимо высоких, зеленых прекрасных деревьев, каких я нигде не видал. С нами вместе шли и Арсинька, и Саша.

Прогуливаясь с ними, вдруг я вспомнил о вас, батюшка и маменька, и сказал:

- Ах! Я ведь не простился с отцом и матерью. Погодите, я пойду к ним и попрошу у них благословения жить здесь с вами и как раз ворочусь к вам опять.

— Ступай, простись! — сказали они. — Только скорее опять приходи к нам; мы ждем тебя.

Вот я и пришел к вам, мои любезные родители, проститься с вами и попросить вашего родительского благословения жить мне вместе с сестрицами и братцем. Отпустите меня, батюшка и маменька, благословите!».

В продолжение этого рассказа отец, мать и родные слушали его со вниманием, и когда он кончил, отец подумал про себя: не в бреду ли горячки говорил он все это, и спросил его:

— Николая! Да знаешь ли ты, кто я? — Он взглянул на отца, слегка улыбнулся и сказал:

— Неужели я вас-то, батюшка, не знаю! Вы Сергей Павлович Блинов, мой батюшка!

Отец указал на мать его и сказал:

— А это кто?

— Это моя маменька, Александра Михайловна Блинова, — сказал он. После сего поименовал бывших тут родных своих.

Потом отец сказал потихоньку жене, чтобы она велела сыну опять рассказать, что он видел и где был. Она так и сделала, и сын повторил ей свои слова и рассказал, к удивлению всех, точно так же, как сначала отцу.

Наконец, ребенок спросил: «Да неужели вы, батюшка, не верите мне? Ведь я в полном уме, и в памяти, и в сознании. Если так вы сомневаетесь, то вот вам знак моей правды: через день придет в наш дом Ксения, дочь прежней нашей прислужницы, которую вы много лет не видали. Она спросит о здоровье вашем и детей и удивится, что у вас все дети больны и трое уже умерли, о чем ничего не знала и не слыхала. (Эта женщина действительно пришла в их дом, в день погребения сына, и удивилась, что уже трое умерли). Вот тогда вы поверите всему, что я говорил вам. А теперь прошу, умоляю вас, мои родители, не держите меня здесь, — отпустите меня скорей с благословением».

Уверившись, наконец, в истине слов сына, отец со всею силою родительской любви стал уговаривать его остаться, чтобы по-прежнему быть умным и полезным помощником ему во всех его делах и занятиях. Но отрок на это сказал отцу: «Батюшка! Тут не стоит и жить. Здесь так худо, так грязно. Умоляю вас: отпустите меня! Не жалейте, не молитесь, чтобы я здесь остался. Ведь и вам придется жить не сто лет. И вы тоже перейдете туда. Если меня отпустите, я буду за вас и маменьку молить Бога, чтобы вас принял Он в Свой свет и в Свою радость».

Убежденный и вместе утешенный такими словами отец не мог более спорить с сыном, —

благословил его и пожелал ему жить «в месте светле, отнюдуже отбеже всякая болезнь, печаль и воздыхание». После этого отрок успокоился, обрадовался, много раз поцеловал своих родителей, и, снова ложась на постель, сказал: «Простите! Пора мне, меня ждут, Бог с вами, до свидания!». С этими словами он осенил себя крестным знамением, закрыл тихо глаза свои и, сложив на груди крестообразно руки, навсегда отошел из здешнего мира в обители Отца светов, *идеже праведники просветятся, яко солнце* (Мф. 13, 43).

Во время погребения тела, 26 сентября, добавляет рассказчик, лицо отрока светилось какою-то радостною улыбкой («Странник», 1864, с. 18-24).



Замечательный сон одной крестьянки (ИЗ ПИСЬМА СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА)

Недавно одна крестьянка рассказала мне свой сон, который настолько интересен, что считаю нужным сообщить его вам. Но прежде скажу о ней самой. Она крестьянка деревни Ново-Марьевки, Ксения Трофимовна Малеткина, тридцати семи лет, грамотная, замужняя; в семье у нее муж и пятеро детей, живут бедно. В девушках она была очень богомольной, крепко любила посещать церковь. Родители ее перешли в раскол, в расколе помазывали и ее, хотя она раскола не любила. Сватали ее несколько женихов-раскольников, но она за них не пошла, а вышла за вдовца русского. Когда она была уже просватана и сидела раз на вечерке, пришел туда один из отвергнутых ею женихов, уже женатый, и, пройдя мимо нее несколько раз, посмотрел на нее и сказал: «Что? Не хотела выйти за нас, пошла за вдовца? Как выйдешь, так и будешь постоянно больна», — и ушел. Спустя немного времени после его ухода, Ксения стала искать вязальную иглу, но нигде не могла найти. Когда все разошлись, она продолжила поиски на полу и также не нашла, и только уже когда стала ложиться спать, почувствовала что-то постороннее в своей косе, кликнула подругу, и та вытащила из ее волос в несколько раз свернутую иглу... А надо заметить, что говоривший с нею мужик даже и близко к столу не подходил.

Выйдя замуж, Ксения действительно стала постоянно болеть. Возили ее к разным знахарям, но помощи не было никакой, — тем более, что сама она им не верила, и ездила, уступая просьбе родных, а наговоры их пила, обращаясь внутренне с молитвою к Спасителю и сотворив крестное знамение. Сказали тогда ей, что болезнь ее от того человека, который тогда прошел три раза мимо нее; по его приказанию «дух» и иголку завернул ей в косу. Потом Ксения ездила к уфимскому страдальцу Михаилу Ивановичу Безрукову, которому она жаловалась на свою боль, но он, увидав только ее, сказал ей: «Как тебя Господь-то любит, как Он, милостивый, тебя любит!» и не велел ей лечиться.

Еще будучи девицей, она видела такой сон. Настал Страшный суд. Великое множество людей собралось, но как судились они, этого она не видела, только смотрит, шум утих и остались с ней

очень немногие. Она спросила кого-то невидимого ею: «Куда все ушли?». И голос отвечал: «Они осуждены». — «А мы?» — сказала она. «А вы идите вон в тот дом», — был ей указан прекрасный дом. На дороге росла чудная рожь, вдали виднелись роскошные луга и лесочек, и было сказано, что все это дано им от Бога в пользование. Когда они подошли к дому, то увидели Женщину, Жена эта сказала им: «Сюда не ходите, вы недостойны сего, а вот идите рядом, тут ваше жилище». Они спросили, кто она? — «Я — Божия Матерь». Поклонившись Ей, они пошли, куда было им указано, и в это время где-то внизу Ксения услышала пение: «Святым Боже» и увидела, что поют в подземелье. Ей сказали, что там ее родители, что им хорошо, только темнее, чем здесь.

Не особенно давно она видела умершего своего отца, который на вопрос ее, не мучится ли он за веру свою, сказал, что за веру нет, ведь он не отрекался от Христа; тогда она спросила, не наказывают ли его за сквернословие, но он отвечал, что в этом грехе он покаяться, но плохо за мелкие грехи, которые он и грехом не считал. Перед смертью ее отец был особорован и причащен. Он все говорил, что ему не худо, а затем добавил: «Мы все с трепетом ждем Страшного суда...».

Муж у этой Ксении был человек честный и богомольный. Но несмотря на честность и набожность, в жизни им не везет, и живут они очень бедно, часто хворают сами, хворают и дети. Сон, о котором я еще хочу сказать, касается снохи Ксении — Агафий... Агафья Малеткина была замужем за братом Степана Малеткина (мужа Ксении), который был большой пьяница. Агафия стала и сама пить. Была она очень гордая, супружеской верности не соблюдала, обижала сирот сильно. Умерла пять лет тому назад, было ей тогда сорок пять-сорок семь лет, за три года до смерти жизнь ее изменилась: она захворала, ей свело ноги, открылись на ногах раны, в которых завелись черви, перед смертью особоровалась. Эту Агафию и видела Ксения во сне.

«Вдруг слышу, — говорит Ксения, — что звонят, и звон такой хороший, совсем не такой, как у нас. Дай-ка пойду в церковь, — подумала я, — и, одевшись, пошла. Прихожу в церковь, смотрю: стоит она как-то не так, точно лицом на запад, и иконы такие тусклые, а народ все незнакомый. Стала я смотреть на всех и вдруг вижу направо, в углу, стоит моя сноха Агафия Захариевна, одетая хорошо, по-праздничному. Я подошла к ней и стала было здороваться, да потом вспомнила, что она, ведь, умерла, а потому и сказала той женщине:

— Прости, тетенька, я обмишурилась, я думала, что ты моя сноха, а теперь вспомнила, что она умерла!

— Нет, ты не ошиблась, — сказала та женщина, — я самая Агафия и есть — сноха твоя.

— Как ты, ты ведь умерла?

— Да, я давно умерла!

— А как же ты сюда-то попала?

— А я на работах была, нас, ведь, на работу гоняют, недалеко от вас работа-то была, и хотелось вот мне тебя увидеть в этом храме.

— Да разве покойники работают?

— Конечно, работают; кто что заслужит: вон, праведники заслужили себе Царство Небесное, так и не работают, а мы под властью князя тьмы, нас и заставляют работать; невыносимо трудно нам работать-то; а ежели когда не работаем, то сажают в темный угол.

— Господи! Неужели Господь тебя так и не простит, так ты и будешь тут?!

— Так и буду тут, наша молитва Богом не слышима, не слышит Бог загробной молитвы!

— Как! Ведь и неприятелю-то (бесов), когда они ворочаются к Богу, Господь прощает!

— Не! Неправда. Они осуждены навечно. Они и вопиют, и плачут, и скорбят, да нет уж!.. А мы через людей воротиться можем.

— А как тебя, вот, воротить-то?

После этого вопроса Агафья откуда-то взяла небольшую корочку хлеба ржаного, черного-черного, и сказала:

— Вот возьми хоть этакую корочку хлеба, да разломи ее на сорок частей и раздай сорока человекам, да скажи каждому: «Помяни рабу Божию Агафию», то и тогда мне будет большая отрада.

Ксения, увидев хлеб у Агафьи в руках и удивившись, откуда у нее взялся хлеб, да такой черный, спросила:

— Он вас и хлебом кормит?

— Да, кормит, только не той пищей, что у вас; и спать дает, и мы отдыхаем. Только трудно под его властью-то быть.

— Если я подам за тебя милостыньку, то ты совсем тогда от него уйдешь?

— Нет, еще не совсем!

— А как же тебя совсем-то выручить?

— Вам тяжело будет.

— Как же тяжело?

— Да надо отслужить обедню и панихиду; тогда я избавлюсь совсем от их рук. А если не отслужите, то я останусь навечно в их руках. — Помолчал немного, она жалобно и протяжно сказала:

— Отслужи обедню-то, Аксиньюшка! — Затем опять сказала:

— Спасибо еще маслом меня соборовали, мне отрада есть, а ежели бы не соборовали, то по моим-то делам мне место-то было в геенне.

— Разве еще мука есть?

— Еще две ниже нас муки: одна — геенна, а другая — тартар.

— А Яков-то с вами?

— Какой Яков?

— Кочуров, кум-то твой!

— Разве он умер?

— Умер!

— А я про него и не слыхала.

— А разве вам слух есть?

— Как нет? Слух есть... Когда блаженная душа идет, мы ее сопровождаем, завидуем, а когда к нам идет какая, то мы скорбим — встречаем ее, а которые ниже нас — те нам неизвестны .

Затем во сне Ксения пала на колени и стала просить Бога простить ее сродницу, и с этим проснулась...

Так как сон этот, мне думается, был реальным видением, то и счел я нужным описать его вам. Видела Ксения его месяца два тому назад и говорит, что Агафья ей говорила очень много, но вот — хоть убей, ничего не может иного вспомнить, кроме сказанного, а это все как сейчас помнит.

А я удивился тому, как теперь дивно — подробно — раскрыта нам загробная жизнь, если взять во внимание повествования всех святых отцов и подвижников, такие факты, как у Нилуса, или такие видения, как у этой женщины. Остается только приложить веру! И первое пришествие Спасителя не было чем-то неожиданным, неподготовленным; нет, оно было по всей земле подготовлено: и смутным сознанием язычников, и ясной речью пророков, и каким-то безотчетным голосом сердца у всех людей. Так и теперь постепенно подготавливается человечество ко Второму пришествию нашего Господа и к восприятию будущей жизни. Вспоминается слово пророческое: *Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, старцам вашим, будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения* (Иоил. 2, 28). И это время настало, настало время благоприятное и день спасения. Как умножились все эти видения, как разнообразно полны они, как растет слава святых, особенно

Божией Матери, как они близки нашему духу, как распространяются широко жития святых, как издаются если не целые творения, то выдержки из творений святых отцов, и все это разливается по многомиллионной массе православного народа, а прибавьте к этому все стотысячные Безкровные Жертвы, чуть не ежедневно совершаемые по всему лицу земли, и невольно подумаешь, что небо преклонилось к земле, и скоро сольются они. Нагрешив много, люди боятся и унывают, — знают, что нагрешили, и что Бог побьет прутом, а враг — сатана нарочно чернит будущее и распускает молву: будет-де погибель великая. — Не надобно отчаиваться, — уныние опасно, не надобно тешить врага; Господь покарает — Господь и помилует. Ныне время благоприятное ко спасению («Страница», стр. 5-6).



**Видимые следы, оставляемые
являющимися душами, и открытие ими
своей загробной участи**

«Лет около пятнадцати назад, — рассказывает Сенковский, — я служил чиновником военного ведомства и заведовал складом военных припасов в окрестностях Петербурга, как вдруг надо мною неожиданно стряслась беда. Из моего склада, неизвестно каким образом, пропали вещи на довольно значительную сумму. Самые тщательные розыски, произведенные по горячим следам, не могли открыть похитителя.

Положение мое легко себе представить: получаемого мною содержания, даже в общей сложности за несколько лет, не хватило бы на покрытие пропажи, а тут еще предстояло следствие и всевозможные неприятности по службе. Положение мое было самое ужасное. Года за три перед тем я овдовел, оставшись с двумя детьми шести и четырех лет, и уже с год как был женат на другой жене. Как мы ни судили с женой, что нам делать, ничего придумать не могли.

Одна из наших знакомых, набожная старушка, посоветовала жене отправиться в Петербург и отслужить молебен в часовне, что при Вознесенской церкви, в которой, по ее словам, находится икона святого, молитва которому помогает отыскивать пропавшие вещи. Утопающий, говорится, и за соломинку хватается, а жена и я всегда были люди религиозные, так что понятно, что совет этот как нельзя более пришелся нам по душе. Согласно этому совету я отправил на другой же день жену в Петербург, *заказав* ей отслужить молебен и поставить свечи, как советовала наша знакомая, сам же с детьми и тещей, матерью второй моей жены, остался дома.

Дело было летом, ночи были довольно светлые, и я *долго* ходил у себя в гостиной, раздумывая о своем горе. Наконец утомившись, отправился в спальню, в которой ставни были заперты и было совсем темно; тут же спали дети. Через комнату спала моя теща. Притворив слегка дверь в гостиную, взглянув на детей и посидев еще немного в раздумье на кровати, я приготовился уже раздеваться, как вдруг сквозь неплотно прикрытую дверь увидел в гостиной какой-то свет.

Полагая, что я позабыл потушить свечу, приподнялся было с кровати, но в этот момент неслышно отворилась дверь, и на пороге появилась с горящею восковою свечою моя покойная жена. Странное дело: я не только не испугался ее появления, но даже, как будто, и не удивился тому, точно какое-то затмение на меня нашло, и как будто это был совершенно естественный факт. Я хорошо помню, что очень мало был взволнован и удивлен появлением покойной.

«Здравствуй», — сказала она и *подошла ко* мне, держа восковую свечу в руке. Не помню теперь, что я отвечал на это приветствие, но помню только, что почти тотчас затем сказал: «Ты знаешь, какое у меня горе?» — «Знаю, знаю, — отвечала она, — но не беспокойся очень, я *помогу* тебе». Я стал умолять открыть мне похитителя, но она отказалась это сделать, говоря только, что поможет мне перенести мое горе. «Ты не сердись, — говорю я, — что я так скоро женился?» — «О, нет, даже напротив, это ты хорошо сделал». Далее благодарила меня, что я не

забываю ее в молитвах. «Вы, живущие, — сказала она, — не можете понять, что мы чувствуем, когда вы за нас молитесь». Я забыл сказать, что во время этого разговора, она прилепила к лежанке восковую свечу, которую держала в руках, накапав воском. Разговор перешел затем на детей. «Что же ты не взглянешь на детей?» — сказал я ей. «Я их и без того посещаю», — ответила она, впрочем, взяла свечу и подошла к спящим детям.

В это время раздался голос тещи из соседней комнаты: «С кем ты разговариваешь, Николай?». С этими словами я услышал, что теща поднялась с кровати и стала надевать туфли.

«Прощай, — сказала мне жена, — никто не должен видеть меня с тобой». Я стал удерживать ее, но шаги тещи уже приближались, и когда я снова обернулся назад, то ни жены, ни света уже не было, и в комнате царила полутьма летней ночи.

Вошедшая теща была удивлена, что слышала разговор двух голосов, а никого не застала, кроме меня. Что это такое было, я не могу и до сих пор объяснить себе. Конечно, скажут — простое видение, но вот что странно: осмотрев вслед за тем лежанку, на которой была прилеплена восковая свеча, я заметил очень явственные следы накапанного воска, которых, по моим соображениям, раньше не было. Другое обстоятельство, заставляющее меня думать, что тут было нечто другое, чем обыкновенное видение или галлюцинация, касается произнесенных женою слов, относящихся к детям: «Я их и без того часто посещаю».

Недели за три до этого таинственного случая, ходившая за детьми нянька рассказала мне, что она уже два раза, входя в комнату спящих детей, была перепугана присутствием какой-то женщины, наклонившейся над постелью детей, и с ее появлением сейчас же исчезавшей. Когда теперь я попросил няньку описать наружность являвшейся женщины (она совсем не знала покойницу, так как недавно поступила к нам), то описание ее во всем сходилось с наружностью первой моей жены» (Ребус, 1887, № 20).

* * *

В 1821 году, вскоре после смерти Наполеона I на острове св. Елены, поставленный вместо него на престол Франции Людовик XVIII (из династии Бурбонов) однажды ночью лежал в своей спальне, но долго не мог заснуть и думал о Наполеоне.

Свечи тускло горели, на столе лежала корона французского государства и брачный контракт маршала Мармона. Этот контракт должен был подписать Наполеон, но военные события помешали этому, и вот он лежит перед Людовиком. Часы на храме Богородицы пробил полночь. Едва затих последний удар, отворилась дверь спальни, которую Людовик запер сам. Вошел Наполеон, подошел к столу, надел на себя корону, взял брачный контракт и потом перо... в это время чувства оставили Людовика. Когда он пришел в себя, было уже утро.

Первым делом его было осмотреть дверь, которая оказалась запертой не только на замок, но и задвижкой изнутри. Затем король подошел к столу и нашел контракт, подписанный именем Наполеона.

Дальнейшее исследование показало, что некоторые слуги, долго дожидавшиеся своих товарищей, в полночь видели бледный призрак, спешивший в спальню короля. Почерк подписи императора на контракте был признан за истинный, и этот замечательный контракт находился еще в 1847 году в королевском архиве в Париже (Шальберг, «О бессмертии», с. 42).

* * *

В летописях Англии записано, как умершая 4 января 1736 года королева английская София, по происхождению Брауншвейгская, явилась после смерти дважды супругу своему Георгу I и просила его разорвать незаконную связь с Горацией, начатую еще при жизни королевы. Явившись во второй раз, она взяла кружевной воротник короля, лежавшего в постели, завязала на нем узел и бросила на грудь короля, сказав, что «из смертных его никто не развяжет». Горация

на другой день, не сумев развязать узла, в досаде бросила воротник в огонь. Король вытащил его из камина, но он упал на платье Горации, которое быстро воспламенилось, и она умерла от ожогов. Георг раскаялся; подолгу молился, основал госпиталь, много делал добра именем королевы и умер спустя два месяца после последнего ее явления (Шальберг, «О бессмертии», с. 42).

* * *

Известный польский драматург Домник Магнушевский рассказывает, что однажды днем, когда он лежал в постели и задремал, его разбудил шум в соседней с его спальней комнате, которую подметали, и он увидел свою мать, умершую уже несколько лет назад. Она стояла около столика и, казалось, читала молитвенник. Когда он в испуге вскрикнул, то она закрыла книгу и мгновенно исчезла. Магнушевский тотчас подбежал к столику и, открыв книжку на загнутом листке, нашел на том месте молитву об умерших («Ребус», 1890, № 9).

* * *

У аввы Спиридона, епископа Тримифунтского, была дочь, девица по имени Ирина, такая же благочестивая, как и отец ее. Один из родственников отдал ей на сохранение какое-то драгоценное украшение. Девица, чтобы лучше сберечь вверенную ей вещь, зарыла ее в землю. Через некоторое время она умерла.

Когда же после смерти девицы пришел этот родственник, он стал требовать свою вещь у Спиридона. Старец, сочувствуя родственнику в потере драгоценности, пошел на могилу дочери и там со слезами умолял ее указать, где она спрятала данное ей на хранение драгоценное украшение. Девица тотчас же явилась к отцу, указала место, где сокрыто украшение и опять стала невидима (Монах Митрофан, «Как живут наши умершие»).

* * *

Граф и графиня П. владели значительным имением в Псковской губернии, доставшимся им по завещанию дяди графа. Несколько лет тому назад, когда они в первый раз приехали в свое новое имение, их предупредили, что дом со времени смерти старого графа посещается чуть не каждый день Призраком. Эти рассказы несколько не смутили графа и графиню и, будучи полнейшими скептиками относительно подобных явлений, они спокойно по селились в «непокойном» доме. Спальня их имела две двери: одна вела в длинный коридор, а другая — в целый ряд нежилых комнат, выходявших в конце опять в тот же коридор.

Вскоре после того, как первая из этих дверей была заперта на ключ и свеча потушена, графиня услышала какой-то шорох возле этой двери. Когда она прислушалась, ей сделалось ясно, что кто-то пытается отворить дверь. Графиня обратила внимание мужа на это обстоятельство, а когда была зажжена свеча, то оба ясно увидели, что дверная ручка шевелится, как бы нажимаемая кем-то с противоположной стороны. Граф со свечою в руках направился во вторую дверь; войдя в коридор, он увидел, что какая-то человеческая фигура стоит у двери. Подойдя ближе, он узнал своего покойного дядю. Одет он был так, как одевался и при жизни, и граф, забывая, что его уже нет в живых, невольно воскликнул: «Дядя, каким образом вы здесь?!». Призрак взглянул на него печально и исчез; тогда только граф опомнился, что дяди нет уже в живых («Ребус», 1886, № 15).

* * *

«Во время поучения, когда мое внимание было занято доводами проповедника, — рассказывает врач Н., — я вдруг увидел, что в церковь вошли три женщины, которые медленно направились к кафедре. Следуя за ними, я узнал в одной из них мою жену, в другой — мать, обе тогда уже умерли. Третья фигура, державшаяся в середине между обеими и обнимавшая мать

одной рукой, была прелестная маленькая девочка. Поза и жест обличали в ней как будто мою дочь. Подойдя к правому клиросу, эта группа фигур остановилась. Две из них — жена и девочка стали мало-помалу исчезать. Мать еще оставалась, обратила лицо ко мне и смотрела на меня несколько минут с любовью, потом и она исчезла, подобно первым» («Спорная область между двумя мирами», Р. Д. Оуэн).

* * *

Преподобный Акакий некогда, совершая свои молитвы, пришел в исступление и увидел чудного мужа, который взял его за руку, привел в поле, казалось, безграничное, где было множество дивных, но пустых зданий. Удивляясь, он спросил вожатого, отчего они пусты? — «Это место приготовлено для тех из христиан, которые платят туркам подати и иные повинности и терпят все это ради Христа с благодарностию». Когда видение кончилось, утром он призвал своих учеников и велел им заплатить подать туркам, говоря, что и мы должны иметь участие с теми, которые платят повинности туркам («Афонский Патерик». Память его 12 апреля).

* * *

Христианин! Помни, что и к тебе придет указ от Царя Небесного, и придет, когда не знаешь, и позовет тебя; и что случается с прочими при их кончине, то же будет и с тобою. Поэтому будь разумен, и мудр, и заблаговременно к часу тому покаянием и сокрушением сердца приготовляйся. Страшен тот час не только грешникам, но и праведникам, которые всегда помнили о нем, сокрушались и плакали о грехах своих. Помни смерть, и, воистину, вся суета и роскошь мира сего омерзает тебе, и ты будешь более искать плача и слез, нежели веселия и утех («Вечные загробные тайны», изд. Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне, и др. источники).



Местонахождение рая по учению Священного Писания и святых отцов Церкви

Место первоначального земного рая определяется Священным Писанием на востоке: *И насади Господь Бог рай во Эдеме на востоцех* (Быт. 2, 8). В этом же направлении по отношению к земле указывается и рай небесный. Преподобная Феодора поведала, что по исшествии ее из тела, она с сопутствовавшими ей Ангелами направилась для достижения небесных обителей к востоку. Великий угодник Божий Симеон Дивногорец видел рай на востоке («Четьи-Минеи», 24 мая). На востоке видела его преподобная Евфросиния Суздальская. Вот почему восток в христианской Церкви имеет великое значение. Так, храмы строятся алтарем на восток; покойники кладутся лицом к востоку; православные молятся на восток.

Православная Церковь, не занимаясь отыскиванием местонахождения рая во вселенной, в своих молитвах, особенно в Великую Субботу и Воскресение Христово, говорит о месте рая на небе.

Многие угодники Божий новозаветной Церкви созерцали рай подобно саду. Но, конечно, вещество его и природа соответствуют естеству его жителей — духов, и потому рай недоступен для наших чувств, огрубевших от глубокого падения.

При погребении Божией Матери св. Иоанн Богослов шел с райскою ветвью, принесенною на землю из рая архангелом Гавриилом.

Святой Макарий Великий пишет, что после смерти наследующих рай встречаются, отводят в особенные сады, в обители, приуготованные заблаговременно, где на них возлагают драгоценные одеяния (Беседа 16).

Святой Григорий Синаит пишет, что рай есть низшее небо; что деревья садов постоянно покрыты цветами и плодами; посреди рая течет река, его напоющая и разделяющаяся на четыре рукава. Об этой реке повествует и Моисей в своей книге: *Река же исходит из Эдема напаяти рай: оттуду разлучается в четыре начала* (Быт. 2, 10).

У всех св. отцов и учителей Церкви рай представляется садом дивной, неописанной красоты, природа которого вполне соответствует природе души, недоступной нашим огрубевшим чувствам.

Однако же недоступная для одних, райская природа была доступна для других при содействии Святого Духа. Так, подобно апостолу Павлу, восхищенному однажды в рай, был восхищен туда и один благочестивый подвижник, игумен Власий. Он начал служение с ранних лет и был украшен всеми добродетелями.

Власию пришло непреодолимое желание узнать, в какое место за гробом вселяют души монахов, подвизавшихся во время земной жизни. После трехлетней келейной, в каждую ночь, молитвы, в одну ночь игумен Власий, стоя по обычаю на молитве, внезапно был восхищен в рай. Здесь он почувствовал, что идет по какому-то полю, на поле был рай Божий. Блаженный Власий

вошел в рай, который представлялся цветущим садом, исполненным благовония.

В раю он увидел монаха своего монастыря Евфросина, сидящего под деревом на золотом престоле. Увидев Евфросина, Власий подошел к нему и сказал: Это ты, сын мой, Евфросин? Что ты здесь делаешь?

— Я поставлен здесь от Бога стражем, — отвечал Евфросин.

— А можешь ли мне что-нибудь дать, ежели я у тебя попрошу? — продолжал Власий.

— Могу, проси.

Тогда Власий, показав рукой на яблоню, сказал:

— Дай мне с этой яблони три яблока.

Евфросин снял три яблока и подал их игумену. Игумен принял их в мантию и тотчас пришел в себя; он опять увидел себя в келье, а в мантии три яблока.

Зазвонили к утрени. По окончании богослужения игумен приказал братии, чтоб никто из них не выходил из церкви. Призвав из поварни Евфросина, спросил его: «Сын мой, где ты был в эту ночь?». Евфросин, опустив глаза в землю, стоял и молчал. Старец не переставал его допрашивать, тогда Евфросин отвечал: . — Там, авва, где ты меня видел.

— А где я видел тебя? — спросил старец. Евфросин отвечал:

— Где просил у меня три яблока, в святом Божием раю, и я тебе их дал, а ты принял.

— Вот эти три яблока, полученные мною в Божием раю, — продолжал игумен, показывая их братии, — в эту ночь Бог сподобил меня быть в раю и видеть его.

Яблоки на благословение были разделены между братией и, больные между ними, по вкушении райских плодов, делались совершенно здоровыми («Алфавитный Патерик»).

Из сего сказания видно, что рай существует, и что Евфросин и Власий были своими душами в раю, описание которого закончим словами святого апостола Павла, бывшего там и видевшего его и слышавшего там *неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глагола-ти* (2 Кор. 12, 4). Итак, мы можем видеть из приведенных рассказов, что смерть для праведников скорее желательна, чем страшна и ужасна. И это потому, что они всю жизнь помнили о смерти, всю жизнь приготавливались к ней, — готовы были встретить ее каждый час, помня слова Господа: *Бдите убо, яко не весте дне ни часа, в оньже Сын Человеческий придет* (Мф. 25, 13).

Нравственный вывод из приведенных рассказов

Итак, ясно, что час смертный от нас, сокрыт и что смерть случается иногда внезапная. Истинно это и справедливо; но мы можем и освободиться от страха смерти. Для этого мы должны быть верными и мудрыми рабами Господними, как Авраам и Исаак и другие святые мужи: тогда умрем мы старцами исполненными дней, в старости маститой. (Быт. 25, 8). Умрем не принужденно и внезапно, но радостно и в чаянии блаженства, в лике праведных. Будем рабами мудрыми и верными, как Иаков и Иосиф, тогда мы предугадаем и час своей кончины, и каждый из нас скажет: *Се, аз умираю* (Быт. 48, 21). Тогда увидим мы чад своих и отойдем от сея жизни, благословляя и *моляся о чадех своих*. Тогда заповедаем мы о погребении своем, и уснем, и почием в мире и вечной радости.

Итак, будем рабами Господними, верными и мудрыми: верными, — храня и соблюдая, как зеницу ока, даже до последнего вздоха, православную веру; мудрыми, — удаляясь от всякого греха, исполняя всякую правду, тогда не устрашимся мы смерти и вечного мучения; ибо, когда придет к нам час смертный и найдет нас готовыми встретить его, тогда Владыка и Господь наш вчинит нас в лик блаженных и праведных, ибо Он сказал: *Блажен раб той, егоже, пришед господин его, обрящет тако творяща* (Мф. 24, 46).

А так как ни один человек не может сказать о себе, что он во всякое время готов к будущей загробной жизни, то будем, по крайней мере, твердо надеяться на всеблагого Бога, что Он Сам,

по неизреченной любви Своей к роду человеческому и ради безценных заслуг Господа нашего Иисуса Христа, имиже весть судьбами спасет нас.

Учение о мытарствах подтверждается и Священным Писанием, которое называет воздух именно областью злых духов: *яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властен и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф.. 6, 12).

Если же несомненно, что злые духи принимают великое участие в делах наших и стараются всячески вредить нам здесь, то, конечно, они не могут оставить нас спокойными в столь удобное для них время — при прохождении души через их как бы собственную область. Но учение о мытарствах излагается в некоторых молитвах церковных и у многих отцов Церкви, конечно, на основании Священного Предания. Так, в одной молитве говорится: «страшно бо и грозно место имам пройти, тела разлучився, и множество мя мрачное и безчеловечное демонов срящет». (В След. Псалтири молитва по 4-й кафизме) и в других местах.

Свт. Иоанн Златоуст говорит в слове о памяти умерших, что по разлучении с телом душа имеет великую нужду в помощи и заступлении Ангелов, дабы препроводить ее мимо старейшин, и властей, и невидимых миродержцев воздуха сего. В творениях св. Ефрема Сирина есть много мест, доказывающих всеобщность в его время мнения о мытарствах. Итак, мы можем видеть из сказанного, что души умерших, и праведников и грешников, подвергаются частному суду при своем восхождении на небо и, смотря по своим делам, тут же получают определение своей участи до всеобщего воскресения, *яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление: а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал. 6, 8). Души святых, праведных и богоугодно поживших на земле относятся Ангелами на небо, в райские обители, и здесь блаженствуют, — по учению Православной Церкви, предвкушают блаженство, а грешники, люди порочные, умершие без покаяния, низвергаются во ад и здесь приемлют мучение («Вечные загробные тайны», изд. Свято-Пантелеимоновского Афонского монастыря, и др. источники).

Общие выводы из рассказов о явлениях умерших

Основываясь на тех данных, какие имеются в представляемых нами рассказах, можно сделать следующие выводы о явлениях умерших живым. Являются умершие, преимущественно, близким их сердцу — родным, друзьям и знакомым, хотя иногда бывают случаи явления их и посторонним лицам, даже незнакомым. Почему не все умершие являются в этот мир, а лишь некоторые, неизвестно. Видно только из одного рассказа, что им строго воспрещено являться людям, которые сильно могут испугаться их.

Являются умершие как во сне, так и наяву, хотя некоторым лицам только во сне — это тем, кто не может перенести свидания с ними наяву. Одни из них являются днем, другие только ночью. Являются большей частью там, где было последнее их на земле местопребывание, хотя встречаются примеры явления и в местах совершенно случайных. Чаще всего являются в той одежде, в какой они преданы были земле.

Одни умершие, являясь определенному лицу, стараются, чтобы никто из посторонних не заметил их. Случается и так, что посторонние, хотя- и не видят умершего, но голос его слышат. Есть и такие примеры: умерший является сразу нескольким лицам, находящимся в одном и том же месте, так что видят его все с одинаковой отчетливостью. Иногда являются целыми группами, и даже в сопровождении лиц, совершенно незнакомых для тех, кому они явились. Замечательно то обстоятельство, что умерших видят даже животные, как, например, собаки, которые замечают появление умерших прежде человека и при этом так же, как и люди, пугаются их.

Нам кажется, что не все отшедшие души имеют одинаковую материальную оболочку, в которой являются живым. По всей вероятности, от их оболочки зависит и то обстоятельство, что одни являются вдруг, словно из земли вырастают, другие медленно, предупреждая о своем появлении разными внешними знаками — шорохом, постукиванием в дверь, звуком шагов и др.

Затем, одни из них входят и выходят через затворенные двери, окна, стены, так что для них не существует никакой внешней преграды. Другие же — не иначе, как через открытые двери. Если же двери бывают заперты на замок, то они стучат, чтобы им отворили. Трудно сказать наверное, потому ли они стучат, что не могут войти через запертые двери, или же стуком предупреждают о себе, чтобы внезапным своим появлением никого не испугать.

Исчезновение умерших происходит тоже неодинаково. Одни скрываются вдруг, так что нет возможности заметить, как и куда скрылся умерший. Другие же удаляются медленно, точно не желая расстаться с тем лицом, которому явились. Сначала явившийся бледнеет, превращаясь как бы в туман или облако, тихо отделяется от земли, потом мало-помалу поднимается вверх, становится более и более воздушным, сливаясь с воздухом, наконец, расплывается в нем и исчезает в пространстве.

Некоторые умершие при свидании с живыми бывают весьма общительны. Они выражают свой привет рукопожатием, поклонами, поцелуями, принимают живых в свои объятия, ласково гладят лицо их, волосы, а равно не препятствуют и живым проявлять чувства нежности. Случается даже, что явившиеся приносят живым приветы из загробного мира и от живых не отказываются передавать поклоны умершим...

Благодаря такой общительности, некоторые живые настолько осваиваются с умершими, что иногда забывают, с кем они имеют дело. Так, один парикмахер, закулив трубку, предложил умершему тоже покурить, но тот, конечно, отказался: «У нас, — сказал он, — не курят». Иные же умершие не только сами держат себя далеко от живых, но последних не допускают приближаться к себе.

То же необходимо сказать и относительно речи их. Одни из умерших охотно вступают в разговор с живыми, рассказывают, как они бывают между родными, что видят, что слышат; другие же сохраняют строгое молчание и отвечают только тогда, когда их спрашивают. Отчего такая разница — неизвестно.

Замечательно при этом, что некоторые умершие, беседуя с живыми, не все позволяют рассказывать другим, и это запрещение имеет такую необыкновенную силу, что живые до самой смерти сохраняют тайну, несмотря ни на какие просьбы друзей открыть им запрещенные слова.

Можно ли определенно сказать, с какими целями являются умершие живым? Если мы часто не в состоянии дать себе отчета в своих действиях, а равно не можем объяснить многих явлений из мира, нас окружающего, мира физического, то тем более нам трудно проникнуть в тайны мира загробного, духовного. Тем не менее, основываясь на тех данных, какие представляют нам рассказы о явлениях умерших, мы можем отметить следующее.

Некоторые являются по обещанию, еще при жизни данному своим родным или друзьям. Весьма многие являются, чтобы известить близкое лицо о своем отшествии в загробный мир. Такие явления бывают большей частью в момент смерти или вскоре после нее, и умершие в это время обыкновенно не вступают в беседу с живыми, за редкими исключениями.

Так как вера в бессмертие души и существование загробной жизни озаряет наш земной путь и раскрывает перед нашим взором назначение земной жизни, то многие умершие являются единственно с целью убедить тех, кто колеблется в вере или совсем потерял ее. Одна умершая, когда явилась больной сестре, которая страшилась смерти, показала ей на самой себе, что есть смерть.

Другие являются близким их сердцу с тем, чтобы уверить, что они снова свидятся в загробном мире, где соединятся навеки. Являются умершим и с тою целью, чтобы известить родных и друзей, как они живут за гробом.

Умершие весьма часто со слезами просят своих родных, друзей и знакомых молиться за них и подавать милостыню. И эти просьбы их, конечно, весьма понятны для нас. Им дорого и приятно думать, что они не покинуты за гробом, что на земле есть существа, которые помнят их,

интересуются судьбою их и желают им блаженства. Но, главное, они чувствуют на себе, как наши молитвы умилоствляют Бога.

Есть примеры, что умершие, указывая, где находятся их тела, просят совершить над ними обряд погребения. Это, конечно, те, тела которых лишены были надлежащего погребения.

Отшедшие души, являясь, глубоко благодарят своих молитвенников. Иногда в выражение своей благодарности за поминовение, умершие предостерегают своих благодетелей от непредвиденных опасностей; иные открывают все, что случится с ними в жизни и, особенно, день кончины их.

Судя по целям, с какими являются умершие, мы полагаем, что души, удостоенные вечного блаженства, редко возвращаются на землю для свидания с живыми. Если же являются иногда, то стараются проявить свое влияние на живых в смысле нравственного усовершенствования и исправления порочной жизни, отнюдь не вмешиваясь в житейские интересы их.

Чаще являются на землю души, не способные к возвышенным стремлениям и лишенные общения со светлыми духами. Они, по необходимости, держатся земли и постоянно вмешиваются в нашу жизнь. Они исключительно заняты бывают тем, что поработало их мысль и чувство во время земного существования. Поэтому, за них-то особенно необходимо молиться, чтобы помочь им подняться от земли на небо.

В заключение скажем, что многие лица, которые ранее не были убеждены в бессмертии души и существовании загробной жизни, после явлений умерших навсегда сделались глубоко верующими, и эту веру их уже никакие возражения не в состоянии поколебать.



Предсмертное видение и мирная кончина православного христианина (РАССКАЗ ДИАКОНА ИОАННА СВИРИДОВА)

В г. Карачеве Орловской губернии жил боголюбивый гражданин Петр Иванович Подсалихин. В течение пятидесятидвухлетней своей жизни он часто страдал от болезней, в последние же два года постигла его болезнь самая тяжкая. И вот 21 октября 1849 года, после сильных, мучительных пароксизмов, в час пополудни, он, наконец, обмер. Следы жизни едва были заметны по самому легкому биению некоторых жил.

В таком положении находился он четыре часа. Потом, вдруг всплеснув руками, обмерший окинул жадным взором окружающую одр его толпу родных и двукратно произнес: «Где Знамение Божией Матери? Где Знамение Божией Матери?». Жена его, Евдокия Михайловна, осенив больного крестным знамением, сказала: «Петр Иванович, что с тобою?».

Помолчав несколько, пробудившийся от неестественного сна, отвечал: «Ах, друзья мои! Послушайте, что я расскажу вам»; и, перекрестившись, начал говорить: «Я еще жив; слава Тебе, Господи, что я еще жив после того, как мне казалось, что я совершенно умер. Мне представилось, что грешное мое тело уже положено было в гроб и перенесено в нашу Преображенскую церковь, где совершена была Божественная Литургия и отпето по мне погребение. Потом из церкви понесли меня на Думную горку (так в городе Карачеве от глубокой древности называется общественное градское кладбище). Когда стали подходить к могиле, покойные отец мой, мать и все те дети, которых я прежде похоронил, вышли ко мне навстречу.

Дети обратились ко мне с таким приветствием: «Папенька! Папенька! Мы здесь давно вас ждем!». Когда же мой гроб хотели опустить в могилу, вдруг явился какой-то монах и сказал предстоящим: «Остановитесь!». Носильщики остановились, и в это время мне представился прекрасный рай. Тот монах, подойдя к райскому дереву, отвернул в нем кран, налил стакан горькой воды и дал мне выпить его. Выпивши стакан этой воды, я почувствовал ужаснейшую горечь. Тут страдания мои дошли до крайней степени. Во время этих страданий тот же монах подошел к другому райскому дереву, тоже отвернул кран, налил стакан сладкого меда и дал мне выпить его. Выпив этот стакан меда, я почувствовал невыразимую сладость. После сего прежний монах сказал предстоящим: «Оставьте его! Он должен умереть через десять дней, — в первое число ноября, на праздник Космы и Дамиана, в четыре часа пополудни». Только что монах окончил свою речь, я увидел над собою икону Знамени Божией Матери с распростертыми надо мною руками. Пораженный столь, дивным явлением, я бросился поцеловать образ и вдруг ожил».

Рассказ больного порастил очень многих; все с нетерпением желали узнать, оправдается ли сновидение больного относительно его смерти. На другой день после видения, больной приобщен был Св. Тайн, и совершено над ним Св. Тайнство Елеосвящения. Через пять дней, во второй раз был он удостоен причастия Св. Тайн. Под самый день его кончины, 31 октября,

родные, не спросив больного, опять пригласили было священника для той же требы, но больной умолял отложить это до утра; так и сделали. После ранней Литургии, 1 ноября, он в самый день своей кончины в третий раз был удостоен причащения Св. Тайн, причем прочитана была ему и отходная молитва. По отбытии священника больной благословил детей, а во время прощания с родными предсказал многим на будущее время удачи и неудачи в жизни, — и, между прочим, просил их внимательнее следить за его кончиной, и свою просьбу выразил в таких словах: «Когда наступит урочная минута моей кончины, я буду говорить вам так: простите меня, грешного, и помилуйте! а вы отвечайте: Господь Бог тебя простит и помилует, и при этом как можно внимательнее всматривайтесь в движение моего тела и выражение лица. Если я сам стройно и спокойно выпрямлюсь, сложу руки, сомкну глаза, и на лице моем выразится веселие и радость, то знайте, что Ангелы Божий будут брать мою душу; а если скорчусь и умру безобразно, злые духи возьмут ее». Это наставление больного тем более усилило старание предстоящих точнее следить за его кончиной. Наконец, роковая минута его смерти действительно настала: 1 ноября, в четыре часа пополудни, раб Божий Петр, по предсказанному за десять дней в видении, произнес последние слова: «Простите меня, грешного, и помилуйте!», стройно выпрямил тело, сложил руки и, закрыв глаза, с ясною улыбкою отошел к Господу...

В течение десяти дней после видения, больной, явным образом, пил горькую чашу земных страданий, а под самый конец жизни выпил стакан сладкого меда, — что доказывает мирная его кончина.

Дай Бог всякому православному христианину вкусить столь блаженную и мирную кончину!

Что все, написанное здесь о предсмертном видении нашего прихожанина Петра Ивановича Подсалихина, мною в последние дни перед его кончиной три раза исповеданного и Св. Тайн приобщенного, верно и без всякого преувеличения, то подтверждаю. Местный карачевский градской Преображенской церкви священник Николай Капитанников. («Странник», 1866).

Гость загробного мира (ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ УМЕРШЕГО ИНОКА)

Святой апостол Христов Павел, назидая современных ему солунских христиан, писал некогда им, чтобы они не предавались безмерной печали о своих умерших (1 Сол. 4, 13), что настанет неизбежный момент, когда воскресшие мертвые и оставшиеся еще в живых соединятся для встречи Господа. Разлучение одних с другими лишь временное, духовная связь не прерывается. История Церкви Божией и сказания священной и седой древности представляют нам много случаев, подтверждающих эту истину. Но и наше время, несмотря на его крайний скептицизм, не лишено такого, что может быть понято только при ярком свете христианской веры, и только ею одною может быть объяснено. Приведу один случай, глубоко запечатлевшийся в моей душе, рельефно подтверждающий близость и общение мертвых с живыми.

«В восьмидесятых годах прошлого века жил я в числе братии Троице-Сергиевой лавры. Одновременно со мною здесь же подвизался и простой, смиренный и неграмотный монах Смарагд, из крестьян Рязанской губернии, проходивший послушание при свечном ящике Троицкого собора. Всегда молчаливый и сосредоточенный, как бы ушедший в себя, он не был близок со всеми; но постоянным его доверием пользовался инок лавры отец Г., по просьбе Смарагда писавший ему иногда письма к его родному брату, крестьянину, посильно помогать которому материально Смарагд считал своей обязанностью. Всегда неизменно аккуратный и ревностный в исполнении возложенных на него послушаний, Смарагд несколько дней подряд не показывался в церкви и, когда я осведомился о причине, мне сказали, что Смарагд, вследствие быстротечной жесточайшей простуды, мирно предал дух свой Господеву, напутствованный всеми спасительными Таинствами Св. Церкви. Смерть в среде монашествующих не вызывает глубокой и безутешной горести о почившем и если бывает причиной чего — то это молитвы об умершем и глубоких размышлений о неизбежности смертного часа. Так было и здесь. При весьма скромной обстановке похоронили тело Смарагда на лаврском братском кладбище при Боголюбской Киновии и понемногу стали забывать о нем.

Прошло уже более сорока дней от его кончины. Однажды, в холодный зимний вечер, после вечернего богослужения, мы сидели вдвоем с о. Г. в его теплой и уютной келье, разбирая только что полученные им журналы и беседуя по поводу помещенных в них статей. Разговор наш был чисто литературного свойства и обыденных явлений не касался. Мирно побеседовав со своим просвещенным другом до одиннадцати часов вечера, я, пожелав ему покойной ночи, удалился в свою келью. Наутро встречаю о. Г. Поздоровавшись, он говорит мне:

— А я вчера ночью едва не побежал было к тебе, и только один Бог укрепил меня в решимости остаться у себя в келье.

— Что за причина? — спрашиваю.

— Видишь ли, — продолжал о. Г., — как и тебе прекрасно известно, вчера о покойном Смарагде ни у тебя, ни у меня не было даже и мысли. Когда ты ушел, я, не имея охоты ко сну, тем не менее прилегал отдохнуть на постель в своей спальне, оставив в зале на столе горящую лампу. Мысли, одна разнообразнее другой, вереницей пронеслись в голове моей. Вдруг я инстинктивно почувствовал, что в комнате есть кто-то посторонний. Взглянул, — и в дверях залы вижу стоящим в мантии и клобуке покойного Смарагда. Он молчал, молчал и я, не чувствуя в то же время ни страха, ни смущения. Молчание первым нарушил Смарагд.

— А я к тебе, о. Г., — сказал он.

— Вижу, — отвечаю, — но ведь ты же, о. Смарагд, умер и каким образом здесь, со мною?

— Умер-то я умер, но телом, — отвечает — а душою, по милости Божией, жив.

— Как ты себя чувствуешь там?

— По неизреченному человеколюбию и милосердию Божию — хорошо. Потрудись, о. Г.,

написать брату о моей кончине, пусть помолится с домашними о душе моей.

— С готовностью исполнил бы твое желание, о. Смарагд; но адреса не помню и письмо с адресом давно затерял.

— Письмо это лежит в твоём письменном столе, в нижнем ящике, под бумагами.

— Видел ли ты кого-либо из святых Божиих на небе?

— Был я у святителя Димитрия Ростовского и получил его благословение.

— А видел ли ты Бога?

— Видел и поклонился Ему.

— Заклинаю тебя: скажи, что есть Бог?

Но, очевидно, вопрос мой был настолько высок и, пожалуй, дерзок, что явившийся мне загробный гость мой или не мог, или не хотел ответить на него. Положив палец на уста, он безмолвствовал. И мгновенно лицо его стало исчезать; через секунду на меня глядел голый остов; еще через секунду предо мною были только клубок и мантия, свившаяся в клубок, а затем бесследно исчезнувшая. Только теперь, когда все видение окончилось, только теперь я почувствовал страх и непреодолимый ужас. Был момент, когда я готов был, как говорил тебе и ранее, бежать в твою келью, но, устыдившись своего малодушия и осенив себя крестным знамением — остался в келье. Желая проверить справедливость указания Смарагда относительно нужного письма, я заглянул в указанный ящик и действительно: оно преспокойно лежало под бумагами, давно мною забытое».

Конечно, много было, есть и, веруем, будет таких или подобных ему явлений, ясно удостоверяющих нас в той непреложной истине, что смерть для людей благочестивых, ходящих в делании заповедей Божиих, есть не более, как усение — сон, после которого следует сладкое пробуждение и вхождение в сопричастие благих, *яже уготова Бог любящим Его*.

Заклучим наш скромный рассказ глубоко знаменательными словами свт. Иоанна Златоуста: *никтоже да убоится смерти, свободы бо нас Спасова смерть* (А. Воскресенский, «Кормчий», 1911, № 16).

Замечательное видение

В июне 1892 года я приехал из города Баку в Тифлис к своей замужней дочери. Вскоре по приезде она, между прочим, сказала мне, что проживающая неподалеку от них тринадцатилетняя дочь вдовы мещанки Е. Б-ой, Анна, имела видение во время болезни: видела своего умершего отца, братьев и сестер. Я сначала на этот рассказ не обратил внимания, но когда услышал о том же от родственников отроковицы Анны, с которыми я был знаком, то попросил их пригласить Анну в свой дом; там она лично рассказала мне, в присутствии родных, свое видение, тогда же с ее слов мною записанное.

«В 1892 году на третий день Святой Пасхи я заболела дифтеритом и была отправлена в городскую больницу. На другой день, когда я, тяжело больная, лежала в постели и стала забываться, как бы засыпая, вдруг в это время я увидела своего отца, который умер более шести месяцев тому назад. Он подошел ко мне, взял за руку, велел встать и повел меня. Очень скоро очутились мы на кладбище. Отец повел меня к своей могиле, где он был похоронен.

— Вот это твоя могила, — сказал мне отец, указывая место около своей могилы.

— Я не хочу, папа, умирать, — сказала я.

— Почему?

— Я еще молодая, хочу жить.

— Ну, живи. Я возьму дедушку твоего, если на то будет воля Господня. Скоро дедушку возьмешь? — спросила я.

— Я тогда тебе скажу.

— А скоро ли? — опять спросила я.

— Нет, не скоро.

— Как же, папа, ты теперь со мной говоришь, — спросила я, — ведь ты давно умер?

— Умерло мое тело; оно — спит, а душа живая.

— У всех ли так бывает?

— У всех. Хорошо ты делаешь, Аня, что помнишь и исполняешь мое приказание и зажигаешь лампаду

пред святыми иконами. А вот о могиле моей никто из вас не позаботился; хотя бы ячменю на ней посеяли.

— Я скажу маме и мы поседем.

После сего отец взял меня за руку, и мы с ним пошли. Дорога была каменистая; потом вскоре началась тропинка, покрытая красным блестящим песком. Мы пошли по этой тропинке. Она привела нас к большим, высоким воротам; на них было много икон; а по сторонам ворот стояли два монаха и держали в руках иконы. Я вошла вместе с отцом в отворенные ворота. Тут, при входе, встретили нас очень много детей; в числе их я увидела знакомых и своих братьев и сестер, умерших в разное время: Алексея, шести лет; Евгению, семи лет; Феодосию, пяти лет; Марию, четырех лет; Петра, трех лет; годовалую Антонину и Лидию, шести месяцев. Все они со мною поцеловались. Одеты они были не одинаково, а так кого в чем похоронили; но на всех были крестики, снаружи, а на головах венчики, какие на умерших надевают в церквах; за поясками у всех были платочки с изображениями ангельских ликов и с надписями; но что написано — я не знаю и не читала. Дети хотели было вести меня, но папа взял меня за руку и сам повел. Мы пришли к церкви, очень большой, белой, с сияющим куполом. В притворе было много икон: с правой стороны стоял монах в облачении и читал; там же на столе были крест, святая вода, свечи с изображениями Спасителя и Божией Матери и венчики. Я спросила: для чего здесь венчики?

— Они даются тем, кого похоронят без венчиков, — отвечал отец.

Среди церкви стоял монах и читал, но я не помню что; я рассматривала церковь. Иконостас весь блестел и в нем было много икон, царские врата были растворены; над ними — белый голубь. С правой стороны была икона Спасителя, а с левой — Божией Матери; обе иконы большие, в белых блестящих ризах, усеянных золотыми крестиками и звездочками. На обоих клиросах стояло много Ангелов в белых одеяниях, все в один рост и все они пели: «Христос воскрес!». Я узнала Ангелов потому, что они были с крыльями, как изображаются на иконах. Кроме Ангелов и монахов никого в церкви не было. Отец выпустил мою руку, которую все время держал в своей руке, и я стала молиться пред иконой Божией Матери. Помолившись, я хотела подойти и поцеловать икону, но кто-то невидимо удержал меня и я не могла подойти к иконе. После сего отец взял меня за руку и мы вышли из церкви. Тут я увидела очень сильный свет, не похожий на солнечный. В это время отец велел мне поклониться. Я поклонилась. Потом велел встать — я встала и спросила:

— Что такое было, что мне велели поклониться?

— Тебя Господь благословил, — отвечал отец.

Тут нас опять встретили дети, и мы все пошли далее. Деревьев было много, как будто лес. Шли мы по широкой тропинке, покрытой зеленью, как ковром и еще чем-то блестящим. Вскоре мы пришли к тому месту, где дети постоянно находятся. Тут на большом столе я опять увидела свечи с бантами из лент и изображениями святых. Дети срывали с деревьев много разных плодов и давали мне, но я отказывалась, не брала; они были как будто недовольны моим отказом и клали плоды в корзинки. Я стала спрашивать детей:

— Что вы здесь делаете?

— Богу молимся, в церковь ходим, поем, и звоним на колокольне.

— За кого вы молитесь? — спросила я.

— За тех, кто за нас молится.

— Чем вы здесь питаетесь?

— Молитвами, когда нас поминают.

— Какими молитвами?

— Какие бывают на проскомидии.

— А когда вас не поминают, тогда чем питаетесь?

— Когда ты придешь к нам, тогда все узнаешь.

Тут все дети стали просить меня, чтобы я осталась у них:

— Ты будешь нянчить своих маленьких сестер. — Но я не желала оставаться. Отец сказал мне:

— Пойдем.

Я стала прощаться с детьми, брала их за руки, а они меня целовали.

Когда мы пошли, я стала спрашивать папу:

— Спите ли вы здесь?

— На что нам сон? — сказал он. — Спит наше тело, а душа не спит.

— Разве ночей здесь не бывает?

— У нас как теперь светло, так и всегда. Свет незаходимый.

— А холодно бывает?

— Здесь нет ни холода, ни жары.

Я стала смотреть вверх, думала увидеть небо, облака, но ничего не видела, кроме сильного света и больших деревьев, стоявших вокруг и поднимавшихся на значительную высоту; а сверху видела летающих Ангелов, трубивших в трубы.

Отсюда пошли дальше. Вижу беседки, сплетенные из растений: в них были монахи и священники. Далее, за беседками, под деревьями, сидел кто-то в кресле, с короной на голове.

Я спросила папу: «Кто это сидит?». Он сказал: «Государь». Имени Государя я не знаю и не спрашивала; только вдаль видела еще много таких же.

Пошли еще дальше. Вышли на тропинку, где не было ни лесу, ни земли, и дорога была не такая хорошая, как прежде. Чем дальше шли, свет постепенно все уменьшался и мы подошли к каким-то подвалам; кругом было сыро, холодно, смрад. Тут я увидела много людей; некоторые из них сидели за какими-то перегородками и все плакали. У многих женщин, склонивших головы, вся одежда была мокрая от слез. Я узнала некоторых знакомых и свою крестную мать, умершую два года тому назад. Она сидела и, увидав меня, бросилась было ко мне, но кто-то невидимо удержал ее и не допустил ко мне. Она опять села и заплакала.

Я спросила:

— О чем вы плачете?

— О том, что обо мне никто не молится.

— Хорошо ли вам здесь?

— Нет, — отвечала она.

Я хотела еще ее спросить, но папа повел меня дальше; шли мы как будто под гору, все вниз. Свету там почти не было; народу было очень много, одни сидели, другие стояли. Вдруг я увидела впереди огонь, выходящий откуда-то снизу, и сильно испугалась. Отец сказал мне:

— Ничего не бойся. — Я спросила его:

— Что это за люди?

— Грешники, — отвечал он.

Я опять стала смотреть в ту сторону, где был огонь, и увидела что-то похожее на бревна; на них висели цепи, а людей не видно было, только одни головы. Слышны были крики, стоны, оханье.

Отсюда мы пошли назад. Подошли к воротам, около которых стояло какое-то большое чудовище, похожее на корову; оно сильно зарычало; я испугалась и — вдруг очнулась... Лежала я в постели, около меня никого не было».

По словам родственников отроковицы Анны, С. В. и Е. П. Т-х, рассказ этот, в первый раз услышанный ими от своей племянницы, произвел на всех потрясающее впечатление; да и сама Анна, под свежим влиянием своего видения, была в сильном волнении и со слезами передавала свой рассказ, в действительности которого никто не сомневался по следующему обстоятельству. Когда отроковица Анна находилась в больнице, умерли две двоюродные ее сестры: Евгения и Мария, заболевшие тоже дифтеритом и находившиеся в доме своих родителей. О смерти их Анне не говорили, и она о том не могла узнать ни от кого другого, кроме посещавших ее родных. Между тем, в рассказе своем она упоминает о Евгении и Марии, находившихся в числе встретивших ее детей, и, кроме того, она подробно описала, в чем они были одеты при погребении, т.е. как она видела их в загробном мире.

Что Всемогущий Бог скрывает от мудрых и разумных мира сего, то открывает младенцам и чистым сердцем. Приведенный рассказ, как и множество подобных ему, лишь утверждает в непреложности Божественного откровения о действительном бытии загробной жизни и учении Св. Церкви о необходимости и силе Ее молитв за умерших, в чем, к сожалению, сомневаются и что даже вовсе отрицают многие из современных лжемудрецов, зараженных духом неверия. К этим людям вполне можно применить слова праведного Авраама, сказанные им Евангельскому богачу: *аще кто от мертвых воскреснет, они не имеют веры* (Лк. 16, 31) (2 января, 1894, П. Русков).



Цель жизни

В Евангелии, именно в речах Господа Иисуса, произнесенных Им пред народом, или в тесном кругу ближайших учеников, а также в Его молитвенных воззваниях к Богу Отцу, мы находим много высказываний, относящихся к вопросу о конечной цели человеческой жизни. Взятые в совокупности, они дают совершенно полный и ясный ответ на заданный вопрос. К числу таких высказываний принадлежат, между прочим, следующие: *В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам... приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я* (Ин. 14, 2-3). *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его... Видевший Меня видел Отца* (Ин. 14, 6. 7. 9). *Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною... И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них* (Ин. 17, 24. 26).

Блаженны чистые сердцем., ибо они Бога узрят. Блажены вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах (Мф. 5, 8. 11-12). *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). В ряду с этими изречениями Господа могут быть поставлены, как повторяющие и раскрывающие их, такие, например, изречения из писаний апостолов: *Наше же житительство — на небесах* (Флп. 3, 20). *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). *Возлюбленные! мы теперь дети Божий; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть* (1 Ин. 3, 2). *Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога... жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге* (Кол. 3, 2-3).

Из приведенных цитат видно, что в учении о конечной цели человеческой жизни Евангелие, повторяемое и раскрываемое в писаниях апостолов, ставит на первый план вечную жизнь. По евангельскому учению, жизнь человеческая не закончится полностью здесь, на земле; могила и гроб для нее не границы. Земная жизнь есть лишь первая стадия жизни вообще; она вечно продолжится и за пределами гроба, причем сознание, личность каждого отдельного человека останутся неприкосновенными. И вот там-то, за гробом, а не здесь, на земле, конечная цель человеческой жизни, и там-то она вполне будет достигнута.

В чем же эта цель? В преискреннем, теснейшем общении и единении с живым и личным Богом, Существом безконечно премудрым и благим, Богом истины и любви.

Но не слишком ли отвлеченно, не слишком ли высоко это учение? Оно едва по силам философскому уму... А может ли неразвитый интеллектуально человек соединить с евангельским учением о конечной цели жизни какое-либо определенное и живое представление и, таким

образом, найти в нем успокоение и отраду? По видимому в этом позволительно усомниться. Да, учение евангельское о цели жизни, действительно, возвышенно, но в то же время и просто, и если философский ум затрудняется уяснить и воспринять его, то его правда непосредственно удовлетворяет самой простой и смиренной душе и с радостью приемлется ею. Дело в том, что учение, о котором у нас речь, отвечает самым коренным запросам и потребностям человеческого духа, и потому . он может найти в нем полное удовлетворение, а вместе с тем отраду и покой.

Наставление свт. Тихона Задонского о христианской жизни

Не должен ты, христианин, в праздности жить, но должен в трудах благословенных упражняться. Ибо праздность — виновница всякого зла, и кто в праздности живет, тот непрестанно грешит. Из сего правила исключаются только немощные и престарелые люди, которые трудиться не могут.

Всякого греха, как смертоносного яда, берегись, ибо всякий грех прогневляет и оскорбляет великого Бога: он грешника отлучает от Бога и препятствует достижению вечного спасения. Итак, берегись греха, чтобы не подверг тебя вечной смерти.

Что совесть возбраняет тебе делать, того не делай, ибо что возбраняет совесть непогрешительная, то возбраняет и Закон Божий. Совесть добрая согласна с Законом Божиим. Закон Божий говорит: *не убий, не укради*, и пр., то же слышишь и в совести твоей: и она то же тебе говорит. Берегись же делать то, что совесть запрещает, чтобы, уязвив совесть, не уязвить тебе и не погубить души своей.

Имя Божие произнося, поминай со всяким почтением, страхом и благоговением, и то там и тогда, где и когда это нужно: ибо имя Божие свято и страшно, и поминающий Его с непочтением тяжко грешит. Итак, отдавай почтение имени Божию, как Самому Богу. Имя царя земного, ты с почтением поминаешь, как и следует; тем более имя Бога, Царя Небесного, пред Которым благоговеют сами Ангелы и души святых, с высоким почтением помянуть должно.

Правильно поминается или произносится имя Божие в молитве, в славословии, в благодарении, в хвалебных песнях духовных, в беседах и разговорах, христианам приличных, т.е. когда разговор бывает о святом Божием слове, о Законе и Евангелии, о пришествии Христовом в мир, о Его страданиях и смерти, нас ради подъятой, о смерти, о вечной муке и вечной жизни и пр.: в других же разговорах без крайней нужды не поминай, и если нужно будет помянуть, то со всяким опасением и должным почтением поминай.

Во лжи и шутках крайне берегись помянуть имя Божие, чтоб тотчас же не постигло тебя наказание Его, ибо Бог есть *огнь поядая*.

Вошли в обычай божбы, крайне непристойные христианам, например: «Ей Богу... на то Бог... свидетель Бог... видит Бог... на то Христос...» и т.п., и поминаются людьми часто и почти при любом разговоре. Такие божбы не иное что, как сатанинский вымысел, на безчестие имени Божия и погибель человеческую изобретенный: ты берегись так и подобно тому божиться.

Когда нужно будет тебе утвердить истину, помни заповедь Христову: *буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни* (Мф. 5, 37). Прочее все от неприязненного духа.

Везде и во всяких вещах с любовью поминай Господа Бога твоего и святую любовь Его к нам. Все, что ни видишь на небеси, и на земли, и в доме твоём, побуждает тебя к воспоминанию Господа Бога твоего и любви Его святой. Любовь Божия объемлет нас; всякое создание Божие свидетельствует любовь Его к нам. Итак, видя создание Божие и пользуясь им, говори сам себе: это есть дело рук Господа Бога моего и ради меня оно сотворено. Сии светила небесные: солнце, луна и звезды суть создание Господа Бога моего, — всей вселенной и мне они светят. Сия земля, на которой я живу, которая мне и скотам моим плоды произращает, и все, что ни есть на ней, есть создание Господа моего. Сия вода, которая меня и скотов моих напоет, есть дар Господа моего. Сей скот, который мне служит, есть создание Господа моего, и мне на службу от Него он

дан. Сей дом, в котором я живу, Божие добро есть, и мне он дан от Него для жилища и покоя моего. Сия пища, которую я вкушаю, есть дар Божий, данный мне для укрепления и утешения немощной плоти моей. Сию одежду, которою одеваюсь, Господь Бог мой подал мне для прикрытия нагого тела моего. Сей образ, *образ Христов*, есть образ Спасителя моего, Который ради меня пришел в мир сей, полный бед и скорбей, — спасти меня погибшего, и своими страданиями и смертью избавил меня от греха, диавола, смерти, ада. Поклоняемся неизреченному человеколюбию Его. Сей образ, *образ Богородицы*, есть образ Пресвятыя оныя Девы, Которая Господа Бога моего Иисуса Христа плотию без семени родила. Благословена в женах. Бога плотию рождающая Матерь, и благословен плод чрева Ее. Сей образ *Предтечи* есть образ того великого-пророка, который от Бога послан пред лицом Спасителя моего Иисуса Христа, и Его — уже пришедшего в мир — возвестил людям, и указывал на Него, говоря: *се Агнец Божий, вземляй грехи мира*, — и сподобился крестить Его в струях иорданских. Сей образ *Апостола* есть образ ученика Спасителя моего, который сам Его видел, и обращался с Ним, и чудодействующего видел, и поучающего слышал, и страждущего за спасение мира и воскресшего из мертвых и возносящегося на небо видел. Сей образ *Мученика* есть образ того подвижника, который *страдал до крове за честь Спасителя* моего Иисуса Христа, и за имя Его святое живота своего не пощадил и благочестивую нашу веру, яко истинную, изливанием крови своею утвердил. Сие слово, *Священное Писание*, которое я слышу, есть слово Божие, есть слово уст Его; и ныне чрез него Бог мой мне глаголет: *Благ мне закон уст Твоих, паче тысящ злата и сребра* (Пс. 118, 72). Господи! Дай мне уши слышати слово

Твое святое. Сей дом священный, *церковь*, в которой я стою, есть храм Божий, в которой обще от верных, братии моей, приносится Богу моему молитва и славословие. Сии гласы, *славословие и молитва общая*, суть те гласы, которыми пение, благодарение, хвала и славословие воссылаются святому имени Бога моего. Сей священный муж — *епископ* или *иерей* есть ближайший служитель Бога моего, который о мне, грешном, и о всем мире приносит Ему молитвы. Сей муж, *проповедник слова Божия*, есть посланник Бога моего, который мне и прочим людям, братии моей, возвещает путь спасения. Сей брат мой, *всяк человек*, есть любезное создание Бога моего, как и я, — создание, по образу Божию и по подобию сотворенное и падшее, кровию Сына Божия, Спасителя моего, как и я, искупленное, и к вечной жизни словом Божиим призванное. Надобно мне его любить, как любезное создание Бога моего, — любить как себя самого люблю, и не делать ему ничего, чего себе не хочу, — делать же то, чего себе хочу. Словом, всякий случай и всякая вещь может и должна возбуждать тебя к воспоминанию Господа Бога твоего и показывать тебе любовь Его к Тебе, так что и самое наказание Его происходит от любви Его к нам, как сказано: *егоже бо любит Господь, наказует* (Евр. 12, 6). Итак, поминай везде и во всяком случае имя Господа Бога твоего. Берегись забывать Благодетеля, довольствуясь благодеянием Его: забвение Благодетеля — явный знак неблагодарности.

Какое бы дело ты ни начинал, рассуждай, — согласно ли оно с совестью и Законом Божиим и истинно ли оно полезно для тебя; если с Законом Божиим согласно — начинай и делай, если противно — оставь, чтобы не впасть тебе в сеть врага, который всегда ищет уловить человека в свою сеть. Не все тебе полезно, что кажется полезным, а только то, что согласно с здравым разумом и словом Божиим.

При начале всякого дела призывай имя Господа Бога твоего и начинай с молитвою, да поспешит тебе Господь помочь начать и совершить свое дело. А отсюда уже видно и то, что христианин ничего не должен предпринимать такого, что с Законом Божиим не согласно.

Когда хочешь есть и пить, призывай имя Господа и проси от Него благословения ястию и питию твоему, говоря: «Господи, благослови». И при этом ты помышляй, что хочешь вкушать и наслаждаться благами Господа Бога твоего. Кто хищением и неправдою приобрел себе состояние, тот находится под клятвой и лишен благословения; поэтому и имя Божие призывать

ему не годится. Так и тем, которые хотят упиваться, имя Божие призывать не должно: ибо пьянство запрещено от Бога.

Что люди делают, тому безрассудно не подражай. Ибо от такого безрассудного подражания люди портятся и развращаются, и час от часу умножается зло и оскудевает благочестие, но внимай лишь тому, чему учит слово Божие.

О Таинстве Пресвятой Троицы, святейшей Евхаристии и о прочих Таинствах, а также и о том, что не открыто в слове Божиим, и что открыто, да понять не можешь, любопытства не испытывай, чтобы не впасть в сеть диавольскую и не погибнуть; ибо что требует одной веры и превышает разум наш, то испытывать очень опасно. Итак, берегись испытывать то, что выше тебя. Веруй во всем так, как Святая Церковь верует. Это есть самый безопасный путь.

Истинные христиане живут в мире сем так, как путники, странники и пришельцы, и всегда верою и душевными очами взирают лишь на Небесное Отечество и оно достигнуть стремятся: будь же и ты в мире сем странником и пришельцем и непрестанно-взирай на Отечество Вечное и его получить старайся.

Тем христианам, которые в мире сем желают и ищут обогатиться, достигнуть почестей и прославиться, не подражай. Таковые забыли, что за них умер и пострадал Христос, Сын Божий, и Своими страданиями и смертью открыл вход в живот вечный. Видно, что они того только желают и ищут, что видят, а чего не видят, того не желают и не ищут. Они на всяк день, как Адам в раю, простирают руки к запрещенному дереву и от него на беду себе вкушают и сердцем своим от Бога отступают. Ты таковым христианам не подражай, но верою и сердцем стремись к вечным благам: ибо христианское имение и наследие, честь и слава, богатство и все сокровище, — не в мире сем, но в будущем веке и в небесном отечестве.

Все умершие оставили мир и все, что в нем; оставишь и ты, хотя бы и весь мир был в твоей власти. Одно только благочестие идет с нами в страну вечности; будь же благочестив до конца и одно благочестие считай истинным сокровищем.

Чаще поминай смерть, суд Христов, вечную муку и вечную жизнь, и тогда непременно мир сей со всею его прелестью не будет привязывать тебя; ты не захочешь в мире сем обогатиться, славиться и веселиться, а о том одном будешь стараться, чтобы Богу угодить, блаженно скончаться, на суде Христовом не посрамиться, вечной муки освободиться и в Царствие Божие внити.

Если имеешь нужду из дома выйти и к людям пойти, то будь внимателен к себе и со всею осторожностью береги сердце свое. Везде представляй себе Господа Бога своего, и страх Его святой, как свеча, да предшествует тебе. Куда ни выйдешь, и где ни будешь, везде с тобою Бог, и всякое дело твое Он видит, и знает, и всякое слово твое слышит. Итак, везде береги себя.

Крайне берегись оскорблять кого бы то ни было словом или делом, ибо это есть тяжкий грех. Когда оскорбляется человек, то оскорбляется и Бог, Который любит человека. Но если как-нибудь оскорбишь ближнего своего, то тотчас примиришься с ним и со смирением попроси прощения у него, чтобы, не подпасть тебе праведному суду Божию.

Со всяким человеком обходись не лестно, но просто, так, как сам с собою. Каким являешься ему по наружности, таким будь и по внутреннему расположению, и что говоришь ему, то должно быть и на сердце у тебя, ибо лесть и коварство — дела пагубных людей, и в сердцах их диавол живет, который научает их лести и коварству на прельщение наше.

Если увидишь и услышишь, что ближний твой согрешил, берегись оклеветать и осудить его. Ты о нем скажешь одному, тот другому, этот третьему, третий четвертому, и, таким образом, все будут знать и соблазняться, и согрешившего будут осуждать, что тяжело есть; а ты будешь всему тому причиной, ибо рассказал братнее согрешение. Клеветники подобны прокаженным, которые своим запахом и другим вредят, или подобны зараженным моровою язвою, которые с места на место переносят заразу и других погубляют. Берегись же ближнего твоего оклеветать,

да не тяжко согрешишь и другим ко греху повод подашь. Точно так же берегись и осуждать его, *ибо своему Господеви стоит он или падает*, ибо и сам ты грешник. Праведнику судить и осуждать никого не должно, тем более — грешнику грешника. Судить людей — дело одного Христа, Которому суд передан от Отца Небесного, и будет судить Он живых и мертвых, суду Которого предстанешь и ты. Берегись же присваивать себе право суда, не принадлежащее тебе, да не явишься с этим тяжким грехом на Страшный суд Христов и не осудишься за оный на вечную казнь. Обрати лучше очи твои и ум твой на себя самого и рассматривай себя: обличай себя, обвиняй себя пред Богом за грехи твои, чего требует дело покаяния, — обличай и обвиняй себя пред Богом и проси от Него милости, как мытарь, — да от Него оправдишься.

СОДЕРЖАНИЕ

Свидетельство умерших о бессмертии души и о загробной жизни

Замечательное сновидение (*Рассказ послушницы Феклы*)

Один час мучения в аду.

Час адских мук на земле

Кончина христианского отрока

Церковная молитва и милостыня

Что такое смерть?

О необходимости приготовления к смерти

Внезапная смерть

Примеры из жизни людей, умерших внезапной смертью

Примеры встречи смерти святыми и благочестивыми людьми

Рассказы о явлении умерших

Из области таинственного (*Посмертное заступничество св. великомученика Георгия*)

Знаменательные явления

Молитва за усопших приятна им

Явление из загробного мира

Наказание Божие за сквернословие

Предсмертные видения грешных

Поучительное видение

Ожившие покойницы

Обличение из загробного мира

Сила молитвы

Вразумление Божие

Обмиравшая

Дай Бог всякому так умереть!

Необдуманное клятвенное слово матери

Явление покойной матери

Поучительное сновидение (*Из келейных записок инока*)

Обращение старообрядки Обращенный атеист Дивный случай

Загробная стезя

(*Мытарства блаженной Феодоры*)

Учение о мытарствах

Рассказы о прохождении святыми мытарств

В назидание друзьям Важность поминовения усопших

Просьба умерших о поминовении их и благодарность за молитвы живых

Явление умерших родным и друзьям с известием о своей смерти

Сила церковного поминовения

Участие умерших в судьбе живых и особенно родных и друзей

Сообщения умерших о состоянии их за гробом

Господь приемлет и грешников кающихся

Что есть адские мучения?

Видение обитателей Царствия Небесного

Влияние умерших на жизнь близких им людей
Из мира таинственного
Дивная кончина христианского отрока
Замечательный сон одной крестьянки
Видимые следы, оставляемые
являющимися душами, и открытие ими своей загробной участи
Местонахождение рая по учению Священного Писания и святых отцов Церкви
Нравственный вывод из приведенных рассказов Общие выводы из рассказов о явлениях
умерших
Предсмертное видение и мирная кончина православного христианина
Гость загробного мира Замечательное видение Цель жизни
Наставление свт. Тихона Задонского о христианской жизни
К читателю
Православное учение о бытии Бога и о бессмертии души.

Свидетельство ДК № 95 от 26.06.2000г.
Издательство ЗАО "Тираж-51". Адрес издательства: 84313, Донецкой обл.,
г. Краматорск, ул.Орджоникидзе 10/4.
Издательство ЗАО "Тираж-51" - набор, верстка,
оригинал-макеты, художественное оформление,
подготовка текста, тиражирование, переплет, издание.
Отпечатано с готовых диапозитивов, изготовленных в
дизайн -центре издательства ЗАО "Тираж-51",
в типографии ЗАО "Тираж-51." Подписано к печати 6.12.2000г. Тираж 40000экз. Зака:
Печать офсетная.
Адрес: 84313, Донецкой обл.,
г. Краматорск, ул.Орджоникидзе 10/4.

Не обленимся помогать умершим и приносить за них молитвы; ибо предлежит общее очищение Вселенной. Посему мы и молимся с дерзновением о всей Вселенной и именуем их вместе с мучениками, исповедниками и священниками. Ибо все мы — одно тело, хотя одни члены превосходят других. Отовсюду возможно снискивать им прощение: и от молитв, и от приносимых за них даров, и от признаваемых вместе с ними. Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь снискать прощения умершему?

Свт. Иоанн Златоуст

К читателю

Книгопечатание «божественных», «святых» книг всегда считалось на Руси богоугодным делом и истинным украшением подвижнической жизни монахов. В старину говорили: «Что коню узда для его сдерживания, то человеку «божественные» книги для удержания его в святой правде и благочестии». Или еще: «Не создать и не воспитать праведника без душеполезного чтения, как не построить корабля без гвоздей» Это на душеполезном чтении вырабатывал русский народ идеалы святости и ясностью свое го ума и совести, своей правдой, смирением, жаждой благообразия поистине светил на весь мир, как истинный народ-Богоносец. Для нравственно-религиозного воспитания народа переводились с греческого на русский язык такие сборники душеполезного чтения как: 1) Палей или Сбор-ник рассказов из Священного Писания (Ветхий и Новый Завет); 2) Прологи — изречения из Священного Писания и творений Отцев Церкви; 3) Златоструй — избранные места из поучительных бесед свт. Иоанна Златоуста, 4) Златая цепь — выдержки из творений Отцев Церкви разных веков и так Далее, без конца. А какое неисчислимое и неценимое духовное сокровище душеполезного чтения было веками накоплено в русских монастырях и библиотеках! Куда же девалось все это религиозно нравственное богатство родного народа?

Во дни «углубления» безбожной революции, когда сразу была попорана вся красота Святой Руси, было осквернено и предано всесожжению и уничтожению и все Духовное сокровище Исторической России. Восполнить этот пробел счел за благо архимандрит Пантелеймон, неисповедимыми Путиами Промысла Божия осуществивший великое чудо основания на чужбине Свято-Троицкой обители. Архимандрит Пантелеймон поистине гармонически сочетал в себе образцового монаха-администратора и служителя Церкви с лучшими качествами нашего любимого богатыря-пахаря, Микулы Селяниновича, которого за трудолюбие полюбила «сама мать — сыра земля». И если Микулу народ всегда видел за работой, на пахоте, с его тощей лошадежкой — кобылкой Соловой, то архимандрита Пантелеймона мы видим в поле: то он на тракторе-плуге «с края на край бороздки пометывает»; то по целым дням не слезает с бульдозера, расчищая землю для новых построек, а в зимние долгие вечера над своими сборниками душеполезного чтения просиживает до поздней ночи. Двадцать таких сборников выпустил о. архимандрит! Среди них — такой, нимало не утративший актуальности, как «Гайны загробного мира».

Никогда еще в истории человечества религия и наука одновременно, авторитетно и так настойчиво не били тревогу о возможной скорой кончине мира, как это мы видим в наши дни.

Основываясь на предсказанных Самим Христом Спасителем признаках Его Второго славного пришествия на землю для Страшного и Праведного Суда, Церковь наша, как чадолюбивая Мать усиленно зовет ко всеобщему покаянию, к утраченной духовности и достойной подготовке к грядущему.

И не только у верующего в загробную, вечную жизнь человека, но и у многих, слишком

привязанных к Земле и никогда не задумывавшихся над вечными тайнами загробной жизни, невольно возникают в сознании старые, но вечно юные и неотступные вопросы о бессмертии души, о высшем смысле и конечной цели человеческой жизни на Земле.

И в самом деле, неужели же и в эти, быть может, последние времена перед кончиной мира все те, кто всецело привязан к материальным благам земли и отрицает загробную жизнь, не найдут нужным прервать свой безумный «пир во время чумы» и задуматься над вечными тайнами истинного, места человечества во вселенной, которые с незапамятных времен волновали пытливым умом человеческий? Неужели же и теперь человечество, уставшее от мук и не раз захлебывавшееся в крови и слезах, не найдет нужным заглянуть в будущее, которое им до сих пор представлялось в виде какой-то пустоты; в виде какого-то провала в бездну небытия и тьмы кромешной в «вырытой заступом яме глубокой»... и все?

Не пора ли всем призадуматься: неужели же в самом деле вся вселенная слепым случаем зародилась, слепым случаем управляется и в силу слепого случая снова обратится в ничто, а дальше что? Приходится только удивляться, как мало-мальски здравомыслящий человек, окончательно еще не заглушивший в себе совесть и разум, может еще тянуть ляжку своего существования на земле и даже наслаждаться им при своем безумном отрицании Загробной настоящей жизни, уподобляя всю вселенную какому-то огромному кораблю, неизвестно откуда появившемуся и неизвестно куда плывущему «без руля и без ветрил», не ведая никакого тихого пристанища, не задумываясь над конечной целью этого движения корабля в какую-то пустоту?

В наш век страшного вызова всему Истинному Православию в его единственности непогрешимой; в наш век торжества «безцерковного христианства», утопающего в пагубной ереси против догмата Церкви о самом существе ее, с нарушением административно-канонического устройства ее; в наш век небывалого богоотступничества вообще, с утратой веры в бессмертие человеческой души; в наш век небывалого кризиса мировой совести в нравственно обанкротившемся человечестве, очутившемся на огнедышащем, уже действующем вулкане духовной и фи-зической гибели — в эти поистине апокалиптические дни из церковной ограды раздался спасительный зов архимандрита Пантелеймона — возбудить внимание и укрепить нашу веру в вечную жизнь.

На страницах ценного труда архимандрита Пантелеймона читатель найдет духовные жемчужины Православного учения, с самыми простыми и ясными ответами на все запросы человеческой любознательности, постоянно вопрошающей об истинном месте человечества во вселенной и о высшем и конечном смысле человеческого существования на Земле.

Сборник составлен частично из старых, редчайших архивных материалов, а также — из фрагментов ценных дореволюционных книг и дополнен личными материалами архимандрита Пантелеймона.

Проф. Г. А. Знаменский (США).

Православное учение о бытии Бога и о бессмертии души

Бытие Божие имеет одинаково твердые доказательства как в истории человечества, в данных внешнего опыта, так и в свидетельстве нашей собственной души. Чем больше человек углубляется в познание Бога в природе, чем более внимательно следит за собственным опытом и при этом заботится о сохранении доброты в сердце и чистоты в совести, тем яснее для него становится истина бытия Божия.

Существо Божие выше всякого познания не только человека, но и Ангелов, Бог есть «Свет неприступный». Если пред сотворенным светом видимого солнца изнемогает наше око, как не изнемоет око нашего ума пред Светом Вечного Солнца духов, пред Которым и высшие из Ангелов закрывают свои лица. Ограниченный ум человека соотносится с Богом — предметом познания, как горсть с морем и даже менее, чем горсть. Можно ли горстью исчерпать море? И если бы и возможно было это, потому что море имеет пределы и меру глубины, то все же невозможным оставалось бы малым сосудом разума человеческого исчерпать бездну премудрости Божией, которой широта безпредельна и глубина безмерна.

Путь Богопознания - во внутреннем духовном опыте. Святой Василий Великий изучил науки в знаменитой Афинской школе, привлекавшей к себе в то время цвет ума и таланта. Изучил он ораторское искусство, астрономию, философию, физику, медицину, естественные науки. Был гордостью своих профессоров. Но все светские знания не могли насытить его ума, искавшего нечто высшее, — небесного озарения, и, по окончании курса, он отправился в те страны, где жили христианские подвижники и где бы он мог вполне ознакомиться с истинно христианской наукой.

Был в Египте, Карфагене, Сирии и Палестине. Там он нашел и духовное руководство, и большое собрание богословских творений, прилежно и долго изучал их...

Неверующие гордо заявляют, что разум не признает сверхчувственного мира, потусторонней жизни. Они забыли слова мудрейшего из смертных: все, что человек знает и что может понять — ничто в сравнении с тем, чего он не знает и не понимает. И это знание Сократ приобрел опытом целой жизни, посвященной исканию истины.

Кроме природной ограниченности нашего ума, естественному Богопознанию препятствует греховное помрачение его. «Удивляюсь я тем немалочисленным людям, — говорит Симеон Новый Богослов, — которые не трепещут богословствовать о Боге, будучи исполнены грехов... Мы, не знающие ни самих себя, ни того, что перед очами нашими, с дерзостью и безстрашием приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно будучи пусты от благодати Святого Духа, просвещающего и научающего всему».

Будет время, когда многие тайны будут нам открыты вполне, но для этого мы должны пройти долгий и весьма ответственный путь правильного духовного развития.

Если вы хотите, чтобы изменилась окружающая нас жизнь, говорит христианство, изменитесь сами, воспитайте ваше сердце.

Братская любовная жизнь, Царство Божие на земле возможны, только их надо искать не где-нибудь вокруг, не в чем-нибудь внешнем, а внутри себя, в своем сердце.

Для вступления в Царство Божие и в основанную Господом на земле Церковь, для исполнения заповедей Христовых и для познания тайн Его учения — необходимо благодатное возрождение от Святого Духа. Осуществить закон Христов в жизни нашими слабыми и склонными ко греху силами безусловно невозможно; единственно только при помощи Святого Духа, через обновление нашего естества новой стихией благодатной жизни.

Христианство доселе не понято и не оценено миром, а оно-то и есть то «сокровище негиблющее», которого с такой жадностью ищут люди. Это сокровище есть внутренне реальное общение со Христом, развивающееся в безконечную радость вечности...

Опыт духовный свидетельствует о близости нашему духу Духа Божия, о воздействии

Божества на нашу душу, входящую в живое общение с Ним; в этом чувстве присутствия или близости Божества и состоит самая сущность религиозного чувства или веры.

Для нас, верующих и верных сынов Церкви, сомнения в Божестве Иисуса Христа, Спасителя нашего, и быть не может, но сколько душ, кажется, усердно стремятся ко Христу и не находят в себе полной веры в Него. Постоянно их тревожат сомнения: многого они никак не могут допустить и понять.

Однако мы напрасно думаем, что наши сомнения — что-то новое и небывалое: они были еще при жизни Господа и затем повторялись и повторяются непрерывно, ибо враг рода человеческого не дремлет и неустанно работает над погибелью нашей. Побороть его злую силу сами мы, одни, без Христа, не можем, но возрожденные благодатью в общении со Спасителем нашим, мы получаем возможность бороться и побеждать наших врагов.

Разлад между верой и разумом наблюдается лишь там, где вера слаба. Если неверующие находят много непонятого в учении о Боге, то это само собой объясняется тем, что само Откровение пришло к нам не из нашей сферы знания и жизни, а из тех безпредельных сфер бытия, где живет и открывает Себя Верховное Существо. Все возражения разума против Откровения падут сами собой, потому что они большей частью основываются на том, что разум не хочет поглубже вникнуть в высшее Откровение.

Божественный Сердцеведец Христос Спаситель первый указал миру, что единственный источник общественной, политической и всякой исторической жизни — дух человека, и что чем он совершеннее, тем совершеннее будет и все созданное.

С истиной бытия Божия неразрывно связана другая истина — духовности и бессмертия человеческой души.

Заметим, что желание жить, жить всегда, дано человеку Создателем не без цели. Это есть как бы первое указание на бессмертные души, как бы первое побуждение готовиться к жизни будущей. Желание жить связано с желанием счастья, которого ждет всякий. Эта жажда счастья не утоляется здесь, следовательно, должна быть жизнь будущая, где бы могло исполниться это пламенное желание нашего сердца.

Мы видим, что Бог, влагая в природу человека известные желания, дает вместе с тем и средства к удовлетворению их. Мучимые жаждой, мы можем напиться; голод можем утолить пищей; устав от труда, мы чувствуем нужду подкрепить и обновить свои силы покоем. Но счастья мы ждем безпрестанно, и никто не может нам его дать.

Неужели этого счастья нигде не существует? Ужели Бог вложил в нас это желание, не имея намерения удовлетворить его когда-нибудь? Нет, Промысл Божий, который доставляет нашему телу нелегкие блага земные, не может навсегда оставить нашу душу, алчущую счастья. И так как счастья нет здесь, то оно должно существовать за пределами нашей жизни, в жизни будущей, в недрах Божиих.

Есть и другое желание, близкое желанию счастья, это — желание усовершенствования, которое, по кратковременности нашей жизни земной, не может быть удовлетворено здесь. Нам кажется разумным думать, что Бог, даровавший нам это желание, удовлетворит его в жизни будущей.

Заметим и то, что способности нашего сердца и нашего разума не развиваются и не усовершенствуются до такой степени, до какой могли бы. Но Бог не оставляет Своих произведений неоконченными. Следовательно, надо полагать, что по Своей премудрости Он бережет для нашего духа другую жизнь, где человек делается тем, кем может быть.

Человек способен приобретать каждый день новые познания. От детства до старости сколько успехов он может сделать в науках! Как он может усовершенствовать себя в благочестии! Однако же он умирает, и его умственное и нравственное образование остается неоконченным. Он мог еще более усовершенствоваться и в том, и в другом; он мог еще лучше изучить чудные

явления мира Божиего; он хочет совершенно искоренить в своем сердце пороки, и на место их насадить добродетели, словом — еще более приблизиться к тому идеалу, который указан Самим Богом, но смерть останавливает человека, прежде чем он окончит тот путь, который должен был бы пройти. В таком случае Бог оставил бы Свое дело неоконченным, скажем более, Он попустил бы человеку умереть навсегда в ту минуту, когда человек наиболее способен усовершеншаться!

Можно ли представить, что отец, давший превосходное начальное образование своему сыну, запер бы его на остальное время жизни в четырех стенах, вместо того, чтобы позволить ему продолжать учение и собрать плоды своего воспитания? Так и здесь, невозможно, чтобы тот, который любит добро, который стремится к совершенству, идея которого и чувство даны ему Богом, был остановлен на пути своего усовершенствования.

У кого из нас нет желания узнать лучше законы природы, по которым Промысл управляет миром? У кого нет желания узнать Виновника всего существующего? Какое дитя не желает видеть отца, которого оно знает лишь по благодеяниям, полученным от него? Разве Бог дал бы нам возможность возноситься мыслью к Нему, если мы не должны наслаждаться более ясным созерцанием Его природы, Его совершенств, конечной цели творения мира и т.п.?

Прекрасен образ души, совершенствующейся в истине и добродетели! Ужели Бог уничтожит ее прежде, чем это усовершенствование было, бы окончено? Совершенство, как и счастье, растение не здешнего мира: оно принадлежит другому царству. Всякое растение нуждается в почве, климате, ему свойственном, но для совершенства нет здесь почвы, нет родины. Где же оно, если не в будущей жизни? Человек есть венец всего земного творения, но это творение не окончено.

Мы — только камни, предназначенные войти в сооружение великолепного здания, мы находимся в приготовительной школе, где получают только начатки учения, мы проходим только детский возраст того длинного века, которого имя — вечность. Смерть только совлечет с нас земную и грубую оболочку, недостаточную для нашего будущего существования.

Когда мы припомним, что люди, имевшие самое чистое сердце, непрестанно борющиеся с врагами духовными и прославившие себя множеством побед, как, например, святой апостол Павел, не были уверены и после непрерывных трудов, что достигли совершенства, к которому стремились, когда подумаем, что Господу должно же быть приятно видеть те успехи, какие делают а благочестии Его создания, приятно видеть, как они все более и более приближаются к уподоблению Ему, — тогда нельзя себе представить, чтобы Господь оставил их на половине пути к добродетели, чтобы Он в награду за их заслуги даровал им смерть, уничтожение. Это несообразно с благостью и мудростью божественною.

Чаяние будущей жизни вместе с верою в Бога служит основанием благоустроенной жизни и на земле. Известно, что те народы, у которых ослабела вера в будущую жизнь, подвергались разным бедствиям; основы семейной, общественной жизни у них потрясались; эти народы подвергались внутренним междоусобиям и порабощению от внешних врагов. Было время, что весь человеческий род, кроме семейства праведного Ноя, по определению Божию истреблен был потопом, потому что люди тогда потеряли веру и в Бога, и в бессмертне души. У людей того времени плоть так поработила дух, что они забыли о своем высоком достоинстве: потому Бог и сказал об этих людях: *не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками (сими), потому что они плоть* (Быт. 6, 3). Подобное будет перед Вторым пришествием Иисуса Христа на землю и кончиной мира.

Вопрос о бессмертии — самый жизненный: вся наша жизнь, как личная, так и общественная, зиждется на вере в бессмертне души и будущую жизнь.

Бессмертне человека состоит в том, что душа его по смерти тела продолжает жить отдельно от тела, и человек продолжает свое существование в другом мире. Смерть не прерывает существования человека, а только видоизменяет его.

Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых, и земная жизнь наша — только начало, приготовление к жизни вечной, нескончаемой. Нет и не было ни одного народа, который не ожидал бы будущей жизни — это чувство присуще душе человеческой.

Вспомните древнегреческого писателя, историка Плутарха, который много в своей жизни путешествовал и много видел разных стран и народов и который писал: Обойдите вы всю землю, вы увидите много во всем различий; вы увидите селения, где нет никаких законов; увидите людей, которые не знают, что такое деньги; встретите города без укреплений; целые племена, не имеющие жилищ, но нигде вы не найдете страны или народа, среди которых не строились бы алтари и жертвенники, где не сжигались бы жертвы и не возносились бы молитвы к небу».

Языческие религии представляют, чаще всего, более или менее ясные гадания бессмертия души, и только христианство сообщило вере в бессмертие и загробную жизнь полную достоверность и истинное выражение, ибо оно не учение человеческое, а Богооткровенная истина.

Это чаяние вечной жизни, которое искони существовало в человеческом духе, как нечто свыше прирожденное ему, получило полное и совершенное развитие в христианстве. С поразительной силой убеждения говорит, например, апостол Павел о воскресении и будущей жизни в Первых посланиях к Коринфянам и Фессалоникийцам. Загробная жизнь сделалась у апостолов предметом твердой и непоколебимой уверенности, потому что им дано было зреть воочию эту посмертную жизнь — в лице воскресшего Христа.

Эта благодатная вера воодушевляла первых христиан, она же ярко светилась в жизни святых Божиих и почти на наших глазах так ярко проявилась, например, в жизни преп. Серафима Саровского, старцев Льва, Макария, Амвросия и Иосифа Оптинских, св. Иоанна Кронштадтского, которые еще на земле как будто переступили таинственную грань мира сего. Они имели настолько благодатное знание о будущей жизни, что отблеск ее словно отражался на их всегда детски радостных лицах, как у людей, подобно апостолу Павлу, испытавших «восхищение до третьего неба» и слышавших там «неизреченные глаголы».

Люди, приближающиеся к совершенству, достигшие чистоты сердца, «стяжавшие Духа Божиего», находясь еще в этом мире, имеют дерзновение перед Вседержителем, входят в чертог Его, где Ангелы и духи святых. Еще будучи в теле, они твердо знают, что будут царствовать со Христом, потому что уже здесь, на земле, познали сладость Божественного озарения и действие силы Его. Сверхъестественные дары Богообщения, получаемые душой, еще находящейся в теле, служат только залогом небесных благ, о которых нельзя человеку и рассказать, ибо нет слов для их изображения.

Уже в настоящей жизни, поднявшись на вершины духовной высоты, эти святые люди переживают блаженство и радость, подобные вечной небесной радости в будущем веке. Они были еще здесь ангелами, исцеляя всяческие недуги душевные и телесные; преображались на молитве, сияя Фаворским светом; им повиновались стихии, пред ними преклонялись люди и звери, растения, вода и воздух.

Человек как существо, предназначенное к бессмертию, не может не иметь предчувствия о нем, но в иных людях чувство это сильно, а в других так слабо, что оно почти ни в чем не проявляется. Отчего это? Да от того, что в человеке два начала: одно — бессмертное, которое не исчезнет в смерти, другое — смертное, которое живет только до гроба. Каждое из этих начал производит в человеке сродное себе чувство. Оба эти начала так тесно связаны, что составляют теперь одно целое. Поэтому-то и чувство бессмертия с чувством смертности сливаются в одно неопределенное чувство. Если человек живет более тем, что есть в нем истинно бессмертного, т.е. духом, совестью, то чувство бессмертия усиливается, а если сильно предается тому, что есть в нем временное и мертвое — плоти и крови, то усиливается чувство смертности.

Нашу душу, рвущуюся к свету небесному, нельзя удовлетворить земными благами, и потому-

то многие люди, по-видимому имеющие все для земного счастья, испытывают нередко великую тоску; недаром блаженный Августин, испытав все удовольствия и прелести земные, воскликнул: «Ты создал нас для Себя, и сердце наше беспокойно до тех пор, пока не найдет покоя в Тебе».

Смерть — великое и страшное таинство; и самое таинственное в ней — момент разлучения души с телом, переход человека из жизни телесной в жизнь чисто духовную, из временной — в вечную.

Дух человека скорее и легче отрешается от условий временной жизни, и иногда еще прежде окончательной смерти тела — он уже витает как будто вне тела. Вот чем объясняются нередкие случаи, что в час кончины, еще не совершившейся, человек или, правильнее, дух его является в отдалений от тела близким по сердцу людям.

Еще несколько минут, — и человек вступает в вечность. Как вдруг изменяется форма его бытия! Дух его видит свое собственное существо, видит предметы (и самые отдаленные) уже не телесными глазами, а каким-то непонятным нам ощущением. Он говорит слова не членораздельными звуками, а мыслью; не руками осязает предметы, а чувством. Двигается не ногами, а одной силой воли, и то, к чему прежде он мог приближаться с великим трудом, медленно, теперь он достигает мгновенно; никакие естественные препятствия его не задерживают. Теперь и прошедшее ему видно, как настоящее, и будущее не так сокрыто, как прежде, и нет уже для него ни часов, ни дней, нет расстояний, — ни малых, ни больших; все сливается в один момент — вечность.

Что же он видит и чувствует?

Он видит предметы, для которых у нас нет названий; слышит то, что на земле не может быть изображено никаким голосом и звуком; его созерцания и ощущения не могут быть выражены никакими словами. Он находит свет и мрак, но не здешний: свет, пред которым яркое солнце светилось бы как свеча пред солнцем; мрак, пред которым наша самая темная ночь была бы яснее дня.

Он встречает там и подобные себе существа и узнает в них людей, так же отшедших из этого мира. Но какое изменение! Это уже не здешние лица и не земные тела: это одни души, вполне раскрывшиеся, со всеми их внутренними свойствами, которые и облачают их соответственными себе образами. По этим образам души узнают друг друга, а силою чувства узнают тех, с которыми сближались в здешней жизни.

Встречаются духу нашему и существа, сродные ему по естеству, но такие, которых одно приближение дает ему чувствовать неизмеримо высшую силу их. Одни из них выходят из безпредельного мрака, и все существо их — мрак и зло; неизобразимые страдания в них самих, скорбь и гибель отличают их каждое движение и действие. Но это еще в низших сферах духовного мира, ближайших к миру земному. А там, далее, дух видит безконечное море непостижимого света, из которого выходят и другие существа, еще более могучие; их природа и жизнь — одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь: божественный свет наполняет все существо их и сопровождает каждое движение. Итак в этом чудном мире дух человека силой своей духовной природы и неодолимой силой притяжения сродного ей мира летит, летит все далее до того места, или, лучше сказать, до той степени, до какой могут достигнуть его духовные силы, и весь поразительным для него образом перерождается.

Тот ли это дух, который жил в человеке на земле, дух ограниченный и связанный плотью, едва заметный под массою тела, всецело ему служащий и поработанный так, что без тела, по-видимому, и жить и развиваться не мог!

Теперь что с ним случилось?

Теперь все, и доброе, и худое — быстро, с неудержимой силой раскрывается: его мысли и чувства, нравственный характер, страсти, стремления воли, все это развивается в необъятных

размерах; сам он ни остановить их, ни изменить, ни победить не может: беспредельность вечности увлекает его до бесконечности; его недостатки и слабости обращаются в определенное зло: его зло делается бесконечным, его скорби обращаются в беспредельные страдания.

Представляете ли вы себе весь ужас такого состояния? Ваша душа, теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая в себе зло, там явится злой до бесконечности; ваше худое чувство здесь еще чем-нибудь сдержанное, если вы не искорените его здесь, обратится там в бешенство; если вы здесь владеете собой, там вы уже ничего не сможете с собой сделать: все в вас и с вами перейдет туда и разовьется в бесконечность...

Душа человека, отрешась от тела, с многократной силой продолжает развивать в себе те качества, которые она приобрела в земной жизни...

Вследствие этого праведники утверждаются в добродетелях и преданности воле Божией, а нераскаянные грешники — в нечестии и ненависти к Богу. К концу мировой истории и на небе, и на земле будут только две категории людей: беспредельно любящие Бога праведники и также ненавидящие Его грешники.

Чем же ты сделаешься там, неверующий, грешный человек? Если ты здесь не хорош, то там будешь темным, злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь, или нет: ты тогда слишком хорошо себя узнаешь, и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в сообщество темных, злых сил. И на этом пути ты ни остановиться, ни возвратиться не сможешь и во веки веков будешь страдать. Чем? Бешенством от твоего собственного зла, которое не даст тебе покоя, и от той злой среды, которая будет вечно окружать тебя и терзать без конца.

А что же душа добрая, что будет с нею?

И добро также раскроется во всей полноте и силе; оно будет развиваться со всей свободой, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь большей частью сокрытое, неузнаваемое, неценяемое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый, все свое блаженство, здесь подавляемое разными скорбями жизни. И понесется эта душа, всей силой своего нравственно развитого и добродетельного стремления в высшие сферы того мира, туда, где в бесконечном свете живет Источник и Первообраз всякого добра, в область светлых и чистейших существ, и сама делается ангелом, т.е. таким же светлым, чистым, блаженным существом.

Она будет уже навеки тверда теперь в добре, и никакое зло, ни внутреннее, ни внешнее, не сможет уже ни поколебать ее, ни изменить, ни повредить ее блаженному состоянию. Но и не праздно будет жить душа и наслаждаться блаженством: она будет действовать своим просвещенным умом в созерцании и постижении тайн, здесь неразгаданных и неизвестных: тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни.

Состояние наше в будущей жизни не будет состоянием бездеятельного покоя, оно будет представлять гармоничное, всецелое удовлетворение всех потребностей и стремлений нашей души, путем непрерывного, бесконечного развития. Ум, сердце и воля человека найдут для себя обильную пищу в развитии.

Непосредственное общение с Богом, как всеозаряющим Светом, должно раскрыть нам всю беспредельность законов бытия: пред нами откроется такой кругозор, о котором мы в настоящей жизни не можем иметь и понятия. Тогда только удовлетворится та духовная жажда знания, которой томился человек в настоящей жизни. Один Бог — беспредельное море сущности — будет уже служить неисчерпаемо возвышеннейшим предметом для нашего ума в его вечном стремлении постигнуть Виновника всего сущего.

Вторым предметом нашего духовного созерцания будет дело нашего искупления, совершаемое Сыном Божиим, то великое и чудное дело, в которое желают проникнуть и ангельские умы, которым наше человеческое естество возведено в Лице Богочеловека на престол

Божества.

Третьим предметом нашего познания будет мир ангельский, мир совершенных, чистейших духов.

Само человечество в его прошедших судьбах и настоящем его состоянии будет также предметом, размышление о котором будет представлять для нас величайший интерес. Наконец, преображенный и обновленный мир во всей его красоте и разнообразии будет привлекать к себе наш умственный взор и возбуждать чувство удивления и благоговения к Сотворившему все премудростию.

К этому следует прибавить высокое нравственное удовлетворение, которое будут испытывать праведники, вследствие взаимного сближения между собою. Не будет между ними ни зависти, ни ненависти, ни вражды, ни лжи, ничего такого, чем так полна и постоянно отравляется наша жизнь на земле.

Братская любовь, ничем ненарушаемый мир, полнейшее согласие, чистейшая правда будут царствовать среди блаженных обитателей Нового Иерусалима на небесах. Какая необъятная область ведения и жизнедеятельности! Какой неисчерпаемый источник блаженства!

Большинство людей, однако, изо всех сил гонят от себя мысль о смерти, и вещания Слова Божия не трогают их сердец, увлеченных страстями и суетностью мира. Но некоторые из тех, которые отошли в другой мир прежде нас, иногда являются сюда свидетелями и уверяют нас, как очевидцы, в истине всего того, что говорит нам Божественное Откровение о последней судьбе нашей.

Известно очень много таких явлений, которые мы принуждены признать за действительные, хотя и не можем объяснить их. Отрицать же все то, чего нельзя объяснить, было бы безумно. Разве существовало объяснение системы мира тысячу лет тому назад? Да и в настоящее время разве мы можем объяснить вполне законы солнечных лучей, или законы тяготения? Разве мы уже знаем всю природу нашей души, все ее способности и их отношения между собою? Что во вселенной есть много сил, еще неизвестных нам, в этом ни один мыслящий человек ни на одно мгновение сомневаться не может.

Что явления умерших живым возможны и бывали, этого не отрицает само Божественное Откровение. Из Священного Писания видно, что иудеи не сомневались в возможности явлений умерших. У современных Спасителю иудеев вера в эти явления была всеобщей верою. Иисус Христос предполагал ее уже как несомненную и никогда не говорил ничего такого, из чего бы можно было заключить, что Он не одобрял или осуждал эту веру.

Апостолы не сомневались в возможности и действительности явлений духов: увидев Спасителя, идущего к ним по водам озера Генисаретского, они думали сначала, что видят духа (Мф. 14, 26). Евангельский богач, находясь в адских мучениях, просит Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тот предостерег его братьев от опасности подвергнуться тому ужасному состоянию, какое он сам испытывал. Следовательно, он не сомневался, что души умерших могут возвращаться в мир, по воле Божией, и являться людям. Во время Преображения Иисуса Христа на Фаворе явились Моисей и Илия, давно перед тем отшедшие в загробный мир, и беседовали со Христом (Мф. 17, 3). По воскресении Спасителя, многие умершие восстали и явились в Иерусалиме (Мф. 27, 52-53).

Блаженный Августин в разрешении вопроса о явлении умерших сознается, что очень трудно найти объяснение для многого, происходящего в нашей душе, как в бодрственном, так и в сонном состоянии. Но тот же Августин признает, что часто умершие являлись живым людям, указывали им места, где были зарыты их тела без должного погребения. При этом он замечает, что часто в храмах, в которых были похоронены умершие, слышен бывает шум и раздаются пение и что часто видели, как мертвые входили в дома, в которых они жили на земле.

Святые отцы и учителя Церкви не сомневались в возможности явления умерших, и не только

утверждали эту истину, но сами, так сказать, подчинялись видениям, исполняя то, что требовали от них являвшиеся умершие. Так, когда свт. Иоанну Златоусту явился в городе Команах епископ Василиск, за сто лет до того умерший, и сказал: «Мужайся, брат Иоанн, завтра мы будем вместе», — святитель поверил этому видению и просил стражу на другой день не вести его дальше (это было в то время, когда его отправляли в заточение), надел на себя чистые одежды, приобщился Св. Тайн, и действительно, как было ему сказано, скончался.

Митрополит Филарет Московский в одном из поучений говорит: «Явления из духовного мира неизъяснимы, но неопровержимы», — и сам он не только не усомнился, когда явился ему умерший родитель его, который открыл ему день смерти, но стал готовиться к отшествию к загробный мир («Краткий курс богословия» составленный на основании лучших пособий, свящ. И. Виноградов; «Премудрость и благость Божия», Голубинский, изд. Тузова, 1894, «Душеполезное чтение», ч. 1, 1876 и др. источники).